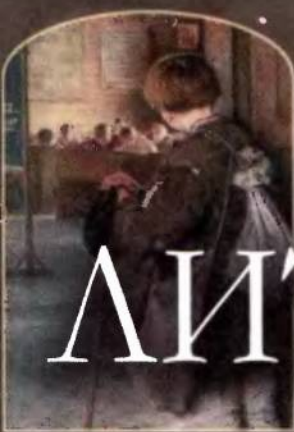

Евгения Волошук

ЛИТЕРАТУРА

8

класс

*Рекомендовано Министерством образования
и науки Украины
(Приказ № 179 от 17.03.2008 г.)*

**Издано за счет государственных средств.
Продажа запрещена**

Рецензенты:

*Н.Р. Мазепа, доктор филологических наук;
Л.М. Бурбело, учитель-методист*

**В художественном оформлении издания использованы работы
В. Васнецова, Тории Кийонаго, С. Бродского, И. Левитана,
В. Высоцкого**

Волощук, Е.В.

В68 Литература: Учебник для 8 кл. общеобразоват. учеб. завед. с рус.
яз. обучения / Евгения Волощук. – К.: Генеза, 2008. – 288 с.: ил.
ISBN 978-966-504-752-0

Учебник знакомит с художественными произведениями, изучение которых предусмотрено действующей программой курса «Литература» (русская, зарубежная) для 12-летних общеобразовательных учебных заведений с русским языком обучения. Издание содержит информацию об авторах художественных текстов, предлагаемых для чтения, систему вопросов и заданий, а также подборку иллюстраций.

Материал учебника организован таким образом, чтобы помочь учащимся лучше понять смысл художественных произведений, научить их вдумчивому чтению, способствовать развитию их творческих способностей.

ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-966-504-752-0

© Волощук Е.В., 2007
© Издательство «Генеза»,
оригинал-макет, 2008

В одном из стихотворений великого русского поэта XX в. Бориса Пастернака есть строка, которая содержит в себе емкое определение сути художественной литературы: «образ мира, в слове явленный». Это определение охватывает важнейшие признаки искусства слова. Разберем их по порядку.

1. Ключевой особенностью искусства и, в частности, искусства слова являются *образы* (у Пастернака: «образ мира»). В отличие от ученого, опирающегося на термины и формулы, художник мыслит образами, вкладывая в них свои мысли и чувства, свой опыт постижения жизни. Так, мучительное состояние ограниченности свободы, переживаемое Пушкиным в южной ссылке, вылилось в его стихотворении «Узник» в образы двух «пленников», связанных общей участью: лирического героя, сидящего «за решеткой в темнице сырой», и орла, томящегося в неволе. А характерные для Лермонтова настроения гордого изгнанничества — в образ «паруса», одиноко белеющего «в тумане моря голубом».

В образы превращаются в литературе не только переживания автора, но и элементы окружающей действительности. При этом, казалось бы, самые привычные вещи и явления нередко предстают в виде красочных поэтических картин, а слова, из которых такие картины создаются, приобретают блеск и изящество. Неслучайно художественную литературу именуют «изящной словесностью».

2. Из образов в литературном произведении складывается *художественный мир* произведения («образ мира», по Пастернаку). Этот мир одновременно похож и непохож на окружающую действительность.

Похож, поскольку сохраняет черты правдоподобия, приближающие его к реальности; причем сохраняет их даже там, где изображаются самые невероятные события (ведь если бы фантастика не имела отношения к реальному человеку и его жизни, вряд ли кто-нибудь стал бы ее читать). Непохож, поскольку в нем непременно присутствуют элементы вымысла; причем присутствуют даже там, где произведение выстроено с прицелом на максимально точное воссоздание «правды жизни», то есть реальных фактов и документов.

С одной стороны, в художественном мире есть все, что есть в реальности — природа, предметы, здания, люди, их занятия и отношения... С другой стороны, на нем лежит глубокий отпечаток мировосприятия, умонастроений, идей и психологических особенностей его создателя — автора произведения. Иными словами, этот мир представляет собой воплощенный в образах индивидуальный взгляд художника на жизнь. Поэтому у каждого настоящего талантливого писателя получается свой особый художественный мир.

3. Главным материалом, из которого писатель творит свой художественный мир, является *слово* («образ мира, в слове явленный», следуя за Пастернаком). Этим литература отличается от других видов искусств, работающих с «видимым» (краски, камень, жест) или «слышимым» (звук) материалом, который прямо воздействует на наши органы чувств. Образ, возникающий благодаря игре красок или сцеплению созвучий, мы воспринимаем непосредственно в процессе созерцания картины или прослушивания мелодии. А вот

словесный образ непосредственному восприятию не подлежит. Само по себе слово, конечно, можно и «увидеть» (прочитав его буквенное обозначение), и «услышать» (когда его кто-либо произнесет вслух), однако заключенный в нем смысл раскрывается только в нашем воображении. Это значит, что словесный образ в большей мере, чем, скажем, живописный, требует от нас духовного сотрудничества и сотворчества с его автором.

Изображая лица людей, внутреннее убранство комнат или пейзажи, литератор пишет «словами» картины так же, как пишет их красками и кистями художник. С этой точки зрения можно говорить о том, что литература тесно соприкасается с изобразительными искусствами и даже некоторым образом «вбирает» в себя их элементы. Безусловно, словесные картины не обладают наглядностью произведений живописи. Зато возможности литературы простираются гораздо дальше тех границ, в которых существуют изобразительные искусства. Ведь, в отличие от живописца, писатель воссоздает не только зримые стороны мира, но и не уловимые для кисти запахи, звуки, осязательные свойства вещей. Кроме того, в рисунке предмет изображения «застывает», тогда как в литературном произведении он находится в движении; художник на полотне может «поместить» только одну картину, тогда как писатель в произведении может быстро и легко переходить от одной картины к другой, охватывая огромные промежутки времени и части пространства.

Но главное — изобразительные искусства отображают лишь внешние проявления человеческого характера, запечатлевая их в жестах, позах, выражениях лиц; литература же не только фиксирует такие проявления, но и раскрывает внутреннюю жизнь человека, всю ее изменчивость и сложность. Эта особенность роднит литературу с музыкой и танцем, нацеленными на передачу тех или иных эмоциональных состояний. Однако в музыке и танце эмоции существуют как бы сами по себе, без связи с определенными явлениями или событиями, поэтому одна и та же мелодия, навеивая одно и то же настроение, порождает в воображении разных слушателей разные образы. А вот в художественном тексте переживания героя, его размышления над философскими, нравственными, социальными, историческими, религиозными и другими проблемами, как правило, находятся в тесной связи с конкретными событиями и картинами действительности.

Литература исследует глубины разума и души человека. Потому ее называют «человековедением», а творчество писателя приравнивают к труду философа. При этом писатель «не рассказывает», а создает мир прямо на глазах читателя и в его воображении. Так творится волшебство, обозначенное пастернаковской формулой «образ мира, в слове явленный».

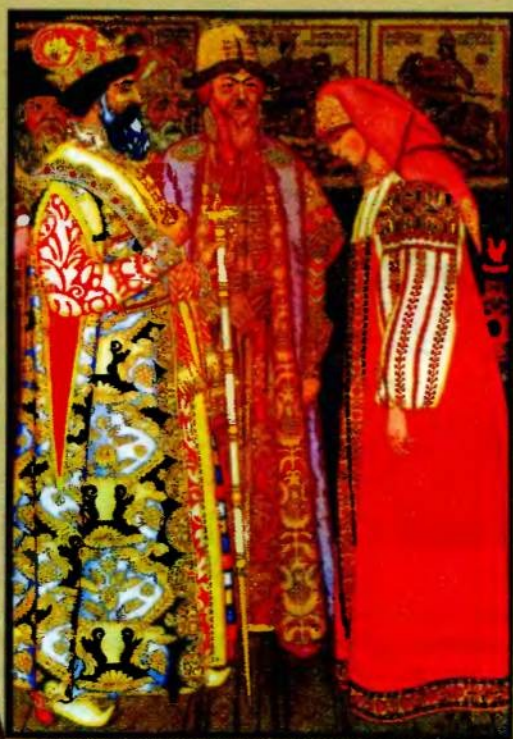
Выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Подумайте, в каких отношениях находится литература с театром и кино. (Кем они являются по отношению друг к другу: «родственниками», «партнерами» или «соперниками»?) Обоснуйте свою точку зрения.

Б. Подберите отрывки из литературных произведений и перекликающиеся с ними репродукции картин или записи музыкальных произведений. Объясните на этих примерах различия между литературой и другими видами искусств.

РАЗДЕЛ
ПЕРВЫЙ

Русский
фольклор

Глава 1

ЖИВОЙ ГОЛОС НАРОДНОЙ ДУШИ

Что такое фольклор? Какие фольклорные жанры вы изучали в предыдущих классах?

Бурное развитие научно-технической мысли изменило вековые условия существования песни. Ее привычными обиталищами стали радио и телевизор, магнитофон и компьютер, плеер и мобильный телефон. Благодаря им мы чуть ли не ежедневно прослушиваем огромное количество песен. Но над этим необъятным, постоянно обновляющимся песенным морем гордо возвышаются вершины старинных *фольклорных песен*, исполняемых «вживую» во время семейных и народных праздников. Над ними не властны ни капризы моды, ни бег времени. Как и много столетий тому назад, сегодня они покоряют слушателей своей естественной красотой и правдивостью.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Фольклорная (народная) песня — один из древнейших жанров устного народного творчества, соединяющий в себе элементы словесного и музыкального искусств. В фольклорных песнях запечатлены быт, традиции, обряды. Важные события истории народа и его душевный мир. Многообразие традиционных приемов устного народного творчества (к числу которых принадлежат повторы, постоянные эпитеты, зачин, концовка и др.) в фольклорных песнях сочетается с сильным эмоциональным звучанием.

В основу ритма русской народной песни положен так называемый *песенный стих*, определяющийся количеством ударных слогов в строке. Количество же безударных слогов, как правило, колеблется, вследствие чего при исполнении песни отдельные слова могут сливаться друг с другом.

История народной песни восходит к незапамятным временам. Еще только осваивая азы речи, древние люди уже «напевали» отдельные звуки, а затем слова и простые предложения, помогавшие им сообща выполнить какую-либо работу или совершить определенный обряд. Так появились *трудовые* и *обрядовые песни* — древнейшие спутники человечества.

Первые имели своим практическим значением передачу трудовых знаний и навыков от одного поколения к другому. Например, в русской хороводной песне «Как под елью лен...» в строгой последовательности перечислялись двадцать четыре вида работ, связанных с возделыванием льна. По мере развития городов и ремесел возникали песни лесосплавщиков, кузнецов, ткачей, бурлаков, ямщиков и пр. Мелодия и ритм в них были тесно связаны с характером деятельности, задавали работе определенный темп.

Обрядовые песни сопровождали народные и религиозные праздники (Масленицу, день Ивана Купалы, Рождество, Пасху, Троицу и др.), а также поворотные моменты в жизни человека (например, рождение, вступление в брак и пр.).

С течением времени появлялись новые песенные темы, сюжеты и жанры. В своей совокупности фольклорные песни составляют богатейшую сокровищницу русской культуры. Их ценность определяется не только художественными достоинствами (нарядным фольклорным орнаментом, блестящими творческой фантазии, меткостью поэтического языка), но и глубиной воссоздания народного мировосприятия, особого склада национального характера. Недаром говорится, что в лучших фольклорных песнях звучит живой голос народной души. Важно, что, в отличие от сказок, замешанных на выдумке и фантастических превращениях, народные песни рассказывали о невыдуманных чувствах и о реальной жизни (что и отразила известная поговорка «Сказка — складка, песня — быль»). Поэтому каждое новое поколение находит в старинных народных песнях созвучные ему переживания, ценный для него жизненный опыт и — частицу бессмертной души своего народа.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Дайте определение понятия «фольклорные песни». Проиллюстрируйте его примерами. Что характерно для песенного стиха?
2. Объясните, почему народные песни считаются древнейшими спутниками человечества. Чем трудовые песни отличаются от обрядовых?
3. Какие народные песни поются в вашей семье? Чем они привлекают вас и ваших близких?

Глава 2

ПОЭТИЧЕСКИЕ МОНУМЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Назовите известные вам былины и их героев. Какие события освещались в былинных песнях?

С давних пор люди стремились сохранить память о значительных событиях общественной жизни. Одним из способов увековечивания этой памяти были *исторические песни*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Исторические песни — народные музыкально-поэтические произведения, посвященные историческим событиям.

По мнению ученых, «предком» русской исторической песни является былина. Неслучайно народные сказители не различали эти жанры, называя их одним и тем же словом «старина». В ранних исторических песнях отчетливо прослеживается связь с былинами. Она, в частности, проявляется в использовании одних и тех же художественных приемов. Однако в противоположность былинам, воспевавшим «седую старину», исторические песни осмысливали события современной истории. От былин они отличались также меньшим размером и большей достоверностью передачи исторических сведений.

Наиболее ранние из дошедших до нас русских исторических песен относятся к XIII в. В них изображается борьба древних русичей с татаро-монгольскими завоевателями. Дальнейшие события истории вызвали к жизни новые песни, повествующие о войнах России с внешними врагами (например, с татарами, турками, шведами, французами), о массовых крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв. и других потрясениях общественной жизни. Из тематически близких песен складывались циклы. Их главными героями были цари Иван Грозный и Петр I, народные вожди С. Разин и Е. Пугачев, завоеватель Сибири Ермак, великий полководец А.В. Суворов и другие крупные исторические фигуры. Наряду с ценными, а порой и уникальными сведениями исторические песни содержат *народные оценки* событий и действующих лиц российской истории.

Эти оценки часто не совпадали с точкой зрения, насаждавшейся государственной идеологией. Скажем, если в официальной версии царь Иван Грозный предстал в ослепительном сиянии своей славы, то в народных песнях он осуждался за необузданный, гневливый и жестокий нрав; если царское правительство клеймило позором предводителей крестьянских восстаний, то народ изображал их в песнях настоящими героями, защитниками обездоленных, «удалыми атаманушками». В этом смысле фольклорные песни представляют собой замечательную коллекцию народно-поэтических портретов выдающихся деятелей российской истории.

Перед чтением. Читая «Песню разинцев», обратите внимание на то, как в ней передается сочувствие народа к повстанцам.

Песня разинцев

Ах туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска, ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей част-крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички, братцы, разбежались,
Во темном бы лесу собиралися.
Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восход Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы мы помощнички».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. От чьего имени ведется повествование в «Песне разинцев»? Как характеризует повествователь своих товарищей? Приведите соответствующие цитаты. В чем заключается смысл следующего противопоставления: «Мы не воры, не разбойнички, // Стеньки Разина мы работнички»?
2. Используя сведения об особенностях песенного стиха, подготовьтесь к выразительному чтению «Песни...» в классе.
3. Каким настроением проникнуты образы природы в этом произведении? **Думайте сами!** Почему, по вашему мнению, образам природы в песне отводится значительное место?

Консультация профессора Филодогова

Почему народные песни изобилуют образами природы? Жизнь наших предков была неотделима от жизни природы. Поэтому все свое существование — внешние обстоятельства, отношения с другими людьми и даже собственные чувства — они осмыслили при помощи образов природы. Так, юная пора человеческой жизни соотносилась с весенним цветением, чувства радости и счастья — со «сладким» малинником или «сладким» пением соловья, а душевные страдания — с печальным кукованием одинокой кукушки, «плачем» осинových ветвей, бушующей грозой. Эта особенность нашла отражение и в фольклорных песнях. Язык природы в них часто используется в качестве эмоциональной и психологической параллели к состоянию человеческой души. Этот прием называется **параллелизмом**.

ЛИТЕРАТУРОВОЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Параллелизм (от греч. *parállēlos* — находящийся или идущий рядом) — сходное расположение разных элементов речи в смежных частях текста с целью создания единого поэтического образа.

Параллелизм широко распространен в фольклоре (особенно популярен прием проведения параллелей между жизнью человека и жизнью природы). В народных песнях нередко встречается параллелизм, построенный с помощью отрицательной частицы «не» (он так и называется: *отрицательный*), например:

Не злата труба вострубила им,
Не она громко взговорила речь —
Взговорил Ермак Тимофеевич... ●

Перед чтением. Читая помещенное ниже произведение, подумайте над тем, что привносит в сюжет песни упоминание географических названий и исторических личностей.

Из-за синих гор да высоких гор,
Из больших лесов да дремучих,
Там бежит река да разливанная,
Бежит Камушка к Волге-матушке.
Кама-речушка да сбухевалася,
Волна на волну да сподымалася,
Спотопила она да круты берега,
Заливала она зелены луга.
Зелены луга, путь-дороженьку
Не пройти было, не проехать
Верхом молодцу, старцу пешему.
Не широким путем да не дороженькой,
По крутым горам да непрохоженным
Прошел с войсками атаманушка,
Атаман удалой, Емельянушка.
Каме кланялся, слово вымолвил:
«Здравствуй, Камушка, река быстрая,
Волге-матушке сестра родная.
От речушек вода в тебе полнится,
На твоих берегах живет вольница.
Сослужила ты службу верную
Атаману Ермаку да неизменную.
Путем-скатертью, река-Камушка,
На своих волнах ты носила струга¹,
Ты носила струга атамана Ермака.
Ты поведай мне про жите его,
Ты поведай мне про жите его,
Про дела его, про походушки
Да еще мне поведай про победы его,
И про думы его, да про невзгодушки.
Мы по крови братья с Тимофеевичем,
Мы с одной стороны, с Дона-батюшки,
Мы верны сыновья Руси-матушки.
У нас кровь горяча, кровь кипучая,
У нас кровь горяча, кровь кипучая,
Наша сила крепка, рать могучая,
Во походах себя мы прославили,
Про походы мы молву оставили.
Ты уймись, река, войди в берега,

¹ Струг — старинное речное деревянное плоскодонное судно.

Дай проехать с силой ратною
Да к Кунгур-городу переправиться.
В Кунгур-городе в свою сильну рать
Твоих вольных людей буду я созывать,
Чтоб не царствовал род дворянский,
А вольготно бы жил люд крестьянский».

ЧТЕНИЕ-САМОУЧЕНИЕ

Учимся анализировать историческую песню

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какими художественными средствами в песне передается любовно-уважительное отношение народа к Емельяну Пугачеву?
2. Охарактеризуйте пейзаж, изображенный в начале песни. Какое настроение он создаст? Как он связан с дальнейшим развитием сюжета?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. С каким чувством Пугачев в песне вспоминает о Ермаке? Чем, по вашему мнению, вызвано это чувство?
2. Приведите примеры очеловечивания природы в данном тексте. О чем они свидетельствуют?
3. Найдите в песне строки, выражающие народное понимание смысла пугачевского восстания.

III. Учимся фантазировать

Придумайте ответ реки Камы на обращенную к ней речь Пугачева.

IV. Филологический мастер-класс

1. Найдите в тексте повторы. Объясните их роль в произведении.
2. Укажите в песне постоянные эпитеты. Раскройте их художественное значение.

Работа в парах. Выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Сопоставьте песню «Из-за синих гор да высоких гор...» с какой-либо былинной, изученной в седьмом классе. Определите их основные общие и отличительные черты.

Б. Сопоставьте указанную песню с какой-либо известной вам украинской думой.

Глава 3

РАЗДОЛЬЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Что такое лирика? Что характерно для лирической поэзии?

С течением времени возникли новые жанры народных песен. В частности, появились *бытовые песни*, в которых осмысливались любовные и семейные отношения, разнообразные душевные переживания, драматичные человеческие судьбы. Веселые и грустные, задумчивые и разухабистые, эти песни пелись «от души» и «для души». Многие из них отмечены глубоким лиризмом. Такие песни принято называть *лирическими*.

Сборник русских народных песен. Издание 1790 г.

Тематика бытовых песен бесконечно разнообразна. Зачастую она была напрямую связана с родом занятий, обуславливавшим характер повседневной жизни людей. Так, солдаты в своих песнях рассказывали о тяготах и опасностях военной службы, длившейся целых двадцать пять лет. Чумаки и ямщики, покрывавшие во время своих поездок огромные расстояния, затягивали протяжные «дорожные» песни, в которых размышляли о своей нелегкой доле. Вольнолюбивые бунтовщики и «разбойнички» воспевали свое житье-бытье в «удалых» песнях. Часто признавая право власти на наказание бунтовщиков, народ, тем не менее, искренне сопереживал им. Потому и песни об «удальцах» были окрашены настроениями горячего сочувствия.

Множество песен было сложено о любви. В наиболее древних из них звучали горькие жалобы влюбленных, навсегда разлученных друг с другом непреклонной родительской волей. В более поздних песенных произведениях молодые люди уже делали свой выбор самостоятельно и их отношения были проникнуты светлым, радостным настроением. Счастливая любовная пара часто изображалась в образах голубя и голубки.

Иными тонами были окрашены в фольклорных песнях семейные отношения. Чаще всего такие песни повествовали об обидах и притеснениях, претерпеваемых молодой женой в мужнином доме. Впрочем, жизнь мужа в семейных песнях тоже была несладкой: либо он сохнул от тоски по любимой, на которой ему не позволили жениться родители, либо страдал из-за неравности, а то и злых козней своей жены.

Главная ценность лирических песен заключается в глубине и поэтичности выражения душевных переживаний человека.

Перед чтением. Читая помещенные ниже народные песни, определите, что придает им лирическое звучание.

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушко в зеленом саду громко свищет, —
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается добрый молодец горячими слезами:
«Как берут меня, доброго молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, доброму молодцу, белы руки,
Что куют, куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут, везут добра молодца, везут в город,
Отдают меня, добра молодца, в царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую, во солдаты.

Уж никто по мне, добром молодце, не потужит,
Только тужит лишь одна матушка, мать родная,
Молода жена добра молодца проклиняет,
Красны девушки про молодчика вспоминают,
Род и племя все меня, молодца, провожают:
“Послужи-ка ты, добрый молодец, верой, правдой,
Положи за нас свою буйную ты головку”».

Ты взойди-ка, красно солнышко,
Над горой взойди над высокой,
Над дубровушкой взойди над зеленою,
Над полянушкой взойди над широкою,
Обогрей-ка нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, сирот бедных,
Сирот бедных, солдат беглых,
Солдат беглых, беспачпортных!
Как по Волге, Волге-матушке,
Повыше было села Лыскова,
Пониже села Юркина,
Против самого села Богомолова,
Выпекала тут быстра речушка,
По прозванью речка Кержинка;
По речушке бежит лодочка,
Бежит-то лодочка не ловецкая,
Не ловецкая — молодецкая,
Молодецкая, воровская, косная;
Посередь лодки стоит деревцо,
На деревце бел тонкий парус,
Под парусом бел тонкий шатер,
Под шатром лежит дорогая кошма¹,
Под кошмой лежит золотая казна,
На казне лежит платье цветное,
На платье сидит девица;
Сидит девица — призадумалась,
Призадумавши, пригорюнивши, —
Не хорош-то ей сон привиделся:
Атаманушке быть зарезану,
Есаулушке быть повешену,
Молодцам-гребцам во тюрьме сидеть,
А мне, девушке, быть на волюшке,
На родимой на своей сторонушке,
У своего батюшки и у матушки.

¹ Кошма — большой кусок войлока, войлочная подстилка.

Ах вы, ветры, ветры буйные,
Вы, буйны ветры осенние,
Потяните вы с эту сторону,
С эту сторону, со восточную.
Отнесите вы к другу весточку, —
Что нерадостную весть, печальную,
Как вечер-то мне, младшеньке,
Мне мало спалось, много виделось.

Нехорош-то мне сон привиделся:
Уж кабы у меня, младшеньки,
На правой руке, на мизинчике,
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталась моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милого,
Свет дородного доброго молодца.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТАНИЮ

1. С какими чувствами отправляется на солдатскую службу лирический герой песни «Не кукушечка во сыром бору куковала...»? Чем они вызваны? Как соотносится с его настроением напутствие родни? На что оно настраивает будущего солдата?
2. Какие сведения о жизни «удальцов» можно почерпнуть из песни «Ты взойди-ка, красно солнышко...» (кем в прошлом были эти люди, чем они занимались, какова была их судьба)? В каких словах выражается сочувствие народа к их участи? Приведите соответствующие цитаты.
3. Что, по вашему мнению, символизирует сон лирической героини в песне «Ах вы, ветры, ветры буйные...»? На чем основывается ваше толкование? Каким настроением окрашена эта песня? Как в ней отразилась связь человека с природой?
4. Найдите в песнях, помещенных в этой главе, параллелизмы. Раскройте их смысл.

Лубок. 1870 г. (Фрагмент)

Отголоски народной песни в культуре

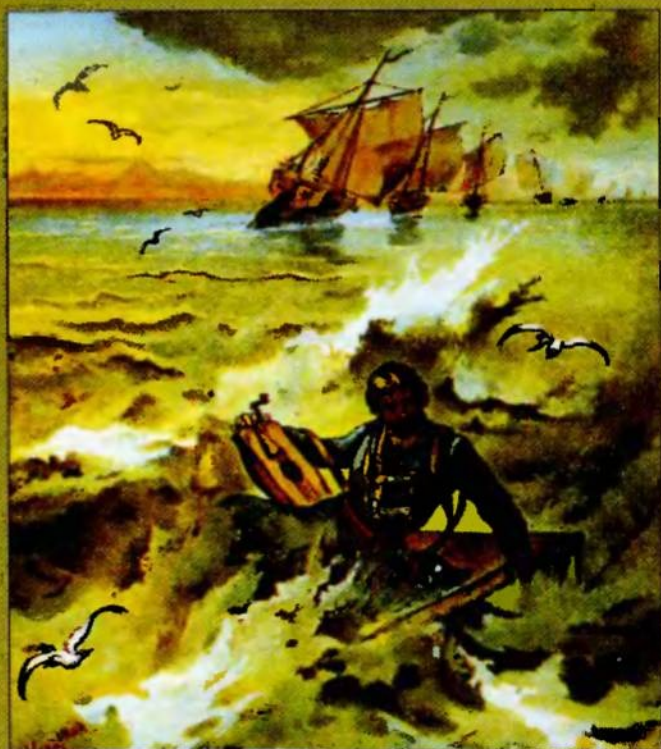

Песенное искусство в древних преданиях и обрядах. Издавна люди высоко ценили песню за красоту и глубину ее воздействия на душу. Песне они приписывали магические свойства, а мастерам ее исполнения — чудотворную силу. Мистическое преклонение перед песней запечатлелось в мифах, обрядах, фольклорных и литературных произведениях народов мира.

Так, в древнегреческой мифологии существует миф о певце Орфее, чей волшебный голос завораживал не только людей, но и дикую природу: птиц, зверей, деревья, скалы. Благодаря своему искусству Орфей смог сделать даже то, что непосильно простым смертным: живым проникнуть в царство мертвых. И хотя певец не достиг цели, ради которой совершил столь отважный поступок, — не вывел из царства мертвых свою любимую жену Эвридику, — все равно его удивительное путешествие по подземному миру истолковывалось как доказательство сверхъестественной силы песенного искусства.

Образы чудесных певцов создал и русский народ. Это — былинный персонаж Садко, покоровший

Как передается величие песенного искусства на картине Н. Каразина? Как вы думаете, какую мелодию исполняет изображенный художником герой?

Н. Каразин. Иллюстрация к былине
«Садко — богатый гость»

Боян. Аллея сказок
в Ялте

своей игрой на гусях самого морского царя, а также герой древних преданий Боян, прозванный «вещим» за свой пророческий песенный дар. И «сладкоголосый» Орфей, и «вещий» Боян, и другие порожденные народной фантазией певцы являются олицетворениями песенного искусства. К подобным олицетворениям принадлежат многочисленные образы безымянных песенников, созданные разными народами. В том числе — образ украинского кобзаря. Именно в этом значении он был использован в названии одноименного поэтического сборника украинского поэта Т.Г. Шевченко.

Интересно, что у народов Севера и Дальнего Востока — якутов, нивхов, эвенков и др. — до сих пор бытует древнее поверье, согласно которому каждый человек, достигая зрелости, обретает свою «личную песню». Она сопровождает человека на протяжении всей жизни и является своеобразным музыкально-психологическим портретом его души и судьбы.

Народная песня — сестра поэзии. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, А.Н. Толстой, С.А. Есенин, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева и многие другие талантливейшие поэты России опирались в своем творчестве на сюжеты, образы, ритмы и художественные приемы фольклорных песен.

Иногда русские поэты создавали по фольклорным мотивам тексты, которые давали жизнь песням, завоевывавшим любовь всего народа. Так, старая ямшицкая песня вдохновила поэта И.З. Сурикова на написание стихотворения «Степь да степь кругом...», которое превратилось в чрезвычайно популярную «народную» песню. Под впечатлением одной из легенд о Степане Разине поэт Д.М. Садовников сочинил стихотворение «Из-за острова на стрежень...», на основе которого тоже возникла песня, заслужившая всенародное признание.

Незадолго до Великой Отечественной войны поэт М.В. Исаковский и композитор М.И. Блантер сочинили песню «Катюша». Стихи и музыка этой песни были органично связаны с фольклорным искусством, что и обеспечило ей ошеломительный успех. С началом войны появились многочисленные безымянные варианты этой песни, в которых мирная девушка Катюша превращалась то во фронтовую медсестру, то в связистку, то в партизанку. Таких вариантов насчитывается около сотни. Их существование свидетельствует о том, что «Катюша» стала настоящей народной песней.

Народная песня в творчестве русских композиторов. Народными напевами питалась и русская музыкальная классика. Одним из первых к этим мелодиям обратился ее основоположник — М.И. Глинка. Современное ему аристократическое общество с пренебрежением относилось к фольклорным песням, усматривая в них порождение грубой, неотесанной фантазии простолюдинов. Бросив вызов подобным предубеждениям, композитор проявил и творческую смелость, и подлинное новаторство. Воплотив в своих произведениях дух и интонации крестьянской песни, Глинка поднял ее на ступень высокого искусства, показал ее изумительную красоту и мощь. К его лучшим произведениям, написанным на фольклорной основе, принадлежит симфоническая фантазия

Чем, по вашему мнению, поэтов привлекает русская народная песня?

Найдите фонограммы упомянутых в «Арт-салоне» произведений и прослушайте их в классе. Охарактеризуйте настроение, которым окрашены эти произведения.

«Камаринская», в которой, по словам композитора П.И. Чайковского, «подобно тому, как весь дуб в желуде» заключена вся русская симфоническая школа.

По «фольклорному» пути, проложенному Глинкой, устремились и другие выдающиеся русские композиторы: А.С. Даргомыжский, А.П. Бородин, М.П. Мусоргский, П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков. Некоторые из них создавали блестящие обработки народных песен, другие же — украшали фольклорными напевами свои сочинения. Так, например, в финале 1-й и 4-й симфоний Чайковского звучат русские песни «Цвели цветики» и «Во поле береза стояла».

ПОВТОРЯЕТ И ОБОБЩАЕТ ИЗУЧЕННОЕ В ПЕРВОМ РАЗДЕЛЕ

1. Назовите известные вам жанры древнейших фольклорных песен. Объясните, какую роль они играли в жизни наших предков.
2. Прокомментируйте следующие выражения: «Песня — голос народной души»; «Сказка — складка, песня — быль».
3. В следующих ниже примерах вставьте (устно) постоянные эпитеты, встречающиеся в русских народных песнях (в случае затруднения обратитесь к помещенным в разделе историческим и лирическим песням): «молодец ...», «слезы ...», «мать ...», «девушка ...», «голова ...», «руки ...», «солнышко ...», «дубрава ...», «ветры ...», «коса ...», «лента ...».
4. Дайте определение понятия «параллелизм». Поясните, что представляет собой «отрицательный параллелизм». Подкрепите свой ответ примерами из изученных народных песен.

УЧЕНИЕ-РАЗВИТИЕ

Групповая работа. Разбившись на три группы по интересам, выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Подготовьтесь к конкурсу на лучшее исполнение народной песни. Проведите его в классе.

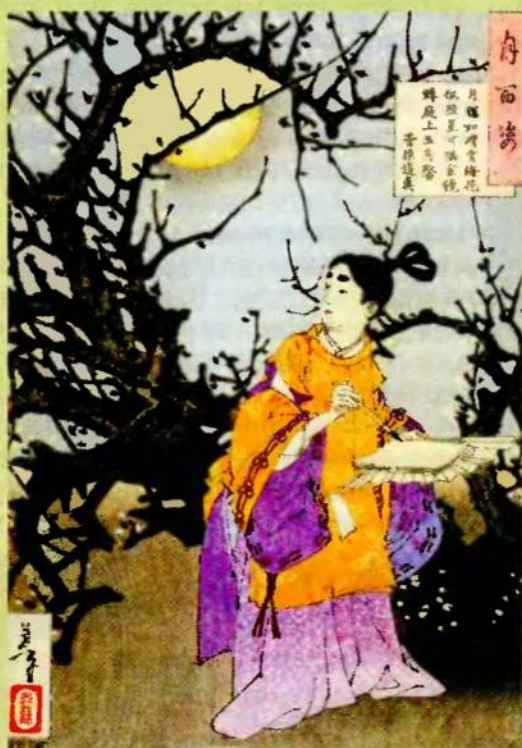
Б. Как вы уже знаете, у некоторых народов существует традиция «личной песни». Попробуйте сочинить текст такой песни.

В. Подготовьте презентацию проекта «Народные песни в нашей жизни». При подготовке выступления уделите внимание следующим вопросам:

- Какое место занимает народная песня в жизни современного человека?
- Соответствует ли это место ее истинной ценности? Чем эта ценность обусловлена?
- Хотелось бы вам изменить отношение современного общества к народным песням? Если да, то объясните, что для этого следует сделать. Для презентации своего проекта подберите фонограммы любимых народных песен.

РАЗДЕЛ
ВТОРОЙ

Из средневековой
поэзии
Востока

Глава 1

«С ВОСТОКА СВЕТ»

«С Востока свет» — гласит древнее высказывание. Как только ни толковали его в разные эпохи! И какие только страны ни назывались в числе тех, что несут миру этот самый свет. Ведь разграничение Востока и Запада, в сущности, зависит от точки отсчета. Для нас, жителей Украины, Восток охватывает и Индию, и Китай, и Иран, и Узбекистан, и Японию, и целый ряд других стран, расположенных к востоку от нашей страны. Однако китайцы некогда полагали, что находятся в центре мира, потому ту же Индию обозначали как западную его часть. А европейцы включают в число восточных стран Россию, которая себя таковой не считает и, в свою очередь, причисляет к восточным государствам, скажем, Армении или Таджикистан. Но как бы там ни было, существует давняя традиция разделения мировой культуры на западную и восточную ветви. Многоголосая, самобытная, изобилующая неразгаданными тайнами и россыпями глубокой мудрости восточная культура вот уже много столетий привлекает к себе пристальное внимание представителей западной цивилизации. Эта культура прокладывает свой особый путь к вершинам духовного развития человечества. Быть может, ее богатейшее наследие и есть тот «свет», который имеется в виду в древнем высказывании.

Обширное место в восточном мире занимает арабская культура. В VII в. она пережила удивительный по стремительности и масштабности взлет, когда арабские племена утвердили свое господство на территории от аравийских пустынь до берегов Ганга и Пиренейских гор, создав одну из самых мощных цивилизаций раннего средневековья.

Ее духовным фундаментом стала новая для арабских народов мусульманская религия (называемая также исламом и магометанством), опиравшаяся на священную книгу Коран. В процессе строительства этой цивилизации произошло смешение обычаев племен-покорителей с традициями покоренных народов. Оно оказалось весьма плодотворным для культуры арабского мира. Яркий пример тому — персидская классическая литература. Возникнув на пересечении своих исконных истоков с новой (арабской) письменностью и новой же (мусульманской) религией, она вскоре превратилась, используя метафору одного из ее творцов, в «сад роз», который цвел на диво миру около пятисот лет. Лучшими его украшениями

стали сочинения Рудаки, Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза и других талантливейших мастеров слова.

Есть в этом «саду» заветный уголок, где, источая пряные восточные ароматы, благоухает средневековая персидская лирика. Персы чтили поэзию как царицу искусств, а потому занимались ею со всей основательностью и полной самоотдачей. В персидской культуре она играла такую же первостепенную роль, как философия у древних греков или религия у древних евреев. Именно в лирике с максимальной полнотой раскрылся творческий гений персидского народа. Благодаря этому она смогла возвыситься до уровня культурного достояния мирового значения. И среди тех, кто силой своего дара способствовал ее возвышению, был Омар Хайям — поэт, чья слава распространилась по всему миру, став частицей «света с Востока».

Глава 2

«Я ДЛЯ ЗНАНИЙ ВОЗДВИГ СОКРОВЕННЫЙ ЧЕРТОГ»

Какой вы представляете восточную поэзию? Чем она, по вашему предположению, отличается от русской лирики?

Станным, кружным путем восходил на вершину мировой славы поэтический гений Омара Хайяма. Путь этот, порой терявшийся в дебрях безвестности, длился много столетий и таил в себе немало неожиданностей.

При жизни Хайям был знаменит, главным образом, как ученый. Его успехи в области математики и астрономии просто поразительны: за 500 лет (!) до европейских математиков Хайям вывел формулу, которая впоследствии на Западе получила название «бином Ньютона», а разработанный под его руководством солнечный календарь и поныне (!) удерживает пальму первенства по точности расчетов. Сегодня кажется почти невероятным тот факт, что средневековый звездочет, осуществляв-

Омар Хайям
(1048 — после 1123)

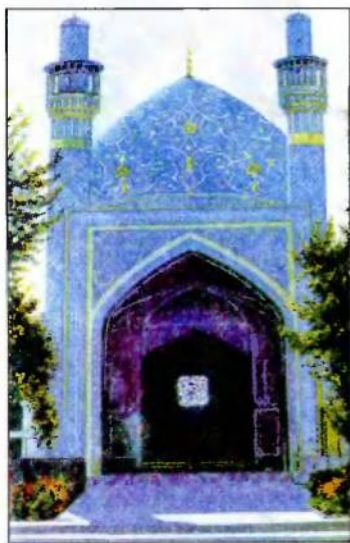
ший свои подсчеты без сверхточных приборов, сделал открытия, на много столетий опередившие развитие мировой науки. Поэтому нетрудно представить, с каким восторгом воспринимали научные достижения Хайяма его современники. Впрочем, у себя на родине он слыл не только выдающимся ученым, но и смелым философом, великим мудрецом, уникальным эрудитом, а помимо этого — еще и человеком, сведущим в высоко ценимых на Востоке искусствах врачевания и гадания по звездам. «Ученейший муж века», «доказательство Истины», «Царь философов Востока и Запада» — таков далеко не полный перечень почетных званий, которыми наградили Хайяма земляки. Примечательно, однако, что не было в нем звания, которое бы отмечало литературные заслуги этой многогранной личности.

И неудивительно: Хайям-поэт был известен своим соотечественникам значительно меньше, чем Хайям-ученый или Хайям-мыслитель. Древние историки в своих записках обходили его поэтическое творчество стороной, в лучшем случае ограничиваясь беглыми замечаниями вроде того, что Хайям был автором «хороших арабских и персидских стихов». К тому же многие из его стихотворений со временем смешались с произведениями других авторов. Лишь после того, как в 1859 г. появилась книга хайямовских стихотворений, переведенных Э. Фитцджеральдом на английский язык, Запад открыл для себя великого поэта Востока. Этот момент стал запоздалым стартом мировой литературной славы Хайяма.

Щедро осыпав Хайяма талантами и почестями, судьба, однако, поскупилась одарить его счастьем. Полное имя поэта — Гийас ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям. Он родился в Нишапуре, на востоке Ирана. Вероятно, отец его был ремесленником. По крайней мере, на это указывает последняя часть полного имени поэта, использованная им в качестве литературного псевдонима: в переводе с арабского языка «хайям» означает «шьющий палатки». Обучаясь в медресе — высшем мусульманском учебном заведении, — юноша получил основательные знания по математике, физике, астрономии, философии, правоведению, истории, медицине, стихосложению. В двадцатипятилетнем возрасте Хайям написал «Трактат о доказательствах проблем алгебры», который принес ему известность.

За этим последовал почти сказочный поворот судьбы: молодой ученый получил приглашение в столицу Исфахан, где ему были предоставлены самая мощная обсерватория средневековья, группа «лучших астрономов века», а сверх того — покровительство Малик-шаха и главного визиря Низама-аль-Мулка, обеспечивавшее необходимую свободу исследований.

Исфахан. Школа дервишей
Шах-Хуссаин

Переезд в столицу положил начало самому яркому периоду жизни Хайяма, увенчанному созданием знаменитого солнечного календаря и весомых трудов по математике и философии. Но счастливая звезда Хайяма закатилась: вместе с гибелью высоких покровителей обсерватория была закрыта и ученый, безвозвратно утративший былое влияние, в полной мере испытал на себе силу зависти недоброжелателей и ненависти религиозных фанатиков. Слава блестящего математика уступила место небезопасной славе крамольного* философа, подозреваемого в вольнодумстве и даже веротступничестве. Угроза преследований вынудила Хайяма быть осторожным, избегать публичных выступлений. В последние годы он вел замкнутый образ жизни, ограничиваясь преподаванием в медресе и общением лишь с самыми преданными учениками и друзьями.

* Крамольный — от *крамóла*: заговор, мятеж.

Стихи, которые много столетий спустя принесли ему мировую известность, Омар Хайям, по всей видимости, сочинял на протяжении всей жизни. Они были написаны в форме четверостиший, называемых *рубаи*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Рубаи — жанр восточной поэзии, который представляет собой законченное по смыслу и художественной форме четверостишие.

Жанр рубаи был чрезвычайно популярен в восточной литературе, но именно Хайям придал ему художественно совершенную форму. Древние переписчики произвольно соединяли стихотворения Хайяма с четверостишиями других поэтов. Так произошла путаница, в результате которой ему было приписано около двух тысяч стихотворений. Но только за сотней из них специалисты твердо признали авторство Хайяма.

Что же позволило ученым отделить хайямовские произведения от рубаи других поэтов? Рука мастера, которая превращала каждое четверостишие в изящную поэму, отличавшуюся особым смысловым наполнением и особым художественным исполнением. Для рубаи Хайяма характерно неповторимое сочетание силы чувств со смелостью мысли, масштабности поставленных философских вопросов с отточенной, как бритва, афористичностью поэтического языка. В качестве примера этих свойств хайямовской лирики можно привести прославленное четверостишие, в котором с почти плакатной меткостью выражений поэт отстаивает ценность человеческого достоинства:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься славящим
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

(Перевод Г. Плещецкого)

Но, пожалуй, наиболее существенным «показателем» принадлежности тех или иных рубаи Хайяму является их тематически-смысловое соответствие мироощущению поэта — своеобразному, неоднозначному, остро реагирующему на парадоксы жизни.

При поверхностном взгляде кажется, будто это мироощущение окрашено настроением радостного приятия мира:

Растить в душе побег унынья — преступленье,
Пока не прочтена вся книга наслажденья.
Лови же радости и жадно пей вино:
Жизнь коротка, увя! Летят ее мгновенья!

(Перевод О. Румера)

Под впечатлением таких стихов (а их у Хайяма немало) у неискушенного читателя может возникнуть представление об авторе как о жизнерадостном «весельчаке», воспевающем вино, любовь, красоту молодости. Но при более внимательном знакомстве с поэзией Хайяма это представление рассеивается, и читатель открывает в ее создателе глубокого философа, размышляющего над самыми важными вопросами бытия. В чем состоит смысл

быстротечной человеческой жизни? Что такое смерть? Почему Творец создал человека смертным, а мир — несовершенным? Почему в жизни царят несправедливые законы? Что нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым? Каковы возможности человеческого разума? В чем заключается мудрость? На таких вот вопросах, как на гигантских скрепах, зиждется художественный мир Хайяма.

Не на все из них были найдены ответы. Если, скажем, рассуждая об истинных ценностях человеческой жизни, Хайям уверенно советует учиться отделять подлинные драгоценности от дешевых подделок, то там, где речь заходит об устройстве мироздания или о таинственных силах, управляющих судьбами людей, он с горечью признает, что человеческому разуму не под силу разгадать главные загадки бытия:

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы,
Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
И отправились, мудрые, спать, как и мы

(Перевод Г. Плисецкого)

С той же иронией «ученейший муж века» говорил и о самом себе:

Я для знаний воздвиг сокровенный чертог,
Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
Только знаю одно: ничего я не знаю!
Вот моих размышлений последний итог.

(Перевод О. Румера)

*Мавзолей Омара Хайяма
в Нишапуре (Иран)*

Однако не следует думать, что Хайям мирился с таким положением вещей. Напротив, его страстные вопрошания, ироничные замечания или воодушевленные призывы ловить сладостные мгновения быстротечного бытия были пронизаны духом протеста против непостижимого даже для «светлейших умов» мироустройства, обрекающего человека на страдания и смерть. Этот дух протеста питался присущей Хайяму гуманистической верой в человека, достойного — по праву вершинного творения Бога — счастливой судьбы. Одним из самых вдохновенных, самых афористичных гимнов человеку, когда-либо слагавшихся на земле, звучит рубаи, в котором Хайям провозглашает:

Мы — цель и вершина Вселенной,
Мы — наилучшая краса юдоли* бренной;
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомненья, мы — камень драгоценный.

(Перевод О. Румера)

* Юдо́ль (устар.) — жизнь с ее заботами и печальями.

1. Чем прославился Омар Хайям при жизни? Назовите наиболее значительные его достижения.
2. Как сложилась судьба поэта?
3. Какие темы Омар Хайям освещал в своем творчестве? Раскройте связь между ними и мироощущением поэта.
4. Дайте определение жанру рубаи. Перечислите характерные черты рубаи Хайяма.

Перед чтением. Читая подборку рубаи Хайяма, найдите в них автобиографические «следы».

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой — мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

Перевод Г. Плесецкого

Пришел он, моего жизнекрушенья час;
Из темных волн, увы, я ничего не спас!
Джемшида¹ кубок я, но миг — и он разбился;
Я факел радости, но миг — и он погас.

Перевод О. Румера

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
Ты беготне целый день подвергаешь меня.
Город заставишь обегать за черствый кусок,
Грязью за чашку воды обливаешь меня.

Перевод В. Державина

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

¹ Джемшид — в древних иранских сказаниях: легендарный царь, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Иллюстрация к иранскому изданию рубаи

Страница с заставкой из английского издания рубаи Омара Хайяма

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

Перевод Г. Плесецкого

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать рубаи

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какие из прочитанных в этой главе рубаи вам понравились больше всего? Выразительно прочтите их вслух.
2. Какие радости земного бытия воспевают поэт? Умеет ли, по вашему мнению, их ценить современный человек?
3. На какие несовершенства человеческой жизни указывает Хайям?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Какие грани внутреннего мира поэта раскрываются в данной подборке рубаи? Подкрепите свой ответ цитатами.
 2. Сформулируйте основные темы представленных четверостиший.
 3. В рубаи «Мы источник веселья — и скорби рудник...» Хайям характеризует человека следующим образом: «Он ничтожен — и он же безмерно велик!». Считаете ли вы эту характеристику верной? Обоснуйте свое мнение.
- Работа в парах.** Обсудите философские вопросы, затрагиваемые в прочитанных вами рубаи. Как бы вы на них ответили? Подготовьте краткое выступление на эту тему.

III. Учимся фантазировать

Дополните ряд противопоставлений, на котором построено четверостишие «Мы источник веселья — и скорби рудник...», своими антитезами.

IV. Филологический мастер-класс

Думайте сами! Какой вам представляется «чаша Джамшида»? Что именно в ней должно отражаться? Раскройте символическое значение образа чаши (кубка), а также смысл сравнения лирического героя с чашей Джамшида.

Консультация профессора Филолова

«Тайный» смысл стихотворений Омара Хайяма. Далеко не каждый ценитель хайямовских стихов догадывается о том, что в них скрыт иносказательный смысл. Истолковать его не так-то просто: для этого нужно ориентироваться в культурных традициях средневекового Востока.

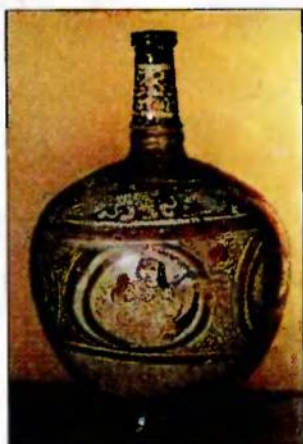
Так, во времена Хайяма возникло религиозно-мистическое учение под названием суфизм, оказавшее огромное влияние на арабский мир. Его последователи, суфии, утверждали, что Бог присутствует во всем, но ощутить это присутствие человек может только в состоянии особого мистического подъема. Чтобы войти в такое состояние, следует отказаться от услуг разума, отбросить будничное и привычное мышление. А главными средствами его достижения, согласно суфизму, являются вино и любовь, изменяющие человеческое сознание.

Вполне возможно, что с этим учением был знаком и Хайям. Во всяком случае, культ вина и любви, противопоставляемый в его поэзии бессилию человеческого разума, обнаруживает явное сходство с суфийскими идеями:

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами хочу ланит весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

(Перевод Г. Плесецкого)

Вполне возможно также, что в стихотворениях персидского поэта отразился и иносказательный язык, которым пользовались суфии. На этом языке вино означало состояние мистического вдохновения и высшего счастья; чаша — меру человеческой жизни, а отмеряющий ее виночерпий (или «саки») — Бога. Суфии зачастую представляли Творца также в образе гончара, который лепит сосуды или чаши. Упомянутыми образами буквально переполнена лирика Хайяма, причем нередко их иносказательные значения выводятся на поверхность. Например, в некоторых рубаи поэт открыто проводит параллели между человеком и сосудом (или чашей), между вином и высшим наслаждением, между Творцом и гончаром. ●

Сосуд. XII — начало
XIII в.

Перед чтением. Читая помещенные ниже рубаи, определите их темы.

Ужели бы гончар им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут!

Перевод О. Румера

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжок: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

Перевод Г. Плесецкого

Пьющие вино.
Конец XVI —
начало XVII в.

Образец
каллиграфического
почерка. XVII в.

Восточный остров.
Миниатюра из рукописной
книги XIII в. Багдад

Общаясь с дураком, не оберешься срама.
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
Из рук же дурака не принимай бальзама.

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
Над головою кров и скромный угол, где бы
Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть.
Тогда благословить за счастье можно б небо.

Перевод О. Румера

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

Перевод Г. Плещецкого

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. В каких стихотворениях звучит протест лирического героя против неустроенности человеческой жизни и непостижимости мира? В чем этот протест проявляется? Приведите соответствующие цитаты.
2. Чем обосновано следующее заявление лирического героя: «Я — школяр в этом лучшем из лучших миров»?
3. Какие ценные для себя советы вы нашли в прочитанных четверостишиях? Выпишите их в тетрадь. Каким из этих мудрых мыслей вы бы хотели следовать в своей жизни? Почему?
4. Выучите наизусть два-три полюбившихся вам рубаи.
Можно поспорить! Какие умозаключения поэта вы хотели бы опровергнуть? Обоснуйте свое опровержение.

Что вы знаете о культуре Японии?

Если бы мы, исходя из буквального значения древнего выражения, мысленно отправились на поиски источника «света с Востока», то, скорее всего, воображаемое путешествие привело бы нас в Японию — «самую восточную» часть восточного мира. Издавна японцы называют свою родину «источником солнца». Да и далеко за пределами Японии утвердилась традиция называть ее Страной восходящего солнца.

Сегодня Япония славится высоким уровнем научно-технического развития и самобытной культурой. Но так было далеко не всегда. Достаточно сказать, что в период своего культурного строительства Япония вступила позже многих других восточных стран. Древние цивилизации Китая и Индии уже исчисляли свою историю веками, а «новорожденный» арабский мир уже блистал достижениями своих ученых, мудрецов и поэтов, когда японская культура, поначалу питавшаяся заимствованиями из культуры китайской, смогла, наконец, обрести собственный голос. Это произошло приблизительно в X в.

Подобно персам, средневековые японцы с огромным уважением относились к поэтическому искусству. Главной гордостью японской поэзии стали миниатюрные стихотворения, изображавшие малозаметные мгновения обыденной жизни. Одним из древнейших жанров таких стихотворений является *танка*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Танка (в переводе с японского «короткая песня») — нерифмованное пятистишие, состоящее из тридцати одного слога, которые распределяются в строках по схеме 5–7–5–7–7. Основные темы этого жанра — природа, любовь, странствия. Главная задача танки заключается в том, чтобы как можно ярче передать эмоциональное отношение поэта к запечатленной в ней картинке жизни. Этим обусловлен концентрированный лиризм, свойственный данному жанру.

Вот пример такого пятистишия:

Невольно душе мила
Обветшала та застреха.
Рядом слива цветет.
Я понял сердце того,
Кто раньше жил в этом доме.

(Перевод В. Марковой)

Андо Хиросигэ.
Роща Суидзин в Масаки,
у реки Сумидагава

Нетрудно заметить, что приведенная танка несет на себе сильный отпечаток эмоционального состояния автора: в ней важна не сама картина сливы, цветущей возле ветхой кровли, а отклик, который данная картина рождает в душе лирического героя. Этот отклик многослоен: он вбирает в себя и щемящее любование, и легкое удивление перед сочетанием юности и старости (на которое «намекает» сочетание весеннего цветения дерева и «обветшалой застрехи»), и момент проникновения лирического героя в душу прежнего обитателя дома. А что именно «понял» лирический герой в этот момент, читатель должен дофантазировать уже сам.

Из-за краткости танки каждое ее слово приобретает особый вес. Однако, по утверждению знатоков, пробелы между словами в таком стихотворении содержат в себе не меньше смысла, чем сами слова, — нужно только уметь их «читать». Кроме того, танки изобилуют намеками и игрой слов, которые читатель должен чутко улавливать. Все это придает пятистишиям элемент «недосказанности», открывающий простор для воображения читателя.

Многие свойства танки унаследовал ее «младший брат» — поэтический жанр хокку, не уступающий ей по части славы, но зато превосходящий ее по части краткости. Собственно говоря, первоначально хокку представляли собой не что иное, как «обломки» танки, поскольку возникли в результате отсечения от нее двух последних строк. Так определилась ритмическая «формула» хокку, согласно которой слоги в строках распределялись по схеме 5—7—5*. Примечательно, что само слово «хокку» означает «начальные стихи».

Существует, впрочем, и другое название этого жанра — «хайку». Оно переводится с японского как «комические стихи». Действительно, на первых порах хокку (или хайку) сочинялись преимущественно в шуточном, пародийном ключе. Со временем же они приобрели более чем серьезное звучание.

Хокку представляет собой беглую зарисовку с натуры, выполненную буквально несколькими штрихами, но наполненную, как и сюжет танки, чрезвычайно емким смыслом. Неслучайно иногда хокку сравнивают с

* В русских переводах схема распределения слогов в хокку и танке чаще всего не соблюдается, что связано с существенными различиями языков оригинала и перевода.

пословицей. Однако, в отличие от пословицы, хокку — это не поучительное высказывание, а поэтическая картина, призванная будить и волновать творческое воображение читателя.

Одним из важных элементов такой картины является «саби». В самом общем смысле значение этого слова можно объяснить как настроение благородной печали, плодотворного одиночества, при котором поэта, а следом за ним и читателя, охватывает чувство невыразимой красоты, полноты и пронзительности бытия. Принцип «саби» требует, чтобы сложное содержание выражалось в простых и строгих формах, настраивающих сознание на сосредоточенное созерцание.

Тематика хокку отражает все многообразие человеческой жизни: труд и отдых, одиночество и общение, путешествия и искусство, молодость и старость... Однако независимо от темы в каждом стихотворении непременно обозначена идея нерасторжимого единства человека с природой.

Во многих хокку образы природы превращаются в своеобразное зеркало, отражающее самую суть человеческой жизни:

Наша жизнь — росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь — и все же...

(Перевод В. Марковой)

Изображение природы в трехстишиях, как правило, связано с временами года. За каждым из них в поэзии хокку закреплены определенные «сезонные слова». Скажем, для обозначения весны в качестве «сезонных слов» используются образы цветущих слив, персика, сакуры*, а также соловья, жаворонка, бабочки, паутины и т.п. На лето в хокку указывают ливень, жара, кукушка, прохлада, прополка риса, полуденный отдых и др.; на осень — луна, звезды, роса, крик цикад, красные листья клена, хризантемы и др., на зиму — морозящий дождь, иней, лед, холод, очаг, конец года... Подобные «сезонные слова», по мнению специалистов, есть в каждом хокку. Они срабатывают как опознавательные знаки, по которым читатель догадывается, о каком времени года или о каком состоянии природы идет речь в стихотворении. Общее количество «сезонных слов» достигает трех-четырёх тысяч, причем оно продолжает увеличиваться по сей день. Это доказывает, что старинный жанр хокку все еще остается живым родником японской поэзии.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Хокку (хайку) — перифрированное стихотворение, которое состоит из трех строк, включающих в себя соответственно 5–7–5 слогов. В хокку несколькими выразительными штрихами создается «зарисовка» повседневной жизни, приоткрывающая путь к постижению красоты и смысла бытия. Характерной особенностью хокку является наличие «сезонных слов».

* Сакура — японская вишня.

Непритязательные, на первый взгляд, картинки, нарисованные в танках и хокку, обладают неизмеримой глубиной смыслов и завораживающей художественной выразительностью. Свойственное этим стихотворениям сочетание простоты и сложности подобно чуду — они изумляют мир не меньше, чем технические диковинки, созданные изобретательным японским народом. И у себя на родине, и за ее пределами подобные стихотворные миниатюры считаются самыми дорогими жемчужинами японской поэзии. Из века в век усилиями многих поэтов из этих жемчужин создавалось ожерелье, ныне украшающее сокровищницу мировой литературы.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какое место в культуре средневековой Японии занимала поэзия?
2. Какие жанры принесли японской поэзии широкую известность? Чем, по вашему мнению, объясняется их популярность? Укажите характерные особенности этих жанров.
3. Раскройте суть принципа «саби». Как вы думаете, почему он важен для жанра хокку?
4. Что такое «сезонные слова»? Приведите примеры таких слов.

Глава 4

ПОЭЗИЯ ОДИНОКОЙ ДУШИ

Вспомните поэтов и писателей, которые любили путешествовать. Как странствия повлияли на их творчество?

Поэзия была важной частью культурной жизни средневековой Японии. По придворному этикету аристократ должен был не только знать стихи, но и уметь их сочинять. Причем сочинять быстро и в присутствии зрителей — то есть в виде публичного экспромта*. Подобные экспромты рождались в минуты дружеских застолий, коллективных прогулок на лоне природы, любовных встреч и т.д. А главным «экзаменом» для проверки стихотворческих способностей аристократов служили поэтические турниры, нередко устраиваемые по желанию самого императора.

Однако наряду со стихотворениями, сочиненными во время состязаний и прочих публичных выступлений, существовала и другая поэзия. Она создавалась в уединенных, далеких от придворной суеты уголках, во время одиноких скитаний и уединенного созерцания природы. Именно такой поэзией прославил свое имя один из самых значительных лириков японского средневековья *Сайге (1118–1190)*.

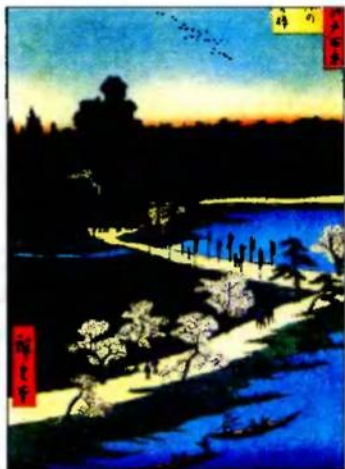
Это имя не было дано ему при рождении. Сато Норикиэ — так звали поэта до того, как он, молодой императорский придворный из рода военных дворян, круто повернул свою жизнь, постригшись в монахи. Тогда-то и появилось его новое, монашеское, имя Сайге, буквально обозначающее «идущий на запад». Согласно исповедуемой Сайге религии, на западе

* Экспромт — речь, стихотворение, музыкальное произведение и т.п., созданные без подготовки, в момент произнесения, исполнения.

находилась Чистая Земля (Дзедо), то есть рай. К этой цели и должен был стремиться тот, кто звался Идущим на запад.

Действительно, долгие годы Сайге провел в странствиях, которые должны были очистить и усовершенствовать его душу для достойного вступления в пределы «чистого», «совершенно-го» царства. Надо сказать, реальность не слишком благоприятствовала осуществлению этих стремлений: в ту мрачную пору Японию сотрясали междоусобные войны, и единственным прибежищем для отшельника была природа, наедине с которой он мог оплакивать гибель друзей и бедствия своего народа.

Мало что известно о событиях, пережитых поэтом за время многолетних скитаний. Зато многое известно о его переживаниях, ибо они запечатлены в стихах, сочинявшихся в тот период. В этих произведениях развернута богатая палитра настроений поэта, вызванных соприкосновениями его души с внешним миром. Есть в ней и ликующий восторг перед красотой цветущей вишни, и приглушенная грусть, навесная первым осенним вечером, и пронзительное сочувствие к увядающим творениям природы, и безмерная усталость путника, бредущего сквозь заросли, и безудержная любовная страсть, и неизбывная горечь разочарования... И каждое из этих состояний, переданных с изумительной остротой чувства, мысли и слова, вмещается в маленькое пятистишие, именуемое танкой. Неудивительно, что танки Сайге в течение многих столетий служили образцом подражания для японских стихотворцев.

Андо Хиросигэ. Сросшиеся
стволы деревьев в роще
Ацума

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Какие формы стихотворчества были распространены в средневековой Японии? С какой из них связано творчество Сайге?
2. Какие сведения о жизни и творчестве Сайге вы почерпнули из прочитанной главы? Какой вы представляете его поэзию?

Перед чтением. Читая танки Сайге, подумайте, каким образом поэту удается «малым сказать многое».

Сложила в первое утро весны

Зубцы дальних гор
Подернулись легкой дымкой...
Весть подают:
Вот он, настал наконец
Первый весенний рассвет.

Соловьи под дождем

Соловьи на ветвях
Плачут, не просыхая,
Под весенним дождем.
Капли в чаще бамбука...
Может быть, слезы?

Из многих моих стихотворений о вишневых цветах

Горы Есино!
Там видел я ветки вишен
В облаках цветов,
И с этого дня разлучилось
Со мною сердце мое.

Когда я любовался цветами на заре. пели соловьи

Верно, вишен цветы
Окраску свою подарили
Голосам соловьев.
Как нежно они звучат
На весеннем рассвете!

Китагава Утамаро.
Гравюра из альбома
«Цветы»

Осень

Никого не минует,
Даже тех, кто в обычные дни
Ко всему равнодушны, —
В каждом сердце родит печаль
Первый осенний ветер.

Хризантемы

Осенью поздней
Ни один не сравнится цветок
С белою хризантемой.
Ты ей место свое уступи,
Сторонись ее, утренний иней!

Ресни любви

Не обещалась она,
Но думал я, вдруг придет.
Так долго я ждал.
О, если б всю ночь не смеркалось
От белого света до белого света!

Пришлось разлучиться нам,
Но образ ее нигде, никогда
Я позабыть не смогу.
Она оставила мне луну
Стражем воспоминаний.

«Несчастный!» — шепнешь ли ты?
Когда бы могло состраданье
Проснуться в сердце твоём!
Незнатен я, но различий
Не знает тоска любви.

Перевод В. Марковой

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое из прочитанных стихотворений нашло наибольший отклик в вашей душе? Почему?
2. Какие чувства пробуждает в лирическом герое «весенних стихотворений» зрелище цветущих деревьев?
3. Благодаря каким образам очеловечивается природа в танке «Соловьи под дождем»? Какой смысл заключен в финальной строке этого произведения?
4. Сопоставьте пейзажи, нарисованные в танках «Сложил в первое утро весны» и «Осень». Что у них общего? А чем они отличаются?
5. Определите главную мысль танки «Хризантемы».
6. Найдите в пятистишиях Сайге примеры одушевления природы. Раскройте их художественно-смысловую роль.
7. Какой предстает любовь в прочитанных вами стихотворениях Сайге?

Глава 5

«ВОТ ВСЕ, ЧЕМ БОГАТ Я!»

Пять столетий минуло со времен скитаний Сайге, когда в странствия по дорогам Японии отправился новый великий поэт — Мацуо Басе. Так же как Сайге, он предпочитал посох домашнему уюту и лучшие минуты жизни отдавал сочинению стихов. Так же как Сайге, он был равнодушен к богатству, власти, покупным удовольствиям и превыше всего ценил духовное самосовершенствование. Так же как Сайге, он учился сам и учил других искать красоту и смысл в мелочах повседневной жизни. Сайге был любимым поэтом Басе, и даже более того — духовным спутником его странствий и творчества. Однако при всем духовном родстве это были разные поэты. Недаром Басе любил повторять заповедь восточного мудреца: «Не иди по следам древних, но ищи то, что искали они», что означало: для того чтобы стать достойным преемником предшественников, нужно не подражать им, а осмысливать их духовный опыт, причем осмысливать его по-своему, по-новому. Следуя этой формуле, Басе и смог стать тем, кем стал: великим наследни-

*Мацуо Басе
(1644–1694)*

ком заветных традиций японской поэзии и великим ее новатором.

Будущий поэт появился на свет в 1644 г. в провинции Ига в семье небогатого самурая* Мацуо Едзаэмона, зарабатывавшего на жизнь преподаванием каллиграфии. Когда мальчик подрос, ему взамен прежних детских прозвищ дали имя Мунэфуса. Литературный псевдоним «Басе» был придуман поэтом позже.

К стихотворчеству Мацуо пристрастился с юных лет. Этому способствовало общение с родными, прекрасно разбиравшимися в литературе, и с княжеским сыном, который был страстным поклонником поэзии. По достижении двадцати восьми лет Мацуо решил перебраться в крупнейший по тем временам культурный центр Эдо (ныне — Токио), где предполагал всерьез заняться совершенствованием своего поэтического таланта. Отчаянные попытки родных отговорить его от этой затеи не возымели успеха: зов поэзии заглушал доводы рассудка. С честолюбивыми надеждами в душе и с томиком своих стихотворений в руках Мацуо покинул родные места. Уходя, он прикрепил к воротам дома, в котором жил его друг, листок со стихами:

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

(Перевод В. Марковой)

В Эдо молодой поэт с головой погрузился в бурную литературную жизнь. Знакомство с модной в ту пору поэтической школой Данрин научило его черпать вдохновение в повседневности, а изучение китайской классической литературы развило в нем вкус к философской поэзии. Соединив эти традиции, Басе вывел старый жанр хокку на новую орбиту философской лирики. Это позволило поэту подняться на такую высоту мастерства, где каждое его трехстишие превращалось в настоящий шедевр.

С каждым годом творчество поэта приобретало все более широкое признание. У Басе появились не только поклонники, но и последователи: он стал одним из самых авторитетных и любимых учителей поэтического мастерства. Учиться у него считалось величайшей честью.

Однако растущая день ото дня слава не обеспечила поэту безбедного существования. Поэтическое ремесло кормило плохо, а ничем иным он заниматься не хотел. Ученики Басе преимущественно были так же бедны, как и он сам, а потому не могли облегчить его положение. Впрочем, среди них нашелся один выходец из зажиточной семьи, уговоривший отца отдать поэту убогую хижину-сторожку на берегу пруда. Для утомленного многолетней нищетой Басе это было чуть ли не царским подарком. Обживая новое место, он посадил вокруг дома банановые пальмы. Они-то и дали

* Самурай — в феодальной Японии: мелкий дворянин, посвятивший себя военной службе.

поэту литературное имя (слово «басе» в японском языке означает «банановое деревце»), а заодно — и поэтическое название его жилища: «Банановая хижина» (что по-японски звучит как «басеан»). В этом маленьком надежном доме, приютившемся на окраине города, даже нельзя было толком укрыться от ливня или стужи. Но ни на какие жизненные блага Басе не согласился бы променять свою лачужку, несокрушимой крепостью стоявшую на страже его духовной и творческой свободы. С поистине императорским достоинством он жил в ней жизнью нищего, но счастливого художника, независимого от благосклонности «сильных мира сего», наслаждающегося творчеством и общением с друзьями, при всех обстоятельствах сохраняющего способность радоваться самым простым вещам:

А я — человек простой!
Только вьюнок расцветает,
Ем свой утренний рис.

(Перевод В. Марковой)

Внутреннее убранство своего пристанища и простиравшиеся за его порогом окрестности Басе любовно изображал во многих стихотворениях.

Зимой 1682 г. во время страшного пожара, уничтожившего значительную часть города, дотла сгорела Банановая хижина. Оставшись без крова, поэт не пал духом, решив, что наконец пришло время новых странствий, о котором он давно мечтал. Вскоре Басе в сопровождении одного из учеников отправился в путешествие, которое с небольшими перерывами продлилось десять лет. Иногда поэт возвращался в Банановую хижину, заботливо отстроенную друзьями, но жажда странствий снова гнала его в путь-дорогу. Он и умер во время очередного путешествия, в окружении своих учеников.

Слава, которую снискал Мацуо Басе при жизни, не поблекла после его смерти. Сегодня, спустя три столетия, каждый образованный японец знает наизусть хотя бы несколько его стихотворений. И сам поэт, и его хокку приобрели широчайшую известность во всем мире.

Консультация профессора Филолога

Пять правил чтения хокку. Как вы уже знаете, внешне простые хокку скрывают в себе совсем непростое содержание. Чтобы его «добыть», хокку нужно уметь прочесть. Конечно, за один раз этим искусством не овладеть, зато вооружиться элементарными правилами восприятия японских трехстиший — можно и даже должно. Вот они:

1. Стихотворение хокку рассчитано на медленное, постепенное и вдумчивое чтение. Именно на волне нарочито замедленного восприятия разворачивается смысл и красота трехстишия. Можно сказать,

Кацусика Хокусай.
Фудзи в дождь.
(Фрагмент)

что чем дольше читатель «задержится» внутри такого стихотворения, тем больше нюансов в нем откроет. Отсюда вывод: хокку нельзя поверхностно «пробегать глазами», быстро перескакивая от одного к другому. Каждое трехстишие следует читать, «вживаясь» в изображенную в нем картину. Еще лучше — перечитать его несколько раз, поскольку один из секретов хокку заключается в том, что с каждым перечитыванием запечатленная в нем картина становится ярче и богаче.

2. Поэзия хокку — это поэзия настроения. Следовательно, при восприятии трехстишия необходимо проникнуться переданной в нем эмоцией поэта. Чтобы этого достичь, читатель должен разделить с поэтом состояние «плотворного одиночества», которое является важным условием для сосредоточенного созерцания поэтической картины и постижения ее скрытой сути.

3. В основе хокку лежит моментальная зарисовка картин повседневности, выполненная одним или несколькими штрихами. Однако каждая изображенная «мелочь жизни» раскрывает в стихотворении свою значительность подобно тому, как в одном из трехстиший Басе ее раскрывают семена перца, который, если вдуматься, является весьма «влиятельной» приправой, способной как угодно изменять вкус блюда, вплоть до его полной непригодности:

Ты не думай с презреньем:
«Какие мелкие семена!»
Это ведь красный перец.

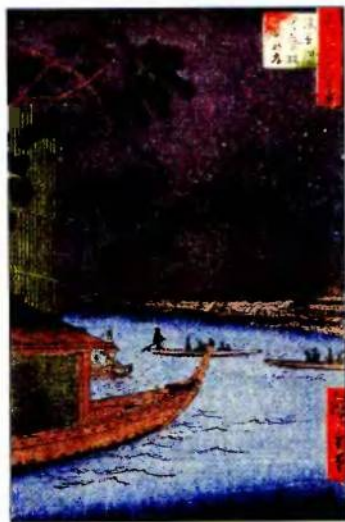
(Перевод В. Марковой)

Стало быть, нужно осознать важность каждого штриха поэтической картины.

4. При этом следует иметь в виду, что хокку широко использует иносказательный язык. Любая бытовая картинка в стихотворениях Басе, как правило, имеет переносный смысл. Например, покидая дом гостеприимного друга, Басе выразил свое сожаление следующим образом:

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела...
О, с какой неохотой!

(Перевод В. Марковой)

Андо Хиросигэ.
Сосна у реки

Разумеется, не располагая сведениями об обстоятельствах сочинения этого стихотворения, читателю было бы трудно узнать в нем зашифрованное послание другу. Но в общих чертах скрытый смысл ясен и без такого комментария, и определить его можно приблизительно так: «Как жаль расставаться нам со «сладкими» дарами жизни!». В любом трехстишии Басе стоит искать обобщенный иносказательный смысл.

5. В основу «сюжета» хокку положена выхваченная из потока жизни многозначительная

деталь, по которой читатель должен воссоздать целостную картину. В этом смысле поэзия хокку напоминает японскую живопись, одним из принципов которой было требование, чтобы художник изображал только часть того, что он видит, оставляя на картине место для белого пятна, обладающего не меньшим значением, чем само изображение. Подобные «белые пятна» присутствуют и в хокку. Читатель должен их обнаружить и заполнить собственными чувствами и размышлениями. ●

Как видите, хокку требует живого и активного соучастия читателя. Оно действует на читательское сознание подобно тому, как действует удар смычка на струны скрипки. И так же, как во взаимодействии смычка и струн рождается музыка, поэтическая картина хокку во всей своей полноте раскрывается только тогда, когда чувство, мысль и фантазия поэта соединяются с чувством, мыслью и фантазией читателя.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о жизни Мацуо Басе. Каким предстает этот поэт в вашем воображении?
2. Что нового привнес Басе в жанр хокку?
3. Изложите основные правила чтения хокку. Какие из них кажутся вам непривычными?

Перед чтением. Прочтите помещенные ниже трехстишия Мацуо Басе, следуя рекомендациям, изложенным в рубрике «Консультация профессора Филолога» на странице 37.

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

В чашечке цветка
Дремлет шмель. Не тронь его,
Воробей-другок!

Первая дыня, друзья!
Разделим ее на четыре части?
Разрежем ее на кружки?

Всё кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.

Уж осени конец,
Но верит в будущие дни
Зеленый мандарин.

Тихая лунная ночь...
Слышно, как в глубине каштана
Ядрышко гложет червяк.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему, —
В этом высший подвиг цветка!

И цветы, и плоды!
Всем сразу богата дыня
В лучшую пору свою.

Перевод В. Марковой

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать хокку

I. Учимся осмыслять прочитанное

Выберите наиболее понравившееся вам трехстишие Мацуо Басе. Проработайте следующие вопросы и задания:

- А. Каким настроением проникнуто данное произведение? Какие чувства оно вызвало в вашей душе?
- Б. На каких образах-«штрихах» держится изображенная в хокку картина? На какие размышления они вас наталкивают?
- В. Сформулируйте главную мысль стихотворения.
- Г. Раскройте его иносказательный смысл.
- Д. Как бы вы «дорисовали» изображенную в хокку картину в своем воображении? Опишите ее.

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Найдите «автобиографические» следы в прочитанных вами трехстишиях Басе. Укажите стихотворения, в которых лирический герой проявляет:

- чувство юмора по отношению к самому себе;
- живое сострадание к природе;
- щедрость к друзьям;
- восхищение красотой окружающего мира.

2. Раскройте связь между картинами природы и обобщениями, касающимися человеческой жизни.

3. Определите иносказательный смысл стихотворений «Всё кружится стрекоза...», «Уж осени конец...», «О, сколько их на полях!...».

4. Какие хокку побудили вас обратить внимание на «мелочи», которым вы раньше не придавали значения?

5. Укажите примеры использования в хокку «сезонных слов». Определите их роль в стихотворениях.

III. Учимся фантазировать

Выполните одно из предложенных заданий:

А. «Разверните» одно из хокку в маленький рассказ. Запишите его в тетрадь.

Б. «Сверните» любой понравившийся вам реальный пейзаж в один или два образа, на основе которых можно было бы создать сюжет хокку. Запишите их в тетрадь.

IV. Филологический мастер-класс

Работа в парах. Обсудите смысл приведенных ниже наставлений Мацуо Басе. Какое из них представляется вам самым важным? Почему?

- «Хокку нельзя составлять из разных кусков... Его надо ковать, как золото».
- «Создание стихотворения должно происходить мгновенно, как дровосек валит могучее дерево или как воин кидается на опасного противника,

точно так же, как режут арбуз острым ножом или откусывают большой кусок от груши».

- «Тот человек, который за всю жизнь создал всего три—пять превосходных стихотворений, — настоящий поэт. Тот же, кто создал десять, — замечательный мастер».

- Не слишком мне подражайте!

Взгляните, что толку в сходстве таком?

Две половинки дыни.

Вечно зеленеющее древо восточной культуры

Об искусстве японцев «малым сказать много». В склонности японцев к миниатюрным жанрам поэзии, как в капле воды, отражается важнейшая особенность их национального мышления, которую часто называют «японским минимализмом*». В искусстве «малым сказать многое» японский народ, пожалуй, не знает себе равных. Эта способность была выработана всем образом жизни, обусловленным, в первую очередь, географическим положением Страны восходящего

* Минимализм (от лат. *minimus* — наименьший) — сведение к минимуму, наименьшему.

Андо Хиросигэ.
Сливовый сад на
окраине Камейдо

солнца. Ведь, в отличие от большинства государств, она является «островной» страной: ее территорию образуют три тысячи островов и островков, разбросанных у восточного побережья Азии. Этим во многом объясняется и обособленность духовного развития Японии, и присущая ее народу способность ценить каждый сантиметр жизненного пространства, и характерное для ее культуры тяготение к малым формам.

«Минималистские» черты проявляются во всем строе японской культурной жизни, начиная от монохромной* живописи, для создания которой требуется всего лишь белая бумага, кисть да черная тушь, и заканчивая популярным в здешнем быту «сухим садом», состоящим из камней и гальки.

Важную роль в формировании «минимализма» сыграла также древняя национальная религия Японии — синтоизм (в переводе с японского — путь богов). В ее пантеоне насчитывается более восьми миллионов богов — «ками», к числу которых принадлежат духи рек, озер, гор, умерших предков, покровители ремесел и др. Главным средством общения к ним, согласно синтоизму, является не чтение молитв и священных книг, но непосредственное участие в храмовых праздниках и церемониях. А в церемонию в Японии облакается любая деталь быта, вплоть до приветствия или чаепития. Таким образом, синтоистская религия издавна учила японцев чувствовать живую связь между самыми мелкими деталями повседневной жизни и всей полнотой мира. Вместе с тем, она учила жить в гармонии с природой, ощущая в заурядных ее проявлениях присутствие «ками». С этим связаны характерные особенности устройства японского жилища: минимум внутреннего убранства (чтобы было как можно меньше препятствий в контакте с окружающей природой) и непременно наличие хотя бы крошечного сада (усиливающего такой контакт). Синтоизм наложил свой отпечаток и на искусство Японии: в любом поэтическом или живописном пейзаже ощущается присутствие одухотворенных природных сил, и чаще всего оно «задается» какой-либо мелкой деталью.

Таким образом, многие обстоятельства исторического и культурного развития Японии способ-

* Монохромный — одноцветный.

Каким образом минимализм проявился в японской поэзии?

ствовали тому, чтобы ее народ овладел искусством «малым сказать многое». Это искусство, лишний раз подтверждающее правоту русской поговорки «мал золотник, да дорог», стало одной из самых ярких и самых показательных черт культуры Страны восходящего солнца.

Пронзительная тонкость японской живописи.

Японская живопись так же необычна, как и японская поэзия. Подобно сочинителям танки или хокку, мастера кисти Страны восходящего солнца отличались умением передать тонкое наслаждение неярким мгновением повседневности, показать с неожиданной стороны привычный

Кацусика Хокусай. Вид горы Фудзи за цистерной

взгляду мир, обозначить глубинную связь человека с природой.

Скажем, знаменитый художник **Какусика Хокусай** (1760–1849) прославился своим умением привнести масштабность даже в самые незамысловатые сюжеты. Например, в гравюре «Вид горы Фудзи за цистерной» (страница 43) гора, отодвинутая на задний план, но гармонично «вписывающаяся» в строительные леса на переднем плане, придает обобщенно-монументальный смысл повседневному человеческому труду. Священной Фудзи Хокусай посвятил один из лучших своих циклов — «36 видов горы Фудзи», в котором запечатлел любимейшую гору японцев во всем богатстве ее изменчивой красоты и блеске ее неизменного величия. И хотя Хокусай часто изображал Фудзи всего лишь как ненавязчивый фон будничных хлопот, с ней, как с главной, вечной и совершенной меркой, соизмеряется на его картинах человеческая жизнь.

В то время как представители западной классической живописи стремились создать законченное произведение искусства, которое бы заключало в себе их идеал красоты, японские художники изображали намеренно «неполные» картины, содержащие легкий намек на мудрость бытия. Зритель должен был уловить и собственными усилиями расшифровать этот намек. Поэтому зрительская фантазия является важным компонентом японских картин. Эта особенность ярко проявилась в творчестве другого известного художника Страны восходящего солнца — **Андо Хиросигэ** (1797–1858). Характерным примером тому может служить его гравюра «Ирисы в Хорикири» (страница 45).

«Передний план картины преподносится настолько близко, насколько это возможно. Человеку, рассматривающему данную картину, кажется, будто он сам находится среди обилия цветов и наблюдает за их буйным ростом и цветением с противоположного берега реки: более того, у зрителя возникает такое чувство, словно он сам растет вместе с ирисами, изображенными художником. Сам пейзаж играет лишь незначительную роль в композиции, представляя собой почти безжизненный, маловыразительный фон».

(По книге «Хиросигэ»)

Внимательно рассмотрите репродукции гравюр Хокусая и Хиросигэ. На какие размышления они вас наталкивают?

Андо Хиросигэ. Ирисы в Хорикири

Изобразить хокку: Близость поэзии хокку к живописи очевидна. С давних пор стихотворения этого жанра сочинялись по сюжетам уже существующих картин. Нередко случалось и наоборот: изысканные трехстишия вдохновляли художников взяться за кисть. А иногда хокку использовалось в качестве каллиграфической надписи на самой картине и таким образом превращалось в ее элемент.

В эпоху бурного развития науки и техники жанр хокку стал завоевывать новые области изобразительного искусства. Несколько лет назад у режиссера Кихатэро Кавасмото возникла идея экранизировать трехстишия из цикла «Зимний день» Машуо Басе. Согласно его замыслу, хокку должны были

воплотиться в полуминутные мультипликационные сюжеты. За дело взялись тридцать пять талантливейших аниматоров* мира. В том числе — известный российский режиссер *Юрий Норштейн*, чей мультфильм «Ежик в тумане» в свое время в Японии был признан лучшей анимационной лентой в истории человечества.

Созданная им мультипликационная версия одного из хокку Басе сразу покорила требовательное жюри. Ничего удивительного в этом нет: подобно японским поэтам, Норштейн видит смысл искусства в том, чтобы велушиваться в несказанное и любоваться невидимым... «Если выходишь на улицу, — заметил как-то режиссер, — и не чувствуешь, как пахнет листва, как пузирятся лужи, как старуха в магазине пересчитывает мелочь, оглядывая прилавки, — тебе делать в искусстве нечего».

А какие хокку Мацуо Басе предложили бы мультиплицировать вы? Почему?

* Аниматор — художник, создающий мультфильмы.

РВТОРЯЕТ И ОБОБЩАЕТ ИЗУЧЕННОЕ ВО ВТОРОМ РАЗДЕЛЕ

1. Какие сведения о поэзии Востока вас заинтересовали больше всего? Почему?
2. На примере любого понравившегося вам стихотворения Омара Хайяма докажете, что его рубаи — это маленькие поэмы.
3. Как вы думаете, чем объясняется мировая популярность жанра хокку? **Думайте сами!** Что общего между стихотворными миниатюрами персидских и японских поэтов? А чем они отличаются? В чем, по вашему мнению, заключается мудрость стихотворений Хайяма, Сайге и Басе?

УЧЕНИЕ-РАЗВИТИЕ

Сочиняем хокку! Используя сведения об особенностях построения и восприятия хокку, а также изложенные на страницах 40–41 наставления Мацуо Басе, попытайтесь сложить собственное стихотворение в этом жанре на основе одного из предложенных ниже образов:

- мальва под дождем;
- ползущая по стеблю улитка;
- ветка цветущей яблони, пробившаяся сквозь плетень на соседний двор.

Творческое задание. Напишите сочинение на одну из предложенных тем: «Золотые россыпи мудрости Омара Хайяма»; «Чудеса поэзии хокку».

РАЗДЕЛ
ТРЕТИЙ

Из литературы
эпохи
Возрождения

Глава 1

ОТКРЫТИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

В XIV–XVI вв. Европа пережила этап великих перемен, заложивших фундамент ее современной культуры. Этот период, ознаменовавшийся важнейшими научными открытиями, небывалым расцветом искусств и колоссальным мировоззренческим переворотом, вошел в историю как *эпоха Возрождения*, или *Ренессанс* (франц. *Renaissance* — Возрождение).

Комментарий профессора Архивайкина

Что же «возрождалось» в эпоху Возрождения? Прямой ответ на этот вопрос выглядит довольно просто: *интерес к античной культуре*. Однако без дополнительных уточнений он, в сущности, мало что объясняет, ибо остается непонятным, о каком «пробуждении» интереса к античности идет речь и каким образом это пробуждение вызвало столь мощный всплеск в культурной жизни Европы. Для того чтобы сделать подобные уточнения, нам необходимо совершить небольшой экскурс в глубь истории — в период Средневековья, непосредственно предшествовавший Ренессансу.

Этот период, начавшийся после падения Римской империи и охвативший целое тысячелетие, проходил под знаком господства христианской культуры. Она утвердила свою систему ценностей, согласно которой центральное место в мироздании отводилось Богу, предназначение человека усматривалось в служении Господу, а земной мир вместе с его утехами объявлялся греховным. Понятно, что такие представления были враждебны духу античной культуры, пронизанному культом красоты человеческого тела, вкусом к земным наслаждениям, оценками человека как главной «меры всех вещей». Поэтому в период Средневековья наследие античности в значительной степени было предано забвению. И когда в XIV в. ученые мужи заговорили о необходимости обращения к образцам искусства древних греков и римлян, это было воспринято не просто как возвращение к отринутым ценностям античной культуры, а как знамение Нового времени.

Действительно, возрождение интереса к античной классике положило начало духовному обновлению европейской культуры, вследствие которого человек был провозглашен «венцом творения Вселенной», а свойственное ему стремление к *счастью* и *гармонии* было осознано как *главная цель жизни*. Отныне за человеком признавалось право на внутреннюю свободу, на осуществление «земных» желаний, на наслаждение миром, в котором ему суждено провести годы своей жизни. Отныне и мир этот воспринимался уже не как призрачное нагромождение греховных соблазнов, а как прекрасное, еще во многом не познанное и еще далеко не совершенное, но достойное познания и любви обиталище. Желание его познать воодушевляло многочисленные экспедиции, одна из которых завершилась открытием Нового Света — Америки. Тем же желанием вдохновлялись и попытки проникнуть в тайны космоса, увенчавшиеся разрушением старых представлений о Земле как о неподвижном центре мироздания. Вот почему Ренессанс называют *эпохой открытия мира и человека*. ●

Сандро Боттичелли. Рождение Венеры

Родиной эпохи Возрождения была Италия. Именно отсюда прозвучали первые призывы вернуться к античному наследию. Здесь страстные поклонники этой идеи — философы, филологи, историки — положили начало духовному движению, получившему название «гуманизм» (от лат. *humanus* — человеческий). Собственно говоря, сами ученые-гуманисты полагали, что задача возрождения античности заключается в изучении и распространении знаний языков, литературы, искусства и философии древних классиков. Поэтому слово «гуманизм» служило для них обозначением «не богословского», «светского» (и в этом смысле «человеческого») характера ученых занятий. Однако, двигаясь по пути, проторенному первыми учеными-гуманистами, ренессансные писатели, художники и мыслители своим творчеством утвердили иное, широкое понимание гуманизма как *принципа человечности, основанного на уважении прав и свобод личности*. Именно в этом значении слово «гуманизм» стало знаменем Ренессанса и всей европейской культуры*.

«Открытие мира и человека» происходило и в художественной литературе эпохи Возрождения. Писатели и поэты повернулись лицом к реальности. В своих произведениях они стали воссоздавать многокрасочный земной мир — сутолоку городских улиц, пестроту народной жизни, красоту природы, предметы быта. Но главное — в литературу пришел реальный, тесно связанный с окружающим миром и полный земных желаний человек.

* Сегодня это слово в основном употребляется в широком значении: называя кого-либо «гуманистом», обычно имеют в виду не любителя античной древности, а защитника прав, свобод и достоинства человека.

Человеческая природа во всем многообразии ее физических и духовных свойств, во всей полноте ее естественных проявлений, во всей ее индивидуальной неповторимости — вот что интересовало писателей Возрождения. Изумленный возглас созданного в ту эпоху героя «Что за мастерское создание — человек!..» может служить лозунгом всей ренессансной литературы. Отстаивая ценность личности, художники и мыслители раскрывали величие и красоту человека, вставали на защиту его достоинства, его свободного от каких-либо общественных условностей развития, его естественного стремления к земному счастью. *Утверждение ценности личности* стало одним из важнейших гуманистических завоеваний литературы Возрождения.

Часто в произведениях ренессансных писателей душевные качества человека, его благородные порывы и низкие чувства приобретали огромный, поистине *титанический масштаб*. Поэтому сюжеты литературы Возрождения на удивление богаты героическими поступками и страшными злодеяниями. По той же причине некоторые из ее персонажей превратились в предельно обобщенные символические обозначения духовного поиска человечества. К таким героям-символам принадлежат, в частности, Гамлет, одержимый жаждой справедливости, Дон Кихот, одержимый идеей утверждения добра, Ромео и Джульетта, одержимые духом самоотверженной любви... Эти и подобные им персонажи стали вечными спутниками человечества.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какой период европейской истории получил название «эпоха Возрождения»? Объясните происхождение этого названия. Укажите его второй (французский) вариант.
2. Как изменились представления человека о себе и о мире в эпоху Возрождения?
3. Кем были первые итальянские гуманисты Ренессанса? Что применительно к ним означало слово «гуманизм»? Какой широкий смысл это слово приобрело в творчестве мастеров искусства эпохи Возрождения?
4. Что нового привнес Ренессанс в художественную литературу?
5. Назовите героев ренессансной литературы, которые считаются символами духовных поисков человечества.

Работа в парах. Рассмотрите помещенную на странице 49 репродукцию картины «Рождение Венеры» итальянского художника эпохи Возрождения Сандро Боттичелли. Как вы думаете, почему эта картина стала своеобразным символом европейского Ренессанса?

Глава 2

«О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР!»

Вспомните, что представляет собой драматический литературный род. Чем он отличается от лирического и эпического родов?

Эпоха Возрождения породила целую плеяду гениальных ученых, мыслителей, художников, скульпторов, мастеров слова. К их числу относится английский поэт и драматург Уильям Шекспир.

Один из современников Шекспира назвал его «душой эпохи». Спустя два столетия равновеликий Шекспиру писатель Гете заявил, что по прочтении первого же шекспировского произведения он почувствовал себя, «как слепорожденный, которому чудотворная рука вдруг даровала зрение». И сегодня, когда со дня смерти английского драматурга минуло более четырех столетий, лучшие режиссеры с трепетом берутся за постановки его пьес, а лучшие актеры почитают для себя высшей честью и наградой участвовать в этих постановках. Творчество Шекспира тщательно исследовано в сотнях книг и статей, из которых можно было бы составить обширную библиотеку. Но при этом точно установленных фактов его биографии собрано так мало, что они могут поместиться на одной странице.

*Уильям Шекспир
(1564–1616)*

Уильям Шекспир появился на свет 23 апреля 1564 г., в городке Стрэтфорде-на-Эвоне. Он был сыном уважаемого в городе зажиточного перчаточника, несколько раз избиравшегося на почетные должности, в том числе — и на должность мэра. Уильям посещал местную «грамматическую» школу, в которой преподавались классические языки.

В шестнадцать лет юноша бросил учебу и какое-то время, очевидно, помогал отцу вести дела. В восемнадцать лет он женился на некоей Энн Хэтеуэй, которая была на восемь лет его старше, а в двадцать один год в сопровождении младшего брата отправился на поиски удачи в Лондон. Там, по предположению биографов, Шекспир какое-то время проработал в театре суфлером или помощником режиссера, а затем в 1593 г. поступил в труппу, возглавляемую Джемсом Бербедежем. Это был самый популярный в тогдашнем Лондоне коллектив, славившийся своими комическими актерами и яркими импровизациями. Шекспир не только сочинял для этого театра пьесы, но и исполнял роли в спектаклях. Недюжинным актерским талантом он, по всей видимости, похвастать не мог, но драмы его имели большой успех. С 1599 г. пьесы Шекспира постоянно ставились на сцене театра «Глобус». Сын руководителя труппы, знаменитый актер Ричард Бербедеж, исполнял главные роли во многих шекспировских драмах.

За период службы в театре Шекспир приобрел широкую известность и разбогател. Он стал совладельцем театра «Глобус», обзавелся недвижимостью в Лондоне и в Стрэтфорде-на-Эвоне. В 1613 г. драматург перебрался в родной город, бросив и театр, и сочинительство. Последние три года его жизни прошли в кругу семьи. Он умер в 1616 г., по преданию, — в день своего рождения.

Скудость достоверных сведений, некоторые «странности» творческой биографии, множество слухов, домыслов и легенд, наконец, титанический масштаб литературного дарования — все это создавало ореол таинственности вокруг фигуры Шекспира. Сразу же после его смерти возник вопрос о том, действительно ли актер из Стрэтфорда, называвшийся Уильямом

Шекспиром, был автором известных во всей Англии пьес или же их, прикрываясь именем актера, сочинял кто-то другой — более образованный, более заметный в обществе, иными словами, — более «подходящий» на роль гениального художника слова. Так было положено начало многовековому спору, в ходе которого нашлись десятки претендентов на лавры Шекспира. Эти поиски, периодически взрывающиеся очередной «сенсацией», продолжаются по сей день. Однако среди большинства серьезных исследователей наиболее вероятной признана версия, согласно которой сын зажиточного перчаточника из Стрэтфорда и знаменитый сочинитель были одним и тем же лицом. Да и, в конечном счете, знакомство с шекспировскими произведениями, бесспорно, является куда более захватывающим занятием, нежели дискуссия о том, кто бы мог их написать.

В своих пьесах Шекспир предстает поразительным по проницательности знатоком человеческой природы. «Что может быть большей природой, чем люди Шекспира!» — восклицал Гете. В самом деле, его драмы, живописующие мир страстей и мыслей, охватывают всю человеческую природу — от самых светлых до самых темных ее проявлений. Широте этой палитры соответствуют три основных драматических жанра, с которыми работал Шекспир, — *комедия, трагедия и драма*.

ЛИТЕРАТУРОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЗАКЛАДКА

Трагедия — драматический жанр, изображающий трагическое, исполненное острых противоречий столкновение героя с окружающим миром. Герой трагедии — незаурядный, сильный и волевой человек, который, попадая в роковое стечение обстоятельств, ведет борьбу с препятствиями, обрекающими его на гибель.

Комедия — драматический жанр, имеющий своей целью высмеивание душевных изъянов и поступков героев, ситуаций, в которые они попадают, негативных явлений социальной жизни. Комедия строится на разнообразных несоответствиях — между реальным героем и его обманчивым представлением о самом себе, между низкими поступками персонажей и высоким предназначением человека и т.д. Главным незримым «лицом» комедии выступает смех.

Драма (в узком смысле) — драматический жанр, который, подобно комедии, показывает частную жизнь обыкновенных людей, но имеет своей целью не осмеяние ее смешных сторон, а изображение сложных человеческих отношений. Эти отношения характеризуются меньшим, чем в трагедии, напряжением и нередко увенчиваются благополучным финалом.

Шекспир мастерски владел всеми этими драматическими жанрами. Из-под его пера выходили и искрометные, полные заразительного смеха комедии («Сон в летнюю ночь», «Виндзорские насмешницы», «Укрощение строптивой» и др.), и кровавые, полные гибельных страстей трагедии («Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Король Лир» и др.), и мягкие, полные

причудливых мечтаний драмы-сказки («Зимняя сказка», «Буря»). Но есть у Шекспира произведение, которое занимает особое место в его драматургическом наследии. Это — пьеса «Ромео и Джульетта», нежным цветком выросшая между глыбами шекспировских трагедий и комедий.

Изображенная в ней история прекрасной любви и трагической гибели двух юных существ не была придумана самим Шекспиром (чаще всего он использовал в своих пьесах чужие сюжеты). Впервые ее рассказал в одной из своих новелл итальянский писатель XIV в. Мазуччо Салернский. С его легкой руки сюжет отправился странствовать от одного автора к другому. Изменялись имена его героев и места событий, появлялись новые подробности. Так сюжет о двух влюбленных приобрел широкую популярность в ренессансной Италии. Оттуда он перебрался в Англию, где Артур Брук сделал его вольное поэтическое переложение. Оно-то, скорее всего, и послужило основным источником сюжета шекспировской пьесы «Ромео и Джульетта». Однако английский драматург придал старинному рассказу столь поэтичное звучание, что история о неотвратимой гибели влюбленных превратилась в песнь торжествующей любви, а сама пьеса — в «оптимистическую* трагедию», проникнутую жизнеутверждающим мироощущением расцветающей ренессансной личности. Глубоко символичным является то, что действие этой самой светлой, по мнению литературных критиков, трагедии Шекспира разворачивается в Италии — стране, ставшей родиной эпохи Возрождения и колыбелью заветных надежд ренессансного человека.

Сцена из балета
«Ромео и Джульетта»

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите известные вам факты из жизни У. Шекспира. Что вызвало многолетние споры вокруг его имени?
2. Перечислите основные драматические жанры, с которыми работал Шекспир. Охарактеризуйте каждый из них.
3. Чем пьеса «Ромео и Джульетта» отличается от остальных шекспировских трагедий? Что послужило источником ее сюжета? А что нового привнес в этот сюжет Шекспир?

Перед чтением. Читая помещенные ниже отрывки из трагедии «Ромео и Джульетта», подумайте над тем, что отличает любовь главных героев от обычного чувства влюбленности.

* Оптимистический — от *оптимизм*: бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее, склонность во всем видеть хорошую, светлую сторону.

Ромео и Джульетта

(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, герцог Веронский.

Парис, молодой дворянин, родственник герцога.

Монтекки } главы двух враждебных домов.
Капулетти }

Старик, родственник Капулетти.

Ромео, сын Монтекки.

Меркуцио, родственник герцога и друг Ромео.

Бенволио, племянник Монтекки и друг Ромео.

Тибальт, племянник синьоры Капулетти.

Брат Лоренцо } францисканские монахи.
Брат Джовани }

Бальтазар, слуга Ромео.

Самсон } слуги Капулетти.
Грегори }

Пьетро, слуга кормилицы Джульетты.

Абрам, слуга Монтекки.

Аптекарь.

Три музыканта.

Паж Меркуцио.

Паж Париса.

Пристав.

Синьора Монтекки, жена Монтекки.

Синьора Капулетти, жена Капулетти.

Джульетта, дочь Капулетти.

Кормилица Джульетты.

Горожане Вероны, родственники обоих домов, мужчины и женщины, маски, стража, часовые и слуги.

Хор.

Место действия — Верона и Мантуя.

(...) Акт I

● Вот уже много лет два старинных веронских рода — Монтекки и Капулетти — охвачены бессмысленной и непримиримой враждой.

В начале драмы изображается очередная уличная ссора, вспыхнувшая между представителями враждующих домов и только благодаря вмешательству герцога не закончившаяся кровопролитием. На этот раз в столкновении не принимал участия сын Монтекки Ромео: тайно и безответно влюбленный в некую Розалину, он предавался печальным размышлениям в лесной глуши.

В этот день в доме Капулетти шли приготовления к большому празднику. Глава семьи вручил слуге список гостей, которых следовало пригласить, однако тот был неграмотным и потому не мог выполнить поручение своего господина. Встретив на улице проходивших мимо Ромео и Бенволио, слуга обратился к ним с просьбой о помощи. Ромео любезно согласился прочесть список. Увидев там имя своей воз-

любленной Розалины, он решил во что бы то ни стало попасть на праздник, устроенный Капулетти.

Вечером Ромео в сопровождении Меркуцио и Бенволио проник в дом врага. Чтобы остаться неузнанными, непрощенные гости скрыли лица под масками. Празднество было в самом разгаре, когда взгляд Ромео приковала к себе прекрасная юная незнакомка. Это была Джульетта. ●

Сцена 5

Зал в доме Капулетти.

(...) Ромео

Она затмила факелов лучи!
Сияет красота ее в ночи,
Как в ухе мавра жемчуг несравненный.
Редчайший дар, для мира слишком ценный!
Как белый голубь в стае воронья —
Среди подруг красавица моя.
Как кончат танец, улучу мгновенье —
Коснусь ее руки в благоговенье.
И я любил? Нет, отрекайся взор:
Я красоты не видел до сих пор!

Тибальт

Как, этот голос! Среди нас — Монтекки!
Эй, паж, мой меч! Как! Негодяй посмел
Сюда явиться под прикрытьем маски,
Чтобы над нашим празднеством глумиться?
О нет, клянусь я честью предков всех,
Убить его я не сочту за грех! (...)

Капулетти

Друг, успокойся и оставь его.
Себя он держит истым дворянином;
Сказать по правде — вся Верона хвалит
Его за добродетель и учтивость.
Не дам его здесь в доме оскорблять я.
Не обращай вниманья на него.
Когда мою ты волю уважаешь,
Прими спокойный вид, брось хмурить брови:
На празднике так неуместна злость.

Тибальт

Она уместна, коль нам мерзок гость.
Я не стерплю его!

Капулетти

Ого! Не стерпишь?
Отлично стерпишь — слышишь ты, мальчишка?

Я здесь хозяин или ты? Ступай!
Не стерпит он! А? Бог меня прости!
Ты средь моих гостей заводишь смуту.
Ишь, вздумал петушиться! Я тебя! (...)

Ромео

(Джульетте)

Когда рукою недостойной грубо
Я осквернил святой алтарь — прости.
Как два смиренных пилигрима, губы
Лобзаньем смогут след греха смести.

Джульетта

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.
Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукой своей.

Ромео

Даны ль уста святым и пилигримам?

Джульетта

Да, — для молитвы, добрый пилигрим.

Ромео

Святая! Так позволь устам моим
Прильнуть к твоим — не будь неумолима.

Джульетта

Не двигаясь, святые внемлют нам.

Ромео

Недвижно дай ответ моим мольбам.

(Целует ее.)

Твои уста с моих весь грех снимают.

Джульетта

Так приняли твой грех мои уста?

Ромео

Мой грех... О, твой упрек меня смущает!
Верни ж мой грех.

Джульетта

Вина с тебя снята. (...)

● В конце праздника герои с ужасом открывают правду: каждый из них влюблен в человека, являющегося смертельным врагом его семьи. Но каждый из них чувствует, что его любовь во сто крат сильнее ненависти родителей. ●

Акт II

(...) Сцена 2

● Не в силах расстаться с Джульеттой, Ромео остался в саду Капулетти. В это время Джульетта, не подозревая, что в саду кто-то находится, вышла на балкон. Ромео стал невольным свидетелем ее сердечных тайн. ●

(...) Джульетта

Ромео!

Ромео, о зачем же ты Ромео!
Покинь отца и отрекись навеки
От имени родного, а не хочешь —
Так поклянись, что любишь ты меня, —
И больше я не буду Капулетти.

Ромео

Ждать мне еще иль сразу ей ответить?

Джульетта

Одно ведь имя лишь твое — мне враг,
А ты — ведь это ты, а не Монтекки.
Монтекки — что такое это значит?
Ведь это не рука, и не нога,
И не лицо твое, и не любая
Часть тела. О, возьми другое имя!
Что в имени? То, что зовем мы розой, —
И под другим названьем сохраняло б
Свой сладкий запах! Так, когда Ромео
Не звался бы Ромео, он хранил бы
Все милые достоинства свои
Без имени. Так сбрось же это имя!
Оно ведь даже и не часть тебя.
Взамен его меня возьми ты всю!

Ромео

Ловлю тебя на слове: назови
Меня любовью — вновь меня окрестишь,
И с той поры не буду я Ромео. (...)

Джульетта

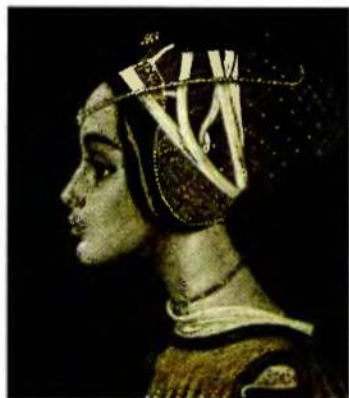
Мой слух еще и сотни слов твоих
Не уловил, а я узнала голос:
Ведь ты Ромео? Правда? Ты Монтекки?

Ромео

Не то и не другое, о святая,
Когда тебе не нравятся они.

С. Бродский. Ромео

С. Бродский. Джульетта

Джульетта

Как ты попал сюда? Скажи, зачем?
Ведь стены высоки и неприступны.
Смерть ждет тебя, когда хоть кто-нибудь
Тебя здесь встретит из моих родных.

Ромео

Я перенесся на крылѣх любви:
Ей не преграда — каменные стены.
Любовь на всё дерзает, что возможно,
И не помеха мне твои родные.

Джульетта

Но, встретив здесь, они тебя убьют.

Ромео

В твоих глазах страшнее мне опасность,
Чем в двадцати мечах. Взгляни лишь нежно —
И перед их враждой я устою. (...)

Джульетта

Мое лицо под маской ночи скрыто,
Но всё оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью.
Хотела б я приличья соблюсти,
От слов своих хотела б отказаться,
Хотела бы... но нет, прочь лицемерье!
Меня ты любишь? Знаю, скажешь: «Да».
Тебе я верю. Но, хоть и поклявшись,
Ты можешь обмануть: ведь сам Юпитер
Над клятвами любовников смеется.
О милый мой Ромео, если любишь —
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня, —
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет»,
Чтоб ты молил. Иначе — ни за что!
Да, мой Монтекки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг, — и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет. (...)

Ромео

Клянусь тебе священной луной,
Что серебрят цветущие деревья...

Джульетта

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто,
Чтоб и твоя любовь не изменилась.

Ромео

Так чем поклясться?

Джульетта

Вовсе не клянись;

Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой — души моей кумиром, —
И я поверю.

Ромео

Если чувство сердца...

Джульетта

Нет, не клянись! Хоть радость ты моя,
Но сговор наш ночной мне не на радость.
Он слишком скор, внезапен, необдуман —
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
Вдыханье теплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!
В своей душе покой и мир найди,
Какой сейчас царит в моей груди. (...)

● Расставаясь, Ромео и Джульетта решили как можно скорее обвенчаться, — разумеется, втайне от своих родных. Вечером следующего дня монах брат Лоренцо совершил над ними обряд венчания. Счастье влюбленных было безгранично. Но совсем скоро его омрачили страшные события. ●

Акт III

● На площади Вероны произошло новое столкновение между представителями домов Монтекки и Капулетти. Его зачинщиком стал Тибальт. Он всячески старался вовлечь в конфликт и Ромео, но тот упорно уклонялся, повторяя, что отныне в его душе вместо ненависти поселилась любовь к роду Капулетти. Тогда Тибальт вступил в поединок с Меркуцио. Юный Монтекки попытался было разнять дерущихся, но из-под его руки Тибальт нанес смертельный удар своему противнику. Потрясенный смертью Меркуцио, невольным виновником которой он стал, Ромео бросился в бой, завершившийся гибелью Тибальта. В полном смятении чувств герой бежал с места кровопролития, куда стали стекаться растревоженные шумом горожане. Прибыл на площадь и герцог. Расспросив очевидцев о деталях произошедшего, он приговорил Ромео к изгнанию из Вероны.

Известие о гибели Тибальта и наказании Ромео достигло Джульетты. ●

(...) Сцена 2

Сад Капулетти.

(...) Джульетта

Мне ль осуждать супруга моего?
О бедный мой, кто ж пощадит тебя,

Коль я, твоя жена трехчасовая,
Не пощадила? Но зачем, злодей,
Убил ты брата моего? Но брат ведь
Злодейски б моего убил супруга!
Прочь, слезы глупые, вернитесь снова
В источник свой. Дань скорби — капли ваши;
Вы ж их, ошибкой, радости несете.
Супруг мой жив; Тибальт его убил бы;
Тибальт убит — иль стал бы сам убийцей.
Вот утешенье! Так чего ж я плачу?
Но слово есть страшней, чем смерть Тибальта, —
Оно меня убило. Я б хотела
Его забыть, но скована им память,
Как злодеяньем грешная душа.
Тибальт убит, Ромео же — в изгнание!
В изгнание! Слово лишь одно «изгнание»
Убило сразу десять тысяч братьев.
Тибальт убит — и так довольно горя.
Когда бы этим кончилось одним!
Но если горю нужно соучастье
И горестей сообщество других —
Зачем во след за этими словами:
«Тибальт убит» — не услышала я,
«Отец» иль «мать скончалась», или «оба»?
Оплакала б я их, как подобает.
Но в заключение гибели Тибальта —
Изгнание Ромео! Это значит,
Что все убиты: мать, отец, Тибальт,
Ромео и Джульетта — все погибли!
Изгнание Ромео! Нет границ,
Пределов, меры смерти в этом звуке!
Не высказать словами силу муки.
Но где ж отец, где мать?

Кормилица

Тибальта прах

Оплакивают в горе и в слезах.
Пойдешь туда? Я провожу тебя.

Джульетта

Пусть слезы их омоют рану.
Я плакать об одном Ромео стану!
Возьми отсюда лестницу скорей.
О бедная! Обмануты мы с ней.
Ромео изгнан! Ты ко мне на ложе
Должна была служить путем — и что же?
Теперь умру я девушкой-вдовой.
Возьму тебя, в покой пойду я свой.

Идем ко мне, и не супругу там,
А смерти девственность свою отдам. (...)

● Узнав о своем изгнании из Вероны, Ромео впал в отчаяние. Мысль о разлуке с Джульеттой казалась ему невыносимой. Он хотел было свести счеты с жизнью, но брат Лоренцо его остановил. ●

Консультация профессора Филологова

Некоторые особенности построения драмы. Как вы знаете, термином «драма» (или «пьеса») обозначаются произведения, предназначенные для постановки на сцене (хотя, надо заметить, существуют также пьесы для чтения). Драма находится на перекрестке двух искусств — словесного и театрального — и имеет ряд своих особенностей. Их следует иметь в виду при чтении (или театральном просмотре) драматического произведения.

В отличие от эпоса, *изображающего* события и персонажей, а также от лирики, *выражающей* душевное состояние автора, драма основана на *действии* (слово «драма» так и переводится с древнегреческого языка: «действие»). Именно посредством развития действия в пьесе раскрывается мир человеческих отношений и чувств. А главным двигателем этого развития выступает *конфликт*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Конфликт (от лат. *conflictus* — столкновение) — столкновение и противоборство действующих сил. Такое столкновение в художественном произведении может происходить между разными качествами характера — то есть в душе героя; между несколькими героями или их группами; между героем и препятствующими ему обстоятельствами и т.д. Для драмы характерен особенно острый конфликт, требующий стремительного развития сюжета и затрагивающий вопросы общечеловеческого значения.

Текст драмы разбит на части, называемые *актами* (или *действиями*), а они, в свою очередь, делятся на *явления* (или *сцены*, а также *картины*).

Поскольку пьеса предназначена для постановки на сцене, драматург лишен многих возможностей, которыми располагает прозаик и лирик. Он, например, не может передать настроение героя с помощью пейзажа («природу» в драме «рисует» художник, разрабатывающий декорации) или описать, как чувства героя отражаются в его поведении (это делает на сцене актер). Единственным средством для подобных комментариев для него являются *ремарки*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Ремарка — сжатый авторский комментарий в пьесе, который указывает на жесты и интонации героев, декорации и другие обстоятельства изображаемых на сцене событий.

Так как драма не оставляет возможности для описаний, главным инструментом художественного изображения в ней становится речь героев — диалоги, монологи и реплики.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Диалог (от греч. *dialogos* — разговор, беседа) — разговор нескольких персонажей, во время которого раскрываются их чувства, мысли и намерения.

Монолог (от греч. *monos* — один, и *logos* — слово) — распространенное высказывание одного героя, которое не предполагает незамедлительного ответа.

Реплика — короткое высказывание персонажа драматического произведения. Реплики подразделяются на два вида:

- 1) реплики, являющиеся частью диалогов и, следовательно, обращенные к его участникам;
- 2) реплики, произносимые «в сторону», для зрителя — так, будто бы действующие лица их не слышат.

Сколь бы убедительной ни была игра актеров, во время спектакля зритель все же осознает, что изображаемое на сцене — это всего лишь спектакль, а не «фрагмент» настоящей жизни. Иначе говоря, он воспринимает происходящее в пьесе не как реальность, а как *условность*. Условность — один из основных принципов драмы. В чем же она конкретно проявляется?

Во-первых, условно *время* сюжета драмы: оно протекает гораздо быстрее, чем в жизни. Так, описываемые в пьесе события могут растягиваться на дни, месяцы и даже годы, но при этом в спектакле они укладываются в несколько часов.

Во-вторых, условно *пространство*, в котором разворачивается драматический сюжет. Рассматривая декорации, — скажем, нарисованную на картоне скалу или стену комнаты, — зритель понимает, что они являются лишь условными обозначениями места действия.

В-третьих, условны некоторые *особенности поведения героев*, например те же реплики, сказанные «в сторону». ●

● Перед отъездом из Вероны Ромео, рискуя жизнью, попрощался с Джульеттой. Тем временем над влюбленными нависла новая угроза: видя скорбь Джульетты, отец решил больше не откладывать ее замужество с Парисом и сыграть свадьбу через три дня. Девушка ответила решительным отказом. Тогда разгневанный отец приказал ей немедленно готовиться к венчанию. Джульетта бросилась за советом к брату Лоренцо. Искренне желая помочь, монах предложил девушке неожиданный план действий... ●

Акт IV

Сцена 1

Келья брата Лоренцо.

(...) Брат Лоренцо

Так вот: иди домой; будь весела
И дай согласие стать женой Париса.

А завтра, в среду, постарайся на ночь
Одна остаться: в эту ночь пускай
Кормилица с тобою не ночует.
Возьми вот эту склянку — и в постели
Ты выпей всё до капли; и мгновенно
По жилам разольются у тебя
Дремотный холод и оцепененье,
Биенье пульса сразу прекратится,
Ни теплота, ни вздох не обличат,
Что ты жива, и розы на ланитах
И на устах подернет бледность пепла;
И окна глаз закроются, как будто
От света жизни смерть их заградила;
Все члены, лишены упругой силы,
Застынут, станут мертвенно-недвижны;
И вот в таком подобье страшной смерти
Ты ровно сорок два часа пробудешь,
Чтобы потом проснуться, как от сна.
Итак, когда жених придет поутру,
Чтоб разбудить тебя, ты будешь мертвой.
Тогда тебя, как наш велит обычай,
В наряде брачном и в гробу открытом
Перенесут в старинный склеп фамильный,
Приют последний рода Капулетти.
Я обо всем дам знать письмом Ромео,
Он явится, — с ним вместе ждать мы будем,
Пока проснешься ты, и в ту же ночь
Ромео в Мантую с тобой уедет.
Так спасена ты будешь от позора,
Коль нерешительность и женский страх
Тебе не помешают в смелом деле.

Джульетта

О, дай мне, дай! Не говори о страхе!

Брат Лоренцо

Возьми, ступай. Будь твердой и отважной
В решение этом. Тотчас же пошлю
Я в Мантую Ромео донесенье.

Джульетта

Любовь, дай сил! Они ж дадут спасенье.
Прости, отец мой!

Уходят. (...)

● После посещения брата Лоренцо Джульетта вернулась домой успокоенной и кроткой, чем весьма обрадовала отца. В доме Капулетти начались приготовления к свадебному пиру. Ночью, пред тем как лечь спать, Джульетта должна была выпить чудодейственное снотворное, которое дал ей монах. ●

Сцена 3

Комната Джульетты. (...)

Джульетта

(...) Что если не подействует напиток?
Ужель придется утром мне венчаться?
Нет! Это помешает. Здесь лежи.

(Кладет рядом с собой кинжал.)

А если яд монах мне дал коварно,
Чтобы убить меня, боясь бесчестья,
Когда б открылось, что меня с Ромео
Уж обвенчал он раньше, чем с Парисом?
Боюсь, что так... Но нет, не может быть:
Известен он своей святою жизнью!
Не допущу такой недоброй мысли.
А если... если вдруг в моем гробу
Очнусь я раньше, чем придет Ромео
Освободить меня? Вот это — страшно!
Тогда могу я задохнуться в склепе,
В чью пасть не проникает чистый воздух,
И до его прихода умереть!
А коль жива останусь — лишь представить
Ужасную картину: смерть и ночь,
Могильный склеп, пугающее место,
Приют, где сотни лет слагают кости
Всех наших предков, где лежит Тибальт
И в саване гниет, где, говорят,
В известный час выходят привиденья...
Что если слишком рано я проснусь?
О Боже мой! Воображаю живо:
Крутом — ужасный смрад, глухие стоны,
Похожие на стоны мандрагоры¹,
Когда ее с корнями вырывают, —
Тот звук ввергает смертного в безумье...
Что если я от ужаса, проснувшись,
Сойду с ума во тьме и буду дико
Играть костями предков погребенных,
И вырву я из савана Тибальта,
И в иступлении прадедовской костью,
Как палицей, свой череп разможжу?
Мой Бог! Тибальта призрак здесь — он ждет
Ромео, поразившего его

¹ Существовало мнение, что корень мандрагоры (растение, встречающееся в южных странах) имеет сходство с фигурой человека. Отсюда произошло суеверное представление, что корень мандрагоры обладает и некоторыми человеческими свойствами: например, когда его вырывают, он будто бы испускает стоны.

Своим мечом... Стой, стой, Тибальт! — Ромео,
Иду к тебе! Пью — за тебя!

(Выпивает содержимое склянки и падает на постель.) (...)

- Рассчет брата Лоренцо оправдался: утром следующего дня родные решили, что Джульетта умерла. В доме Капулетти был объявлен траур. ●

Акт V

- Отправленное братом Лоренцо письмо до Ромео не дошло. Вместо него юноша получил известие о смерти Джульетты. Жизнь потеряла для него смысл. Раздобыв яду, Ромео выехал в Верону, чтобы принять смерть рядом с возлюбленной.

Узнав о том, что его послание не попало в руки Ромео, брат Лоренцо поспешил на кладбище, надеясь помочь Джульетте выбраться из склепа. Тем временем в усыпальницу Капулетти пришел тоскующий о Джульетте Парис со своим пажом. Через несколько минут на кладбище появился и Ромео в сопровождении Бальтазара. Запретив слуге следовать за ним, Ромео пробрался в склеп. Но тут на его пути неожиданно встал Парис. ●

Сцена 3

Кладбище, склеп Капулетти. (...)

(...) Парис

Как, это изгнанный гордец Монтекки!
Моей невесты брата он убил;
Она же, это нежное создание, —
Как слышал я, — от горя умерла.
Сюда пришел он, верно, надругаться
Над милым прахом. Я схвачу его!

(Выходит вперед.)

Брось твой преступный замысел, Монтекки!
Ужели месть живет и после смерти?
Ты осужден — тебя я арестую.
Иди за мной: ты должен умереть.

Ромео

Да, должен, и затем пришел сюда.
О милый юноша, не искушай
Отчаянья души моей — беги.
Оставь меня, подумай об умерших;
Пусть это устрасит тебя. Молю.
Не вовлекай меня ты в новый грех.
Тебя люблю я больше, чем себя:
Я лишь против себя вооружился.
Беги отсюда и скажи потом:
Он спас меня в безумии своем.

Парис

Я презираю все твои мольбы.
Злодей! Тебя на бой я вызываю.

Ромео

Ты хочешь драться? Берегись же, мальчик!

Они дерутся.

Паж

Мой Бог, дерутся! Побегу за стражей.

(Убегает.)

Парис

(падая)

О, я убит! Когда ты милосерден —
Вскрой склеп и положи меня с Джульеттой.

(Умирает.)

Ромео

Я обещаю. — Погляжу в лицо.
Как! Родственник Меркуцио! Граф Парис!
Что говорил слуга мой по дороге,
Когда его я слушал, не внимая?
Как будто был Парис — жених Джульетты, —
Сказал он так, иль это мне приснилось?
Иль, слушая о ней, в своем безумье
Вообразил я это? Дай же руку,
Товарищ мой, записанный со мною
В одной и той же книге злой судьбы!
Я схороню твой прах в могиле пышной.
В могиле? Нет, в чертоге лучезарном.
О юноша, ведь здесь лежит Джульетта,
И эти своды красота ее
В блестящий тронный зал преобразает. (...)

(Кладет Париса в склеп.)

О ты, любовь моя, моя супруга?
Смерть выпила мед твоего дыханья,
Но красотой твоей не овладела.
Ты не побеждена. Еще румянец
Красой уста и щеки озаряет,
И смерти зная бледное не веет. —
И ты, Тибальт, здесь в саване кровавом.
Что больше мог бы для тебя я сделать,
Чем этой же рукой, убившей юность
Твою, убить и твоего врага?
Прости мне, брат! О милая Джульетта!
Зачем ты так прекрасна? Можно думать,
Что смерть бесплотная в тебя влюбилась,
Что страшное чудовище здесь прячет
Во мраке, как любовницу, тебя!

Так лучше я останусь здесь с тобой:
Из этого дворца зловещей ночи
Я больше не уйду; здесь, здесь останусь,
С могильными червями, что отныне —
Прислужники твои. О, здесь себе
Найду покой, навеки нерушимый;
Страхну я иго несчастливых звезд
С моей усталой плоти! — Ну, взгляните —
В последний раз, глаза мои! Вы, руки,
В последний раз объятия раскройте!
А вы, мои уста, врата дыханья, —
Священным поцелуем закрепите
Союз бессрочный со скупой смертью!
Сюда, мой горький спутник, проводник
Зловещий мой, отчаянный мой кормчий!
Разбей о скалы мой усталый челн! —
Любовь моя, пью за тебя!

(Пьет.)

О честный
Аптекарь! Быстро действует твой яд.
Вот так я умираю с поцелуем.

(Умирает.) (...)

● В это время на кладбище появился брат Лоренцо. От укрывшегося там Бальтазара он узнал, что Ромео уже полчаса находится в склепе. С недобрым предчувствием монах вошел в усыпальницу Капулетти. ●

Брат Лоренцо

(входит в склеп)

Ромео — бледный как мертвец! Парис!
И весь в крови! Какой недобрый час
Виною этих роковых событий?

Джульетта просыпается.

Она пошевелилась.

Джульетта

Ах, отец мой!

Мой утешитель! Где же мой супруг?
Я помню всё, и где я быть должна.
И вот я здесь. Но где же мой Ромео?

Шум за сценой.

Брат Лоренцо

Шум слышу я. Уйдем же из гнезда
Заразы, смерти, тягостного сна.
Противиться нельзя нам высшей воле:
Надежды все разрушены. Идем!

У ног твоих лежит супруг твой, мертвый;
И с ним Парис. Идем, идем, я скрою
Тебя в обители святых монахинь.
Не спрашивай, бежим, уж близко стража.
Бежим, Джульетта, медлить мне нельзя.

Джульетта

Иди, или же. Здесь останусь я.

Брат Лоренцо уходит.

Что вижу я! В руке Ромео склянка!
Так яд принес безвременную смерть.
О жадный! Выпил всё и не оставил
Ни капли милосердной мне на помощь!
Тебя я прямо в губы поцелую.
Быть может, яд на них еще остался, —
Он мне поможет умереть блаженно.

(Целует Ромео.)

Уста твои теплы.

Первый стражник

(за сценой)

Веди нас, мальчик.

Джульетта

Сюда идут? Я поспешу. Как кстати —
Кинжал Ромео!

(Хватает кинжал Ромео.)

Вот твои ножны!

(Закалывает себя.)

Останься в них и дай мне умереть.

(Падает на труп Ромео и умирает.) (...)

● Входит стража с пажом Париса, вслед за ними герцог, родители Джульетты и другие веронцы. ●

Герцог

Что за несчастье рано так случилось,
Чтобы смутить наш утренний покой? (...)

Капулетти

Что тут за шум и крики? Что случилось?

Синьора Капулетти

На улицах народ кричит: «Ромео!» —
«Джульетта!» — «Граф Парис!» — и все бегут
В ту сторону, где наш фамильный склеп.

Герцог

Какой здесь ужас нам смущает слух?

Первый стражник

Вот, государь; здесь граф лежит убитый,
Ромео мертвый и Джульетта рядом.
Покойница еще совсем тепла,
Она, как видно, только что убита.

Герцог

Немедленно ищите, разузнайте,
Как страшные убийства совершились!

Первый стражник

Вот здесь монах; а здесь — слуга Ромео,
При них нашли орудия для взлома.

Капулетти

О небеса! Взгляни, жена моя,
Как наша дочь здесь истекает кровью!
Кинжал ошибся! Вот его жилище.
Висит пустым на поясе Ромео,
А он попал в грудь дочери моей!

Синьора Капулетти

О, эта смерть, как погребальный звон,
Зовет меня в холодную могилу!

Входят Монтекки и другие.

Герцог

Сюда, Монтекки! Встал ты нынче рано,
Чтоб увидеть, как рано лег твой сын.

Монтекки

Сегодня в ночь жена моя скончалась —
О сыне грусть свела ее в могилу.
Какая скорбь еще мне угрожает
На склоне лет?

Герцог

Взгляни — и ты увидишь.

Монтекки

Мой сын! Зачем же ты забыл приличье
И ранее отца спешишь в могилу?

Герцог

Замкни уста отчаянною на время,
Пока не разъяснили мы событий —
Источник их, начало и конец. (...)

Герцог

(...) А где ж враги — Монтекки, Капулетти?
Вас бич небес за ненависть карает,
Лишив вас счастья силою любви!
А я за то, что ваш раздор терпел,
Утратою родных наказан также.

Капулетти

О брат Монтекки, дай свою мне руку.
Вот вдовья часть Джульетты: я другой
Просить не стану.

Монтекки

Дам тебе я больше:
Из золота ей статую воздвигну.
Пусть людям всем, пока стоит Верона,
Та статуя напоминает вновь
Джульетты бедной верность и любовь.

Капулетти

Ромео статую воздвигну рядом:
Ведь оба нашим сгублены разладом.

Герцог

Нам грустный мир приносит дня светило —
Лик прячет с горя в облаках густых.
Илем, рассудим обо всем, что было.
Одних — прощенье, кара ждет других.
Но нет печальной повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Уходят.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какой предстала Джульетта в глазах Ромео на празднике? Укажите в его речи сравнения, подчеркивающие красоту этой девушки. Почему, увидев Джульетту, юноша сразу забыл Розалину? О чем, по вашему мнению, свидетельствует такая перемена? А какое впечатление произвел на Джульетту Ромео? Прочитайте соответствующие строки.

2. Возникшее между этими героями чувство является классическим примером «любви с первого взгляда». Как оно изображается в пьесе Шекспира? Подберите для его характеристики наиболее точные, с вашей точки зрения, определения. Верите ли вы в то, что такая любовь существует?

3. Какие ценные рассуждения о любви содержатся в сцене разговора Ромео и Джульетты в ночном саду? Как в этой сцене раскрывается сила их любви? Почему девушка отказалась принять любовную клятву Ромео? Ответы на эти вопросы подкрепите цитатами.

4. Почему влюбленные добровольно пошли на смерть? Как вы оцениваете их отказ от жизни? Имела ли их гибель смысл? Изменила ли она что-либо в окружающем мире?

Работа в парах. Подготовьтесь к выразительному чтению любого понравившегося вам диалога героев пьесы.

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Найдите в тексте рассуждения Джульетты и Ромео о любви. Какие ложные представления об этом чувстве герои опровергают? А какие истинные его ценности они утверждают? Какие рассуждения персонажей вам особенно близки? А какие вы хотели бы опровергнуть? Выпишите наиболее понравившиеся вам цитаты о любви в тетрадь. Подготовьте краткое выступление на тему «В чем заключается “наука любви” Ромео и Джульетты?».

2. Что погубило героев пьесы: сила их любви, сила ненависти их семей, нелепый случай или, быть может, сама судьба?

Можно поспорить! Как, по вашему мнению, следует толковать гибель героев трагедии — как победу прекрасного чувства над темными силами жизни или, напротив, как его поражение в схватке с этими силами?

III. Учимся фантазировать

Что утратила бы шекспировская драма «Ромео и Джульетта», если бы она завершилась счастливым финалом?

IV. Филологический мастер-класс

1. Как вы думаете, почему сцена разговора Джульетты и Ромео в ночном саду считается одной из самых сильных страниц в мировой литературе?

2. Объясните на примерах из текста, почему пьесу «Ромео и Джульетта» называют «оптимистической трагедией».

Бессмертные Ромео и Джульетты в мировом искусстве

Столь трагично и столь рано погибшие в пьесе У. Шекспира Ромео и Джульетта вот уже несколько столетий продолжают жить в произведениях разных видов искусств — живописи, скульптуры, музыки, театра и кино. Вряд ли будет преувеличением сказать, что каждый день они снова и снова оживают в театральных постановках и балетных спектаклях, на кино- и телеэкранах, в выставочных и концертных залах. И с каждым таким «оживлением» герои Шекспира обретают новые лица и голоса, а вместе с ними — и новые оттенки своих чувств. Всевозрастающий интерес к шекспировской трагедии объясняется не только тем, что в ней изображена любовь редчайшей силы (а о такой любви мечтают, вероятно, многие), но и тем, что в ней запечатлены «вечные», не зависящие от времени и пространства ценности и истины.

Шекспировские герои на мировой сцене.
Одной из причин длительного сценического успеха драм Шекспира является их удиви-

Сцена из
спектакля «Ромео
и Джульетта».
Театр
Друри-Лейн,
Лондон. 1805 г.

тельная театральность. Многие зрители получали от шекспировских спектаклей самые яркие театральные впечатления в своей жизни. Многие актеры лучше всего раскрывали свои таланты при исполнении ролей в шекспировских пьесах. Многие создатели спектаклей достигали своих главных творческих вершин в процессе воплощения шекспировских замыслов в сценические образы.

Однако постановка пьес английского драматурга является делом столь же трудным, сколь и заманчивым. Каждый взявшийся за него режиссер сталкивается со сложными вопросами, связанными с разными традициями, подходами и возможностями толкования шекспировских драм.

Что, например, важнее: донести до зрителя дух изображенного в пьесе Шекспира времени или показать точки ее соприкосновения с современной эпохой?

В первом случае требуется по возможности точное воспроизведение деталей быта, жизненного уклада, поведения и привычек людей прошлого. Так, англичанин *Чарлз Кин* (XIX в.) перед постановкой какой-либо шекспировской пьесы изучал труды археологов и историков, проливающие свет на показанную в ней эпоху, а затем тщательно воспроизводил добытые сведения в декорациях и реквизите*. Стоит также упомянуть спектакль «Ромео и Джульетта», представленный в 1948 г. в Вероне: его действие разворачивалось прямо на городской площади, на фоне естественных уличных «декораций» и звуков ренессансного города — скрипа повозок, цокота лошадиных копыт, звона колоколов.

Во втором случае вполне допустимо произвольное обращение с историческим фоном пьесы с целью его приспособления к потребностям и веяниям современности — вплоть до переодевания персонажей в современные костюмы. В 1925 г. англичанин *Бэрри Джексон* представил публике постановку «Гамлета», в которой действовали герои, одетые по последней моде. С тех пор сложилась традиция «современивания» шекспировских произведений.

В решении вопроса о воссоздании духа времени в постановках пьес Шекспира можно пойти по пути

* Реквизит — совокупность настоящих или бутафорских предметов для театральной постановки.

Сцена из
спектакля «Ромео
и Джульетта».
Театр Олд-Вик.
Лондон, 1929 г.

«Ромео и
Джульетта».
Ромео — Иозеф
Кайнц.
Немецкий театр.
Берлин

максимального приближения представления к театральному зрелищу, некогда разворачивавшемуся на подмостках «Глобуса», и таким образом «воскресить» шекспировский театр. Так, англичанин *Уильям Поэл* в своих постановках пытался воспроизвести сценическую площадку, режиссуру, костюмы и даже особенности речи героев, характерные для представлений шекспировской труппы. А можно, исходя из обобщенного «всечеловеческого» характера шекспировских образов, вовсе освободить постановку от каких-либо примет конкретного времени, показать «вечный» смысл образов и ситуаций. Например, истолковать сюжет «Ромео и Джульетты» как историю, проявляющую трагическую обреченность любви в любом обществе, охваченном духом ненависти и вражды, или иллюстрирующую «вечный» конфликт родителей и детей.

Следующий вопрос: на чем следует поставить главный акцент в спектакле — на игре актера, исполняющего главную роль в шекспировской пьесе, или на задействованном в ней актерском ансамбле в целом?

Первый подход — выстраивание спектакля на игре актеров-«звезд» — имеет долгую традицию. Ее заложил еще выдающийся английский актер начала XIX в. *Эдмонд Кин*, которого в шекспировских драмах привлекали прежде всего образы титанических героев, наделенных могучими страстями. Воплощая эти образы на сцене, Кин использовал все богатство красок актерской палитры; общая же постановка пьесы при этом играла второстепенную роль. По отзыву одного из современников, смотреть на шекспировских героев в исполнении Кина было все равно, что «читать Шекспира при блеске молний».

Противоположный подход предусматривает продуманную до мелочей композицию спектакля и слаженную работу актерского ансамбля. Приверженец этого подхода немецкий режиссер *Людвиг Кронег* обстоятельно объяснял всей труппе характер пьесы и место каждого исполнителя в спектакле. Особое внимание он уделял массовым сценам, с помощью которых стремился показать на сцене многообразие человеческих характеров и нравов.

Наконец, возникает вопрос о том, кто, собственно, должен играть тех же Ромео и Джульетту. Молодые актеры, естественным образом излучаю-

Каких из вышеизложенных принципов вы бы придерживались, если бы в качестве режиссера взяли за постановку «Ромео и Джульетты»? Обоснуйте свой выбор.

щие на сцене энергию и мощь любовной страсти, или опытные исполнители, способные убедительно передать масштаб чувств этого героя? Скажем, знаменитая впоследствии актриса *Элеонора Дузе* сыграла роль Джульетты в день своего четырнадцатилетия, то есть в возрасте, почти точно соответствующем возрасту шекспировской героини, и ее игра вызвала настоящую бурю восторга в зале. А вот итальянский актер *Эрнесто Росси* отважился сыграть роль Ромео в шестьдесят лет, причем не стал прибегать к парикам и гриму. И что же? Благодаря безупречной актерской технике и мастерству речи он блестяще справился с этой задачей.

Как бы то ни было, с каждой талантливой постановкой образы Ромео и Джульетты поворачиваются к зрителю новыми гранями. В этом — залог их театрального бессмертия.

Ромео и Джульетта как герои кинолент.

Шекспировская драма о двух влюбленных оказалась весьма привлекательной и для кинорежиссеров. В течение XX в. на ее основе было снято несколько кинолент. При этом неоднократно предпринимались попытки осовременить содержание пьесы. Скажем, в фильме *Р. Уайза «Вестсайдская история»* (1961) вражда между домами Монтекки и Капулетти была представлена в виде войны двух манхэттенских банд; в ленте *А. Феррара «Китайская девушка»* (1987) шекспировский сюжет превратился в рассказ о запретной любви между девушкой из Китайского квартала и юношей из Маленькой Италии; а в экранизации *Б. Лурманна «Ромео + Джульетта»* (1996) участниками событий стали калифорнийские банды панков.

На сегодняшний день лидером экранных версий «Ромео и Джульетты» считается одноименный кинофильм, снятый *Франко Дзеффирелли* в 1968 г. В этой картине мастерски воссоздается атмосфера шекспировской трагедии.

Главные роли в ней сыграли шестнадцатилетняя англо-аргентинка *Оливия Хасси* и семнадцатилетний британец *Леонард Уайтинг*. Успеху картины способствовали костюмы, созданные *Данило Донати*: кормилица кажется на экране окутанной рудонами тяжелых тканей, а Меркуцио обмахивается носовым платком, который он использует также как знамя, маску и саван.

Кадр из кинофильма *Ф. Дзеффирелли «Ромео и Джульетта»*

Постарайтесь организовать коллективный просмотр кинофильма «Ромео и Джульетта» Ф. Дзеффирелли и обсудить его в классе.

Замысел фильма Ф. Дзеффирелли охарактеризовал следующим образом: «История Ромео и Джульетты, их трагедия, их любовь, красота их чувств, существует вне времени. Естественно, когда Шекспир рассказывает эту историю, он воссоздает и внешние приметы своей эпохи. Но сюжет сам по себе остается вечным... Конечно, когда мы собираемся ставить спектакль, то желательно придерживаться той эпохи, когда произведение было написано. Желательно, но не обязательно. Гораздо важнее понять, почему чувства героев до сих пор живы и волнуют зрителя...».

(По материалам сайта «Ромео и Джульетта»)

РЭВТОРЯЕТ И ОБОВЩДЕТ ИЗУЧЕННРЕ В ТРЕТЬЕМ РАЗДЕЛЕ

1. Почему Ренессанс называют эпохой «открытия мира и человека»?
2. Какая страна считается родиной европейского Ренессанса? Почему?
3. Чем прославился У. Шекспир?
4. Можно ли назвать любовь Ромео и Джульетты героической? Аргументируйте свою точку зрения.
5. Дайте определение следующим понятиям: конфликт, реплика, ремарка, монолог, диалог.

Работа в парах. Выполните следующие задания:

- А.** Укажите, какие идеи эпохи Возрождения отразились в драме «Ромео и Джульетта». Раскройте гуманистический смысл этого произведения.
- Б.** Существует устойчивое выражение: «шекспировские страсти». Опираясь на сюжет «Ромео и Джульетты», попытайтесь объяснить его значение.

УЧЕНРЕ-РАЗВРЕЧЕНРЕ

Групповая работа. Разбившись на три группы, выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Придумайте продолжение высказывания героя ренессансной литературы: «Что за мастерское создание — человек!..». Постарайтесь отразить в этом продолжении особенности представлений ренессансной эпохи.

Б. Подготовьте и проведите в классе дискуссию на одну из предложенных тем:

- «Может ли любовь защитить себя от ненависти? (По пьесе У. Шекспира «Ромео и Джульетта»)».
- «Разные подходы к театральным постановкам и экранизациям шекспировских драм: «за» и «против»».

В. Подготовьте инсценировку наиболее понравившейся вам сцены из «Ромео и Джульетты». Объясните, какими принципами вы руководствовались при ее разработке.

Творческое задание. Напишите сочинение-миниатюру на тему ««Но нет печальней повести на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»: мои размышления над пьесой У. Шекспира».

РАЗДЕЛ
ЧЕТВЕРТЫЙ

Из русской литературы
XIX века

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Назовите известных вам русских писателей и поэтов XIX в. Какие темы они освещали в своих произведениях?

В развитии литературы разных стран существуют эпохи, отмеченные необычайно мощным расцветом ее талантов. Для подобных периодов было придумано даже особое обозначение — «золотой век»*. Так, «золотым веком» английского театра считается драматургия Шекспира, а «золотым веком» персидской поэзии — средневековая лирика, к которой принадлежит, в частности, творчество Омара Хайяма. Есть свой «золотой век» и в русской литературе. Им по праву называется XIX столетие, породившее созвездие блестящих мастеров слова: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. Их художественное наследие является достоянием не только русской, но и мировой литературы. Каждый из этих писателей и поэтов был художником своеобразным, непохожим на других. И все-таки было в их творчестве нечто общее. Это нечто можно определить как мощный гуманистический пафос.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯТКА

Пафос (от греч. *pathos* — страдание, воодушевление, страсть) — яркое эмоциональное выражение главной мысли произведения. Известный русский критик В.Г. Белинский рассматривал пафос как «идею-страсть», которую художник «созерцает... не рассудком, не чувством... но всею полнотою и целостью своего нравственного бытия».

Разумеется, гуманистический пафос был свойствен литературам многих стран. Однако в русской литературе он приобрел особое звучание и особое значение. Провозглашенные эпохой Возрождения идеи гуманизма получили в ней глубокое нравственное и философское осмысление. Если ренессансные художники воспевали красоту земных радостей и величие человека как «венца творения Вселенной», то русские писатели «золотого века» прежде всего выступали со страстной проповедью сочувствия «маленькому человеку» и защиты «униженных и оскорбленных». Знаменитые пушкинские строки «И вечно буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал» могут служить девизом всей русской литературы XIX в. Эта литература в первую очередь выступала средством воспитания совести в обществе и нравственным руководством для каждого мыслящего человека. Ее отличие от европейских литератур украинский поэт И.Я. Франко

* Выражение «золотой век» позаимствовано из древнегреческого мифа, рассказывающего о том, что на заре истории человечество, еще не знавшее бед и страданий, жило гармоничной и счастливой жизнью. Этот период в мифе и назывался «золотым веком».

охарактеризовал следующим образом: «Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских писателей мучили нас, пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека...».

Важной составляющей гуманистического пафоса русской литературы была забота о всеобщем благе и прежде всего — о положении народа. И вот что удивительно: многие писатели, искренне выражавшие эту заботу, принадлежали к обеспеченным слоям общества и, в общем, вполне могли бы удовлетвориться существующим порядком вещей. Поэтому, поднимая вопросы о тяжелых условиях жизни народа и изменении несправедливых общественных законов, они действовали, по сути, вопреки своим личным интересам и тем самым проявляли настоящее духовное бескорыстие. Впрочем, эта черта была присуща не только писателям, но и всей передовой интеллигенции России, так что в данном случае литература не столько открывала новые ценности обществу, сколько выражала лучшие свойства тех, кого принято называть «цветом нации». Один из первых уроков бескорыстия преподнесло восстание декабристов, ставшее поворотным пунктом всей истории и культуры России XIX в. Его уникальность заключалась как раз в том, что против самодержавно-крепостнического режима выступили представители самых знатных и богатых дворянских фамилий. Рискуя собственным положением в обществе, свободой и даже жизнью, они поднялись на мятеж не ради достижения личных или сословных целей, а исключительно во имя освобождения народа от рабства, а страны — от гнета самодержавия.

В. Перов. Странник

Комментарий профессора Архивайкина

Самоотверженный подвиг декабристов. Декабристское восстание началось с выступления мятежных войск на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. Однако этому событию предшествовал один из интереснейших периодов русской истории, восходивший своими истоками еще к Отечественной войне 1812 г. Многие будущие декабристы участвовали в сражениях с французской армией и проявили себя как храбрые воины, достойные звания победителей Наполеона.

Во время освободительного похода по Европе (1813–1814) они воочию убедились в том, что самодержавно-крепостническая Россия существенно проигрывает в сравнении с более свободными западными странами, а по возвращении на родину с негодованием обнаружили, что человек из народа, вынесший на своих плечах все тяготы войны, снова превращается в товар, что его можно продать, разлучить с семьей, засечь до смерти... На этой почве и созрела мысль о необходимости преобразования общест-

венного строя в России, а победа над Наполеоном вселяла огромную веру в успех таких планов. Участник декабристского движения М. Бестужев-Рюмин прямо заявлял: «Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели Русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно Отечественной — Русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма?».

В 1816 г. группа молодых офицеров основала первое тайное политическое общество — «Союз спасения», в который вошло около тридцати человек. Через два года оно было закрыто, а вместо него был создан «Союз благоденствия», насчитывавший в своих рядах уже около двухсот членов. Идейная борьба внутри этой политической организации вскоре привела к расколу: в Украине возникло «Южное общество» во главе с Павлом Пестелем, а в Петербурге — «Северное общество» во главе с Никитой Муравьевым. Члены «Южного общества» выступали за то, чтобы вследствие революционного переворота Россия стала республикой и крепостное право в ней было бы ликвидировано без каких-либо условий. Участники «Северного общества» предлагали объявить Россию конституционной монархией, а крепостное право отменять постепенно, за выкуп, с сохранением значительной части пахотных земель за помещиками. Обе организации требовали введения свободы слова, печати, собраний, вероисповедания и др.

В ноябре 1825 г. внезапно умер император Александр I. Сразу же после его смерти армия и государственный аппарат были приведены к присяге на верность наследнику умершего императора — цесаревичу Константину. Однако Константин престол не принял, поскольку ожидал обнародования императорского завешания, в котором наследником короны объявлялся его младший брат Николай. В стране сложилась крайне напряженная политическая ситуация. Наконец, на 14 декабря была назначена вторая присяга, обращенная уже к Николаю I. На этот день и было запланировано выступление мятежных войск на Сенатской площади. Его целью было не допустить сенаторов к новой присяге и заставить их объявить о низложении царского правительства. Однако к моменту сбора войск Сенат уже принял присягу Николаю I и сенаторы разъехались. Нужно было срочно вносить изменения в заранее разработанный план действий. Между тем «диктатор» восстания С. Трубецкой на Сенатскую площадь не явился, оставив мятежников без руководства. В напрасном ожидании Трубецкого и последующих поисках нового руководителя было потрачено драгоценное время. Верные правительству войска, по приказу Николая I окружившие Сенатскую площадь, открыли по повстанцам огонь.

Взошедший на престол император был испуган выступлением дворян, а потому прибегнул к самым решительным мерам. Обвиняемые и подозреваемые в причастности к восстанию предстали перед судом, который проходил при закрытых дверях в обстановке строгой секретности. Пятеро главных организаторов (Пестель, Рылеев, Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол и Каховский) были приговорены к повешению. Свыше ста декабристов сослали в Сибирь на каторгу или пожизненное поселение, некоторых разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ воевать с горцами.

Восстание декабристов было подавлено. Победители Наполеона так и не смогли победить самодержца, правившего их собственной страной.

Но их благородное и самоотверженное выступление не было напрасным. Можно сказать, что под знаком этого мятежа развивалась вся история и культура России XIX в. Декабристское восстание дало решающий толчок дальнейшему освободительному движению и борьбе с царизмом, которые во многом определили внутреннюю жизнь России и подготовили почву для революций XX в. Оно создало особое пространство духовной свободы, ставшее важным условием расцвета искусств и литературы в России XIX в. Наконец, оно показало пример бескорыстного, героического служения гуманистическим идеям, на который, как на высочайший образец, впоследствии ориентировались талантливейшие сыновья русской земли. В том числе — писатели и поэты «золотого века» русской литературы. ●

Благодаря своему морально-проповедническому характеру русская литература XIX в. приняла на себя роль великой наставницы общества. Читатели воспринимали ее не только как источник духовной пищи, но и как могучую силу, способную преобразовывать сознание и жизнь общества. Слово писателя нередко имело над подданными Российской империи куда большую власть, нежели слово императора. Книги повергали в смятение царей и озаряли смыслом жизнь тысяч обездоленных, а их авторы становились непререкаемыми духовными авторитетами общества, гордо именуемыми «пророками», «учителями», «властителями дум». Именно в таком смысле следует понимать известное высказывание «Поэт в России — больше, чем поэт». И первым, кто своим творчеством и своей судьбой доказал правоту этого суждения, был А.С. Пушкин.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какой период русской литературы называют «золотым веком»? Почему?
2. Что такое пафос? Как вы понимаете значение выражения «гуманистический пафос»? В чем заключался гуманистический пафос русской литературы XIX в.? Какую роль литература играла в общественной жизни России?
3. Какое значение имело декабристское восстание для русской культуры и литературы XIX в.?
4. Перечитайте высказывание И.Я. Франко о различиях между произведениями европейских и русских писателей. Разделяете ли вы это мнение? Аргументируйте свою точку зрения.

Глава 2

«В МОЙ ЖЕСТОКИЙ ВЕК ВОССЛАВИЛ Я СВОБОДУ»

Какие произведения А.С. Пушкина вы изучали в предыдущих классах? Что вы знаете об этом поэте?

«Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин», — писал русский поэт XX в. Александр Блок. Действительно, в детстве, когда мы впервые знакомимся с забавными сказками о царе Салтане, золотом петушке,

*Александр Сергеевич
Пушкин
(1799–1836)*

рыбаке и рыбке, попе и его работнике Балде, семи богатырях и мертвой царевне, их автор предстает в нашем воображении жизнерадостным, солнечным сказочником. Лишь со временем мы открываем в Пушкине задушевного лирика, мастерски передававшего тончайшие движения человеческой души, пронизательного мыслителя, поднимавшего важные общественные, нравственные и философские проблемы, пристрастного летописца своей эпохи, чутко реагировавшего на все ее новые явления, глубокого исследователя, осмыслявшего сложнейшие вопросы русской истории. Тесная связь с жизнью общества, его настоящим, прошлым и будущим принадлежит к наиболее значительным чертам личности и творчества Пушкина. Примечательно, что поэт не принимал личного участия в общественных событиях

своего времени. Однако, не будучи их непосредственным участником, он, тем не менее, неизменно проявлял себя их пылким соучастником.

Чувство сопричастности к творившейся на глазах Истории возникло у Пушкина еще в юные годы, когда в толпе однокашников-лицейстов он провожал гвардейские полки на войну с Наполеоном. В стихотворении, написанном двадцать с лишним лет спустя, поэт, обращаясь к товарищам по Лицею, вспоминал:

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

По окончании Лицея в 1817 г. он бросился в водоворот петербургской светской жизни, кипевшей политическими страстями и вольнодумными идеями. Главный тон в ней задавали лучшие представители дворянского общества: офицеры с наградами за воинскую доблесть, проявленную в битвах с наполеоновской армией, столбовые дворяне с репутацией порядочнейших и гуманнейших людей своего времени, интеллектуалы, отличавшиеся блестящим образованием и редкой широтой мышления. Пушкин в короткий срок свел знакомство со многими из них. Под влиянием общения с этими людьми в его стихах во весь голос зазвучали призывы к свободе. Поэт мечтал присоединиться к стану вольнодумцев, обсуждавших на закрытых собраниях планы свержения самодержавно-крепостнического строя. Но участники декабристского движения упорно не принимали его в свои ряды. Отчасти — стремясь уберечь талант Пушкина от опасностей, связанных с революционной борьбой, отчасти — надеясь на то, что, не являясь членом тайных обществ, он и без того будет способствовать делу завоевания свободы своими стихами, отчасти же — полагая, что его творческая натура несовместима с политической деятельностью. Однако, оставаясь внешне не причастным к декабристскому движению, поэт настолько явно выражал к нему сочувствие, что навлек на себя немилость царского прави-

тельства. В 1820 г. Пушкин был отправлен в ссылку. Сперва — на юг, где, несмотря на неусыпный полицейский надзор, не отказывал себе в удовольствии по-прежнему общаться с членами тайных организаций и по-прежнему сочинять вольнодумные стихи. Затем — в родовое имение Михайловское, где, несмотря на изолированность от внешнего мира, продолжал поддерживать отношения с друзьями посредством переписки.

Там, в Михайловском, поэта и настигло известие о восстании декабристов. Пушкин воспринял его с великой тревогой за судьбу благороднейших сыновей России — как тех, кто был ему дорог и близок, так и тех, с кем он не был знаком лично. За днями томительного ожидания последовала страшная весть о казни пятерых организаторов мятежа и отправке многих его участников в Сибирь. Пушкин был потрясен. Расправа, учиненная над декабристами, не оставляла надежд на перемены к лучшему и в жизни самого поэта. Тем не менее, когда по высочайшему повелению Пушкин прямо из Михайловского был доставлен во дворец для беседы с царем, он не только не отрекся от дружеских связей с декабристами, но и открыто встал на защиту мятежников, заявив, что если бы 14 декабря находился в Петербурге, то непременно бы оказался на Сенатской площади...

Декабристское восстание наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь поэта. Отныне его горячее сочувствие борьбе за освобождение России от разнообразных форм рабства переплывало в позицию поэта и гражданина, считавшего своим долгом в «жестокий век» восславлять свободу и призывать «милость к падшим». Отныне же одним из основных направлений его творчества стало исследование природы власти, крестьянского бунта, народной души, отношений между разными слоями русского общества, великих исторических сдвигов и перемен.

Обращаясь в своих произведениях к событиям исторического прошлого, Пушкин так или иначе соотносил их с ключевым моментом современной ему эпохи, пережитым Россией 14 декабря 1825 г. Он воздавал дань самоотверженному подвигу декабристов, но в то же время сознавал его оторванность от народа: «Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне» — записал поэт в своем дневнике в 1834 г. В самом деле, одной из решающих причин поражения восстания на Сенатской площади было то, что народ не поддержал дворян, выступивших за его права и свободы. Отсюда вроде бы сам собой напрашивался вывод о том, что главным способом изменения общественного строя в России должен стать народный бунт. Именно такой исторический урок из дворянского мятежа 1825 г. извлекли многие представители следующих поколений. Но только не Пушкин. Слишком хорошо понимал он отечественную историю, чтобы закрыть глаза на кровавые преступления, которыми сопровождалось крестьянские восстания в России. Вместе с тем, изображая в своих произведениях власть, безжалостно угнетающую народ, поэт предупреждал о неизбежности грозных социальных потрясений в государстве, основанном на самодержавно-крепостническом строе. Самое грозное пушкинское предостережение «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» приобрело силу крылатого выражения, пророческий смысл которого был многократно доказан самим течением российской истории XIX–XX вв.

1. Какие факты свидетельствуют о сопричастности А.С. Пушкина общественной и политической жизни России? Чем было обусловлено его сочувствие передовым идеям эпохи?
2. Расскажите об отношении А.С. Пушкина к декабристскому движению. Какое влияние оказало восстание декабристов на его жизнь и творчество?
3. Раскройте гуманистический смысл пушкинских строк: «...в мой жестокий век восславил я свободу // И милость к падшим призывал».

Глава 3

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ А.С. ПУШКИНА ДРУЗЬЯМ

К числу главных ценностей человеческой жизни Пушкин относил дружбу. Он и сам был наделен даром дружбы: легко завоевывал расположение новых знакомых, десятилетиями поддерживал отношения со старыми товарищами. Круг его друзей был широк и на удивление пестр: он охватывал литераторов и политических заговорщиков, гусарских кутил и проповедников активной гражданской позиции, старших товарищей, игравших на разных этапах жизни поэта роль его «учителей», и младших приятелей, среди которых было немало тех, кто уже его самого воспринимал как «учителя». Эта часть жизни Пушкина нашла отражение и в его творчестве, — прежде всего, в произведениях, посвященных теме дружбы или написанных в форме поэтического послания друзьям. Особое место в пушкинской «дружеской лирике» занимают два стихотворения, вдохновленные стремлением поэта поддержать товарищей в час тяжелых испытаний. Первое из них, глубоко личного характера, адресовано одному из самых давних и самых близких друзей, Ивану Пущину, посетившему Пушкина в Михайловском незадолго до мятежа на Сенатской площади. Второе же обращено ко всем сосланным в Сибирь участникам декабристского восстания. Оба стихотворения проявляют не только душевную щедрость поэта, но и его гражданскую позицию.

Комментарий профессора Архивайкина

О том, как И.И. Пущин посетил А.С. Пушкина в Михайловском.

«С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, — вспоминал И.И. Пущин, — во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил съездить в Псков к сестре... а оттуда уже рукой подать в Михайловское... Погостил у сестры несколько дней и от нее вечером пустился из Пскова...

мчались среди леса по гористому проселку: все мне казалось не довольно скоро! Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, все лес и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилистою тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу

Н. Г. Пушкин в селе Михайловском

нерасчищенного двора... Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило, беру его в охапку и тащу в комнату... Смотрим друг на друга, целуемся, молчим... Наконец пробил слеза (она и теперь, через тридцать три года мешает писать в очках), мы очнулись...

«Приезд Пущина в Михайловское, — комментирует это событие известный исследователь пушкинского творчества Ю.М. Лотман, — требовал немалого мужества. Друзья уговаривали его не делать этого, а дядя поэта, Василий Львович Пушкин, сначала пустился в предостережения, а потом кинулся со слезами его обнимать, как героя. Но Пущин был не из пугливых: к тому времени он уже состоял членом тайного общества, а вскоре после посещения поэта, 14 декабря, показал себя на площади как один из самых хладнокровных и деятельных руководителей восстания (“Высочайшим указом” Николая I он был приговорен к двадцати годам каторги). Однако Пущин отличался не только мужеством, но и поразительной добротой... И к Пушкину Пущин проявлял нежную заботливость. Свидание двух друзей в Михайловском было недолгим, но очень теплым. Вечером того же дня Пущин уехал... Через двенадцать лет, когда Пущин отбывал каторгу в Сибири, умирающий поэт назвал его имя». ●

Перед чтением. Читая помещенные ниже стихотворения, отметьте в них строки, в которых с особой силой звучит сочувствие поэта судьбе товарищей.

И.И. Пушкину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье¹:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какие жизненные обстоятельства отразились в стихотворении «И.И. Пушкину»? Подкрепите свой ответ цитатами.
2. Как лирический герой этого произведения выражает силу своей привязанности к другу? Обратите внимание на то, как построена первая строка. Что подчеркивает поэт, прибегая в ней к частичному словесному повтору?
3. Определите основной пафос стихотворения «Во глубине сибирских руд...». Благодаря чему оно приобретает торжественное и светлое звучание?

¹ Провиденье (провидение) — Бог; высшая божественная сила.

4. Какими мыслями Пушкин стремится ободрить адресатов этого послания? С помощью каких средств поэт передает свою уверенность в их правоте?

5. Стихотворение «Во глубине сибирских руд...» приобрело в России широчайшую популярность. Как вы думаете, почему?

6. Выразительно прочтите оба произведения вслух. Чем, по вашему мнению, должны отличаться интонации их исполнения? Выучите одно из этих стихотворений наизусть.

Глава 4

А.С. ПУШКИН КАК ИСТОРИК

Декабристское восстание обострило интерес А.С. Пушкина к истории России. В русле этого интереса возникли драма «Борис Годунов», поэмы «Полтава» и «Медный всадник», научное исследование «История Пугачева», *историческая повесть* «Капитанская дочка» и другие произведения.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Историческая повесть (или роман) — произведение, в котором изображаются исторические события и картины жизни минувших эпох. В сюжете такого произведения реальные факты переплетаются с художественным вымыслом, а наряду с историческими лицами действуют вымышленные персонажи.

Важную роль в воссоздании духа изображаемой исторической эпохи играет так называемый *местный колорит* — то есть описание быта, традиций, обычаев и представлений, которые в значительной степени определяют своеобразие национального характера и образа жизни народа.

Исторической основой повести «Капитанская дочка» послужило крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Оно привлекло внимание А.С. Пушкина еще во время ссылки в Михайловское. А в начале 30-х годов XIX в., когда по стране прокатилась волна крестьянских мятежей, в которых кое-кто из современников увидел приметы «новой пугачевщины», поэт всерьез занялся разработкой этой темы. Она потребовала тщательного изучения документов и архивных материалов. Летом 1833 г. Пушкин добился разрешения на поездку по местам пугачевского восстания — в Оренбургскую и Казанскую губернии. Во время этой поездки им были собраны народные песни и предания о Пугачеве, а также рассказы очевидцев пугачевского восстания. Опираясь на сведения, почерпнутые из разных источников, осенью 1833 г. Пушкин завершил научный труд «История Пугачева» (по требованию Николая I переименованный в «Историю Пугачевского бунта»), который стал, по сути, первым научным исследованием «русского бунта».

Повесть «Капитанская дочка», начатая в том же 1833 г., была закончена лишь три года спустя. Естественно, Емельяну Пугачеву в ней отводилась одна из главных ролей. Одна, но не единственная, поскольку рядом с

реальным историческим персонажем автор поставил вымышленного героя — ничем не примечательного дворянина Петра Гринева, оказавшегося невольным участником описываемых событий. Ему писатель и доверил вести рассказ. Вследствие этого основное внимание перенеслось с описания восстания на судьбу обычного человека, вовлеченного в вихрь истории.

Интересно, что поначалу Пушкин хотел сделать главным героем повести дворянина Шванвича, перешедшего на сторону Пугачева. Однако в процессе изучения исторического материала он пришел к выводу о том, что тогдашний дворянин не мог бы вступить в союз с восставшим народом: слишком велик был разрыв между ценностями дворянского и крестьянского сословий. В «Замечаниях о бунте» Пушкин писал: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны». Стремясь быть верным исторической правде, писатель превратил Шванвича в предателя Швабрина, а в центр повести вывел верного долгу и требованиям человечности Петра Гринева.

Перед чтением. На что настраивает читателей эпиграф к «Капитанской дочке»? Читая повесть, обратите внимание на то, как в ходе развития сюжета раскрывается смысл этого эпиграфа.

Капитанская дочка

(В сокращении)

Береги честь смолоду.
Пословица

Глава I

Сержант гвардии

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин

Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному

мне в дядьки¹. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мосье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour être outchitel*, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главною его слабостию была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, т. е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора² я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мосье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мосье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змея и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смутении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась. (...)

¹ Дядька — в старину: слуга-воспитатель при мальчике в дворянской семье.

² Ментор — наставник, воспитатель.

● В один ничем не примечательный день отец заговорил о том, что пришла пора пристроить Петра на военную службу. Юноша надеялся, что местом его службы станет богатый развлечениями Петербург, в один из полков которого он был записан с рождения. Но, вопреки всем ожиданиям, отец объявил, что пошлет его в Оренбург, где он сможет научиться живому военному делу. Мать, сраженная известием о скорой разлуке с единственным сыном, залилась слезами. Однако отец твердо стоял на своем. Не тратя времени, он тотчас же написал письмо старому товарищу по службе, занимавшему видный военный пост в Оренбурге. ●

На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в нее чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами. (...)

● Проехав часть пути, Гринев с Савельичем заночевали в трактире. Там Петр познакомился с офицером Зуриным, научившим его играть в бильярд и пить пунш. Захмелев, Петр не заметил, как проиграл новому знакомому сто рублей – значительную по тем временам сумму. Несмотря на сопротивление возмущенного слуги, Гринев на следующий же день отдал проигранные деньги Зурину. Расстроенный Савельич поторопился увезти барина из «проклятого трактира». ●

Глава II

Вожатый

Сторона ль моя, сторонущка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только побрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять

тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только!.. Как покажусь я на глаза господам? что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. (...)

● Вскоре начался снежный буран. Ямщик предложил вернуться назад. Но Петр, по неопытности недооценивший опасность, потребовал продолжить путь. С каждой минутой ветер становился сильнее, и вскоре небо и земля смешались в одно снежное море. Лошади сбились с дороги. Положение было отчаянным. Неожиданно в мутном кружении метели Гринев разглядел движущуюся черную точку и велел ямщику ехать по направлению к ней. Точка оказалась человеком. Заявив, что эта местность ему хорошо известна, незнакомец вызвался проводить заблудившихся путников к ближайшему жилищу. ●

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему мне ехать вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. «В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалеко?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтобы батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным послушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько

подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу, в постеле лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Все равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дергал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полаты и увидел черную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у целовальника¹: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца пшток и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик,

¹ Целовальник — здесь: продавец в питейном заведении.

будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого не-удовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Бес-покойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торго-ваться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил под-везти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хо-чешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

— Помилуй, батюшка Петр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окайнные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу доб-

родетель. Век не забуду ваших милостей». — Он пошел в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своем вожатом и о заячьем тулупе. (...)

● По приезде в Оренбург Петр явился по указанному отцом адресу. Письмо Гринева-старшего растрогало старого генерала. В знак особого расположения он направил Петра в Белогорскую крепость, находившуюся под командованием «доброго и честного» капитана Миронова. ●

Глава III Крепость

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика¹. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. (...) Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» — спросил я у своего ямщика. «Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна». — Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными. «Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой ста-

¹ Яик — старинное название реки Урал, измененное после пугачевского восстания.

ричок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она, — он пошел в гости к отцу Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. (...) «А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя уекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иванович вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иванович и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. «Максимиыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врешь, Максимиыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка? Петр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну, что, Максимиыч, всё ли благополучно?»

— Всё, слава Богу, тихо, — отвечал казак. (...)

● Урядник сопровождал Гринева к новому месту жительства. На следующее утро Петр познакомился со Швабриным. Это был молодой офицер со смуглым, некрасивым, но живым лицом. Остроумный и общительный, он сразу понравился Гриневу. Вместе с новым товарищем Петр отправился к коменданту. ●

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» — Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, со светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину:

гости-де, ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдет; успеет накричаться». — Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился; так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услышав, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековойной невестой». — Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. (...)

Глава IV Поединок

— Им изволь, и стань же в позытуру.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!

Княжнин

● Прошло несколько недель. За это время Петр получил звание офицера и влюбился в Машу, оказавшуюся, вопреки нелестным отзывам насмешливого Швабрина, славной и доброй девушкой.

Служебных обязанностей у Петра было немного: в крепости не проводились ни смотры, ни учения. Спасаясь от скуки, Гринев увлекся литературными переводами и сочинительством. Однажды он прочел Швабрину свое стихотворение о любви к Маше. Швабрин подверг его уничижительной критике, после чего заявил, что Петру следовало бы подарить капитанской дочери не стихи, а пару серег. Возмущенный оскорбительным намеком, Гринев вызвал Швабрина на дуэль. Он попросил поручика Ивана Игнатьича быть секундантом, но старик наотрез отказался и пригрозил сообщить о готовившемся поединке коменданту. Петру едва удалось отговорить его от этой затеи.

Утром следующего дня намеченная дуэль сорвалась из-за вмешательства Ивана Игнатьича. Соперников привели в дом коменданта, где их сначала сурово отчитали за серьезный проступок, а затем заставили помириться. Однако, улучив свободную минуту, Гринев и Швабрин решили при первой же возможности провести поединок. Наконец, Швабрин ушел, и Петр остался наедине с Машей. ●

Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорой с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и бла-

гополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иванович».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Ивановича. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне еще более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегавшего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств. (...)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Охарактеризуйте жизнь Петра в отчем доме (его отношения с родителями, воспитателями, круг занятий и интересов). Прокомментируйте наставление, которое Гринев-старший дал сыну перед расставанием. На что оно нацеливало молодого человека? Актуально ли это напугствие сегодня?

2. Как выглядел незнакомец, который помог отыскать путникам дорогу во время метели? Чем он привлек внимание Гринева и Савельича?

На каком языке говорил провожатый с хозяином постоянного двора? Что вы поняли из их разговора? Почему смысл этой беседы остался неясен Петру?

3. Как Гринев отблагодарил провожатого? Как вы думаете, дорог ли был его подарок мужику?

4. Какое впечатление произвела на Петра Белогорская крепость? Расскажите о царивших в ней порядках. Могло ли это укрепление дать достойный отпор сильному врагу?

5. Какие отношения сложились у Гринева со Швабриным и с семейством капитана Миронова?

6. Укажите причину ссоры между Гриневым и Швабриным. Кто из соперников во время дуэли нарушил требования дворянской чести? О чем свидетельствовало такое нарушение?

7. Спрогнозируйте последующее развитие событий.

● Пять суток Гринев пролежал без сознания. Савельич и Маша за ним самоотверженно ухаживали. Придя в себя, герой признался девушке в любви и предложил ей руку и сердце. Маша со свойственной ей чистосердечностью ответила согласием, но потребовала, чтобы Петр попросил благословения у своих родителей. Юноша тут же написал красноречивое послание отцу. Наступили томительные дни ожидания. За это время Гринев помирился со Швабриным, простив ему и обиду, и рану. Наконец, пришло ответное письмо из родительского дома. Оно содержало жестокий приговор для влюбленных: возмущенный дуэлью отец не только отказал в благословении, но и пригрозил добиться перевода Петра из Белогорской крепости.

Гринев попытался уговорить Машу обвенчаться самовольно, но девушка не согласилась пойти против воли его родителей. Петр понимал, что суровый тон отцовского письма был вызван историей с дуэлью, о которой кто-то донес его родителям. Но кто? Решив, что это дело рук Савельича, Петр обрушил на старика град упреков. В ответ обиженный слуга показал письмо, в котором Гринев-старший распекал его как раз за утаивание сведений о дуэли молодого барина. Браня дядьку на все лады, отец обвинял его в «лжесвидетельстве молодому человеку». Пристыженный Гринев извинился перед слугой. Теперь его подозрения пали на Швабрину.

Жизнь Петра стала несносной. Он перестал ходить в дом капитана, стал избегать встреч с Машей и общения со Швабриным. Дни его наполнились одиночеством, унылым бездействием и тоской. ●

Глава VI Пугачевщина

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем сказывать.

Песня

● Однажды вечером комендант собрал офицеров и прочел им полученное от генерала письмо. Генерал сообщал о том, что донской казак Емельян Пугачев, назвавшийся царем Петром III, поднял восстание. Возглавляемое Пугачевым войско бунтовщиков завоевывало города и селения, повсюду чиня насилие и разбой.

Отдав необходимые распоряжения по защите крепости, капитан Миронов попросил своих подчиненных держать в тайне это известие. Но, несмотря на его ста-

рания, Василисе Егоровне удалось вывести секретные сведения. От нее новость узнали все обитатели Белогорской крепости. Среди служивших в крепости казаков назревал бунт. Вскоре стало известно, что, захватив соседнюю крепость, пугачевцы казнили тамошнего коменданта и всех офицеров. ●

С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей: «А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?»

— И, пустое! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса¹; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться не гоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром, что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать. (...)

Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застану Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял ее. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

¹ помощи (от франц. *secours*).

Глава VII

Приступ

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная песня

● Однако Маша так и не успела уехать: мятежники, вплотную приблизившиеся к крепости, отрезали дорогу на Оренбург. Как стало известно, на их сторону перебежали белогорские казаки. На рассвете гарнизон крепости готовился принять бой. ●

(...) Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружье. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по колчанам. Комендант обошел свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идет баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалеко, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. (...)

Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорей». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чем я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но оброчный гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибило было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казачий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казачьи старшины окружали его. Отец Герасим,

бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Федоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окайнные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трех ча-

В. Перов. Суд Пугачева

сов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII

Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

Пословица

● Самозванец разместился в доме священника, где как раз пряталась Маша. Услышав эту новость, Петр помчался к попадье. Там он узнал, что Маша лежит в бреду и что попадья, спасая девушку от верной гибели, выдала ее за свою

племянницу. Вдобавок Гринев получил еще и известие о том, что Швабрин, по сути совершив государственную измену, перешел на сторону Пугачева. Под впечатлением этих новостей Петр отправился домой. ●

Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, белье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством! (...)

● Тем временем Пугачев, устроивший пир в честь своей победы, потребовал привести Гринева. Казаки-изменники тут же выполнили его приказ. ●

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачев, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева. И на сем-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, — сказал Пугачев, — затанем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! Начинай!» Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думать.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти

Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь.
Всё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиитическим ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накиннули тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалуйю, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком —

было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смывленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы, и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит». (...)

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горящего по моему отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. (...)

Глава IX Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тела комендантши.

Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их подбирать, и дело не обошлось без увечья. Пугачева окружали главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детской любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливый путь, ваше благородие! — Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрину: — Вот вам, детушки, новый командир: слушайтесь его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадь. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись казаков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачев. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зеленого сукна на семь рублей.

Штаны белые суконные на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами на десять рублей.

Погребец с чайною посудой на два рубля с полтиною...»

— Что за вранье? — прервал Пугачев. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крикнул и стал объясняться.

— Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями...

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачев. Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге четыре рубля. Шуба лисья, крытая алым ратином, 40 рублей.

Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что еще! — вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачев его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив ее в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда? Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

Пугачев был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя мое доброе согласие с Пугачевым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха. «Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придется нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет». (...)

● Обдумав свое положение, Петр решил ехать в Оренбург, чтобы склонить тамошнее военное начальство к сражению за Белогорскую крепость. Наскоро простившись с попадьею, ухаживавшей за больной Машей, он в сопровождении верного Савельича отправился в путь. По дороге его догнал казак, посланный Пугачевым. Он передал Петру овчинный тулуп, пожалованный в дар самозванцем. Кроме того, Пугачев приказал вручить молодому офицеру еще и деньги, но их казак, по его же словам, растерял дорогой. Велев казаку благодарить Пугачева, Петр двинулся дальше. ●

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТАННОМУ

1. Почему гарнизон проиграл бой пугачевцам?
2. Как вели себя пугачевцы в завоеванной крепости? За что были убиты капитан Миронов и его жена? Какие душевные качества они проявили перед лицом смерти?
3. Благодаря чему Гринев и Швабрин избежали казни? В чем заключалось главное отличие между способами их спасения?
4. Чем Пугачева рассердила жалоба Савельича? Почему, несмотря на раздражение, вызванное неуместными хлопотами старика, он все же послал Петру подарки? Какие душевные свойства Пугачева раскрылись в этом эпизоде?
5. Какой из двух противоборствующих сил, по вашему мнению, сочувствует автор: дворянам, исполняющим долг защитников законной власти, или бунтовщикам, пытающимся установить свою, «мужицкую» власть?

Консультация профессора Филологова

Два мира в «Капитанской дочке». В повести изображаются два мира: дворянский и крестьянский. Каждый из них имеет свой бытовой уклад, свои ценности, свои преимущества и изъяны. Лучшие черты первого мира воплощаются в образе Гринёва, верного дворянским представлениям о долге и чести, а также общечеловеческому принципу гуманности.

Крестьянский мир овеян своей поэзией: песнями, сказками, легендами, пословицами и поговорками, в которых запечатлено своеобразие и красота народной мысли. Здесь господствуют совсем иные представления о долге и справедливости. В то время как дворяне считали Пугачёва преступником и самозванцем, крестьяне видели в нём своего заступника и представителя законной власти. Д. Пянов, на свадьбе которого «гулял» Пугачёв, сердито сказал Пушкину: «Он для тебя Пугачёв... а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович».

Пушкин ясно видел, что у каждого из двух лагерей была своя «правда» и что в борьбе за эту «правду» каждый из них проявлял и благородство, и жестокость. Так же ясно он видел и то, что единственным средством спасения в условиях жесткого противостояния дворянства и крестьянства является не закон — царский или «пугачёвский», — а человечность. Именно она выступает в повести основным мерилom оценки поступков персонажей. Именно она помогает героям достойно выходить из затруднительных жизненных ситуаций и непростых нравственных испытаний. В утверждении человечности как главной ценности человеческой жизни и как главного способа противодействия разрушительным силам истории заключается гуманистический пафос повести «Капитанская дочка». ●

● По прибытии в Оренбург Гринёв доложил знакомому генералу о событиях, произошедших в Белогорской крепости. Генерал был искренне опечален известием о гибели капитана Миронова и его жены. Однако к предложению немедленно отрядить солдат для освобождения крепости от мятежников отнесся осторожно, решив, что его следует обсудить на ближайшем заседании военного совета. На этом заседании Пётр пылко отстаивал свою идею, но так и не нашел поддержки у членов военного совета. По общему мнению, в сложившейся ситуации следовало не переходить в наступление, а укреплять оборону Оренбурга, на который надвигались войска бунтовщиков. Петру пришлось покориться. Через несколько дней город действительно был взят в осаду, стоившую многим его жителям великих лишений и страданий. О крупных военных сражениях теперь не могло быть и речи. Единственным развлечением для Гринёва были ежедневные выезды за город, во время которых он вступал в короткие перестрелки с пугачёвцами.

В один из таких выездов ему было передано письмо от Маши. Девушка сообщила, что после всех перенесенных потрясений она стала пленницей Швабрина, который жестоким обращением и угрозами добивается от неё согласия на замужество. Швабрин дал ей три дня для размышлений, по истечении которых он намеревался либо жениться на девушке, либо выдать её мятежникам. Обращаясь к Гринёву как к единственному своему заступнику, Маша умоляла спасти её от ужасной участи.

Петр опрометью кинулся к генералу с требованием дать ему роту солдат для штурма Белогорской крепости. Но генерал счел эту мысль безумной. Тогда Гринев решил действовать в одиночку, и, наскоро собравшись, выехал в Белогорскую крепость. Савельич, как обычно, последовал за своим баринном.

По дороге путники попали в плен к мятежникам. Гринев был доставлен в дом, в котором расположился Пугачев. ●

Глава XI

Мятежная слобода

В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» —
Спросил он ласково.

А. Сумароков

(...) Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостию. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принес?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачев, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискось на наперсников самозванца. Один из них, тщедушный и сторбленный старичок с седой бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого роста, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капрал Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают. Глаза у Пугачева засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадья, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал грозно Пугачев. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать, а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его в приказную да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительною. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачев. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — всё благополучно.

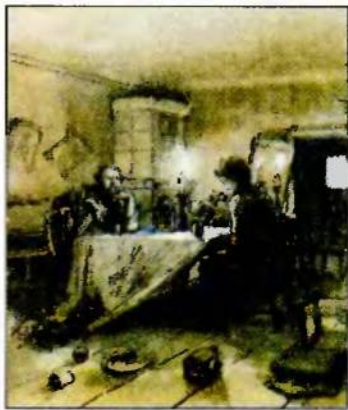
— Благополучно? — повторил Пугачев. — А народ мрет с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастью, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы все душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

*А. Бенуа. Ночная беседа
Петра Гринёва с Пугачевым*

— Да ты что за угодник? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костливый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье, да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отвернулся и проворчал слова: «Рванные ноздри!»...

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рванные ноздри; погоди, придет и твое время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородашки не вырвал!

— Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачев. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замерз бы на дороге».

Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачев. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести, но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачевым и с его страшными товарищами. (...)

Поутру пришли меня звать от имени Пугачева. Я пошел к нему. У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противуречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачев весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачев широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилося. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачев велел остановиться. «Батюшка, Петр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет

посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачев. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись на облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачева. К счастью, самозванец или не расслышал, или пренебрег неуместным намеком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачев кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробежал по моему телу, и волосы становились дыбом... (...)

● Разговорившись в дороге, Пугачев сообщил Петру о том, что готовится к новым походам. ●

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачев горько усмехнулся.

— Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затеялива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. (...) Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII

Сирота

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился; но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверием. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».

Швабрин побледнел как мертвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачев. — Это мое дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе, или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» — Потом, подошед к Марье Ивановне: — «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрина: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково:

«Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачев. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьем — и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости».

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачев. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остолбенелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду. (...)

● Гринев решил отвезти Машу к своим родителям, где ее безопасности ничто не угрожало. Выданная Пугачевым бумага обеспечила им беспрепятственный проезд по всей территории, захваченной мятежниками. Таким образом они добрались до мест расположения царских войск. Здесь Гринев встретился со своим старым знакомым Зуриным, которому он когда-то проиграл сто рублей. Петр остался в отряде, воевавшем с бунтовщиками, а Машу в сопровождении Савельича отправил в деревню к своим родным. ●

Глава XIII

Арест

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин

(...) Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михельсоном. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребенок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марию Ивановну... (...)

● Но в день отъезда неожиданно пришел приказ об аресте Гринева и дальнейшей его отправке в Казань в связи с расследованием «дела Пугачева». С чистой совестью Петр подчинился приказу. ●

Глава XIV

Суд

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица

● По прибытии в Казань Гринева предстал перед военным судом. ●

(...) Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востер, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал

и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными извещениями злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчера* злодея. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загрели цепи, двери отворились, и вошел — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что наконец явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностию и осторожностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа он объявлял ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решила помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слезы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти. (...)

● Понимая, что помощи ждать неоткуда, Маша отважилась лично просить императрицу о восстановлении справедливости по отношению к оклеветанному жениху. Тепло простившись с родителями Петра, она отправилась в путь. Неподалеку от

Царского Села, где в это время находилась императрица, девушка остановилась на почтовом дворе. Жена смотрителя радушно ее приняла и рассказала множество занятых историй из жизни обитателей императорского дворца. ●

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеменяющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

*В. Боровиковский.
Екатерина II на прогулке
в Царскосельском парке*

- Вы, верно, не здешние? — сказала она.
- Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.
- Вы приехали с вашими родными?
- Никак нет-с. Я приехала одна.
- Одна! Но вы так еще молоды.
- У меня нет ни отца, ни матери.
- Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?
- Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.
- Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?
- Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.
- Позвольте спросить, кто вы таковы?
- Я дочь капитана Миронова.
- Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?
- Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг лицо ее переменялось, — и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. «Где вы остановились?» — спросила она потом; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила с улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было принялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти Господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете... Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так утешала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня позвала ее и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово

и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговаривалась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТАННОМУ

1. Какие обстоятельства заставили Гринева в третий раз встретиться с Пугачевым? Почему, вопреки требованиям дворянской чести, Петр решил обратиться к самозванцу за помощью?
2. Расскажите о том, как проходил пугачевский «военный совет». Чем он грозил Гриневу? Какие взгляды взбунтовавшегося народа на дворянство отразились в мнениях членов этого совета? Что побудило Пугачева снова взять Гринева под свое покровительство?
3. Доверял ли Пугачев своим соратникам? Подтвердите ответ цитатами. Почему Пугачев отбросил возможность покаяния, на которую ему указал Гринева?
4. Перескажите содержание сказки, рассказанной Пугачевым по дороге в Белогорскую крепость. Раскройте ее иносказательный смысл. Что эта сказка объясняет в характере Пугачева? А как ее прокомментировал Гринева? Почему Пугачев ничего не ответил на его комментарий?

5. Расскажите о том, как была спасена Маша Миронова. Почему, когда Гринев признался, что Маша является дочерью убитого коменданта крепости, лицо Пугачева, как замечает рассказчик, «омрачилось»? Что, по вашему мнению, огорчило предводителя бунтовщиков?

6. Чем был вызван отказ Петра от дачи полных показаний о его отношениях с Пугачевым? Как бы на месте этого героя поступили вы? Что больше всего Гринев-старшего расстроило в известии о тюремном заключении сына?

7. Как Маша спасла своего жениха от позора? Какие черты ее характера проявились в этой ситуации?

ЧТЕНИЕ-СИТООБЪЯЧЕНИЕ

Учимся анализировать историческую повесть =====

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Составьте план сюжета повести. Уделите в нем особое внимание пунктам, отражающим встречи Гринева с Пугачевым. Кратко обозначьте в них новые грани, которые Гринев открывает в предводителе крестьянского восстания.

2. Выпишите из повести все описания внешности Пугачева. Проследите за их изменениями. Как эти изменения связаны с постепенным раскрытием личности персонажа? Какой из данных портретов Пугачева вы бы взяли за основу иллюстрации к пушкинскому произведению?

3. Сопоставьте известные вам факты из истории пугачевского восстания с их изображением в «Капитанской дочке». Поясните основные различия между историческим и художественным описаниями одних и тех же исторических событий.

4. Как вы думаете, зачем писатель ввел в повесть образ Швабрина? Какие чувства у вас вызывает этот герой?

5. Сравните образы Гринева и Швабрина. Укажите их общие и различные черты.

6. Что позволяет Маше и Гриневу физически и нравственно выжить в трудных испытаниях, обусловленных бурными историческими событиями? В чем проявляется духовное родство этих героев?

7. Охарактеризуйте отношения Петра с Савельичем. На чем они основаны? В каких эпизодах старый слуга проявляет поразительную преданность молодому барину? Какие черты народного характера поглощены в образе Савельича?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Гринев и Пугачев в повести нередко попадают в схожие ситуации. Найдите их в тексте. Какие душевные проявления объединяют этих героев? А какие чувства эти герои испытывают друг к другу?

2. В чем заключается незаурядность пушкинского Пугачева? Какие черты характера позволили ему стать вождем крестьянского восстания? На чем, по вашему мнению, держался авторитет этого героя в народе? Какие детали свидетельствуют о том, что Пугачев предвидел трагическую развязку своей судьбы?

3. Какие особенности поведения Петра определяются его принадлежностью к дворянскому сословию? Укажите моменты, в которых дворянские представления героя вступают в противоречие со свойственной ему человечностью. Что, как вам кажется, для героя важнее: долг дворя-

нина или не всегда совпадающий с этим долгом принцип гуманности? А для автора?

4. Было ли, по вашему мнению, избавление Петра от несправедливого судебного приговора счастливой случайностью?

5. Почему Пушкин написал повесть от лица Гринева? Что изменилось бы в произведении, если бы оно было написано от лица самого автора?

III. Учимся фантазировать

Выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Представьте, что «Капитанская дочка» была бы написана от лица Швабрина. Как в этом случае изменились бы оценки событий и героев?

Б. Подготовьте речь в защиту арестованного царскими генералами Гринева. Отберите наиболее существенные для его оправдания факты.

В. Пофантазируйте на тему того, как сложится жизнь Гринева и Маши в будущем. Как, по вашему мнению, поведут себя их потомки во время декабристского восстания? Какое наставление мог бы дать постаревший Петр своему сыну, отправляющемуся на военную службу?

IV. Филологический мастер-класс

Групповая работа. Разбившись на пять групп, выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Укажите примеры использования в «Капитанской дочке» фольклорного материала — народных сказок, песен, пословиц и поговорок. Найдите в сюжете тройные повторы ситуаций. Раскройте художественно-смысловое значение фольклорных элементов в повести.

Б. Выпишите все эпиграфы к главам повести. Объясните их смысловую нагрузку. Почему автор предварил повесть о пугачевском восстании эпиграфом «Береги честь смолоду»?

В. В произведениях Пушкина сны героев всегда заключают в себе важное символическое значение. Предложите свою версию толкования сна Петра Гринева.

Г. Найдите в тексте описания природы. Объясните, какую роль они играют в повести.

Д. Сюжет «Капитанской дочки» построен на вариациях одних и тех же ситуаций. Укажите такие вариации, продолжив следующие предложения:

• При встрече в крепости Петр не узнал в предводителе мятежников случайного провожатого. — При встрече в Царском Селе Маша не узнала...

• Гринев подарил заячий тулуп Пугачеву. — Пугачев подарил...

• Швабрин дважды добивался руки и сердца Маши. — Гринев...

• Гринев и Швабрин дважды пытались провести поединок: в первый раз...

• Гринев дважды предстает перед судом: в первый раз...

• Гринев спасает Машу от Швабрина — Маша...

• Пугачев проявляет милосердие к дочери казненного им капитана — императрица ...

Подумайте, чему служит прием варьирования одних и тех же ситуаций в пушкинском произведении.

Творческое задание. Напишите сочинение-характеристику на одну из предложенных ниже тем:

А. «Светлые и темные стороны личности Пугачева в повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина».

Б. «Петр Гринев как тип русского дворянина XVIII в. и образ гуманного человека «жестокоего века»».

Глава 5

«Я КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЕССМЕРТНЫМ СДЕЛАТЬ БЫ ЖЕЛАЛ, КАК ТЕНЬ ВЕЛИКОГО ГЕРОЯ»

Что вы знаете о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова? Вспомните произведения этого поэта, которые вы изучали в предыдущих классах.

Еще в течение своей короткой, как вспышка молнии, жизни М.Ю. Лермонтов был признан поэтом, достойным звания творческого наследника А.С. Пушкина. Впрочем, признавая это, современники в то же время отмечали очевидные различия между двумя художниками. Действительно, рядом с гармоничным, многоликим и «солнечным» Пушкиным его преемник казался «рыцарем печального образа», истерзанным внутренними противоречиями и неравной борьбой с окружающим миром, в котором он не мог найти себе должного применения. Такой духовный облик сложился не только в силу особенностей натуры Лермонтова, но и под воздействием эпохи, с которой совпал его недолгий век. Что же это была за эпоха?

*Михаил Юрьевич
Лермонтов
(1814–1841)*

На первый взгляд, от Пушкина Лермонтова отделяет не такой уж большой промежуток времени. Он ушел из жизни всего через четыре года после гибели своего предшественника и, в общем, был его младшим современником. Однако годы юности и молодости Лермонтова протекали в условиях иной атмосферы, сформировавшейся после поражения декабристского восстания.

Разгром декабристского движения нанес удар по планам освобождения России от цепей рабства. Охранявшее себя самодержавие методично искореняло любые признаки вольномыслия и насаждало жесткий контроль над всеми сферами духовной жизни общества. В условиях такой политики доноительство стало чуть ли не нормой поведения, больше того — своего рода модой. Один из современников вспоминал: «Москва наполнилась шпионами. Все промотавшиеся купеческие сынки; вся бродячая дрянь, неспособная к трудам службы; весь сброд человеческого общества подвинулся отыскивать добро и зло, загибая с двух сторон деньги: и от жандармов за шпионство, и от честных людей, угрожая доносом». Таким образом, если поколение декабристов утвердило в обществе позицию самоотверженной борьбы с царским режимом, то последующее поколение предпочло такой борьбе откровенное, не брезговавшее самыми низкими средствами союзничество с самодержавием. Но страшнее всего было то, что общественное мнение не оказывало сопротивления ни царскому произволу, ни заискивающим перед правительством доносчикам-доброхотам. Лишившись в лице декабристов самой лучшей своей части, общество утратило моральные ориентиры. Духовное измельчание и падение нравов стали характерными чертами его духовного портрета.

Таким обществом был окружен Лермонтов; таким воздухом он дышал. Однако умом и сердцем поэт принадлежал другой эпохе, когда в чести были «души прекрасные порывы», вдохновлявшие на самоотверженные поступки, когда в обществе задавали тон незаурядные, богатырские по своему духовному складу личности. Показательно, что любимой его забавой в детстве была игра «в богатыри», во время которой он, обрядившись в соответствующий костюм, воображал себя могучим воином, вступившим на бой с силами зла. Показательно также и то, что долго, вплоть до шестнадцати лет, Лермонтов сохранял живой интерес к подобным играм. В этих, казалось бы, незначительных подробностях проявляются весьма значительные особенности личности поэта: ощущение огромности собственного внутреннего мира, сознание своей исключительности и призванности к великим свершениям.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей, —

писал семнадцатилетний Михаил, еще совсем недавно примерявший картонные богатырские доспехи.

Развитию этих черт характера способствовали обстоятельства юности поэта. Рано лишившись родителей (после преждевременной смерти матери ему не разрешалось видеться с отцом), Михаил остался на попечении бабушки, не чаявшей в нем души. Вокруг обожаемого внука-сироты вращалась вся жизнь в ее имении. Понятно, что любимец дома, избалованный свободным и нежным воспитанием, не лучшим образом чувствовал себя в учебных заведениях, предъявлявших к нему стандартные требования. Поэтому и в Московском университетском благородном пансионе, и, позже, в Московском университете он так и не смог «вписаться» в среду своих сверстников. Но тяжелей всего Лермонтову пришлось в Петербургском военном училище (именовавшемся тогда Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров), где к уже знакомым ему сложностям пребывания в учебном заведении прибавилась еще и ежедневная, столь же суровая, сколь и бессмысленная муштра. Сохранить свое «я», не растратить душевный пыл на пустяки Лермонтову помогло все то же чувство избранности и поэтическое творчество.

«Страшная жажда песнопения» побуждала юношу писать стихи в огромном, почти невероятном для его возраста количестве. Достаточно сказать, что к первым годам обучения в университете Лермонтовым было создано две трети всего его поэтического наследия. Поначалу он просто «зарифмовывал» мысли для себя, не помышляя о том, чтобы выносить свои поэтические опыты на суд читателей. Однако со временем его душой овладела надежда на завоевание литературной славы. По окончании Школы юнкеров Лермонтов попытался заявить о себе как о сочинителе, представив к публикации драму «Маскарад», но царская цензура, признав ее безнравственной, перекрыла молодому автору путь к читателям. Запрет на публикацию не был снят и после переработки драмы. Подавленный первой неудачей, поэт практически перестал писать новые произведения, сосредоточившись на переделке старых текстов и переводах.

Час его славы пробил на следующий день после гибели Пушкина. В глазах Лермонтова Пушкин был духовным гигантом, воплощением «Свободы, Гения и Славы», идеалов, начертанных на знамени декабристского движения. Поэтому смерть Пушкина он пережил не только как утрату для всей русской культуры, но и как расправу над духом героической эпохи, утвердившую победу ничтожества над величием. Все эти чувства выплеснулись в его стихотворении «Смерть поэта», мигом разлетевшемся по всему Петербургу. Попало оно и в руки императора Николая I.

Эполеты
М.Ю. Лермонтова

Вокруг гибели Пушкина было немало пересудов, намекавших на то, что в этом деле не обошлось без вмешательства властей, поэтому правительство старалось пресекать любые разговоры на эту тему. Но тут появилось стихотворение неизвестного автора, который осмелился прямо обвинить в убийстве великого поэта и «трон», и теснившуюся подле него «жадную толпу», да еще пригрозил «палачам» Божьим судом! Нетрудно представить, какое возмущение вызвало это сочинение в императорском дворце. Спустя несколько недель Лермонтов был арестован и отправлен воевать на Кавказ. С детских лет восхищавшийся богатырями, с юности стремившийся «каждый день» своей жизни «бессмертным сделать... как тень великого героя», двадцатитрехлетний поэт одним этим стихотворением совершил поступок, достойный того, о чем мечтал.

Впереди у Лермонтова оставалось всего лишь четыре года жизни. За это время он не раз проявлял недюжинную внутреннюю силу — и в сражениях с горцами, и в противостоянии интригам светского общества, и в столкновениях с властями, и в творческих свершениях. Но это не помогло ему избавиться от чувства непоправимого разлада со своим временем, в котором, несмотря на лихорадочные поиски, он так и не находил места для приложения данной ему от природы духовной мощи. Слишком велик был размах чувств и требований поэта, чтобы вписаться в эпоху, привыкшую мерить себя малой меркой. Лермонтов смотрел на нее с высоты вчерашних богатырей духа, которые сначала без страха и упрека громили непобедимую наполеоновскую армию, позже, жертвуя своим благополучием, сражались за свободу и права своего народа, а затем с гордо поднятой головой следовали на каторгу и в ссылку. Оглядывая с этой высоты свое поколение, поэт устами созданного им персонажа — участника Бородинской битвы — выносил приговор, выражавший и восхищение перед героическим прошлым, и презрение к неприглядной современности:

Да, были люди в наше время,
не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Рукопись драмы
М.Ю. Лермонтова
«Маскарад» с резолюцией
цензора — «Запретить»

1. Чем эпоха юности М.Ю. Лермонтова отличалась от эпохи молодости А.С. Пушкина? Охарактеризуйте общественную атмосферу, в которой формировалась личность М.Ю. Лермонтова. Какое воздействие она оказывала на мировосприятие поэта?
2. Укажите другие обстоятельства, повлиявшие на становление характера М.Ю. Лермонтова.
3. Как начался творческий путь поэта? По какой причине ему не удалось опубликовать первое переданное в печать произведение? Как оно называлось?
4. Назовите стихотворение, которое принесло Лермонтову широкую известность. С чем был связан огромный успех этого произведения? Как в нем проявилось гражданское и человеческое мужество автора?
5. Почему Лермонтов не принимал свою современность? В каких лермонтовских произведениях, изученных вами в предыдущих классах, прослеживается неприятие окружающей действительности?

Перед чтением. Читая помещенную ниже поэму М.Ю. Лермонтова, подумайте над тем, что ее роднит с народными историческими песнями.

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
 Про тебя нашу песню сложили мы,
 Про твое любимого опричника
 Да про смелого купца, про Калашникова;
 Мы сложили ее на старинный лад,
 Мы певали ее под гуслирный звон
 И причитывали да присказывали.
 Православный народ ею тешился,
 А боярин Матвей Ромодановский
 Нам чарку поднес меду пенного,
 А боярыня его белолицая
 Поднесла нам на блюде серебряном
 Полотенце новое, шелком шитое.
 Угощали нас три дни, три ночи
 И всё слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
 Не любятся им тучки синие:
 То за трапезой сидит во златом венце,
 Сидит грозный царь Иван Васильевич.
 Позади его стоят стольники,
 Супротив его всё бояре да князья,
 По бокам его всё опричники;
 И пирует царь во славу Божию,
 В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славил.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На молодого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное —
И очнулся тогда добрый молодец.

*В. Васнецов. Царь Иван
Васильевич Грозный*

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич.
Царской радостью гнушались;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!...»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак¹ мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля острая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодухи
И любят, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любит,
Полосатой фатой закрывается...

К. Маковский. Боярышня

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божиим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою цалуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитривной.

¹ Аргама́к — верховая лошадь восточной породы.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельцо браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развееся!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахемышленой поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ой ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквях;
За Кремлем горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

А. Васнецов. Старая Москва. Улица в Китай-городе

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитриевна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович!
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитриевна;
Вот уж поп прошел с молодой попадшей,
Засветили свечу, сели ужинать,—
А по сию пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами

Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

И, услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютой,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:
«Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать,
И, цалуя, всё приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полوبي меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок — твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, оскрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьими слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой

На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?
На какой ты радости разыгралась?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,

И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит,
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершись в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, басурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич

Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому¹ боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать поэму

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Кратко перескажите содержание прочитанной поэмы. Какие стороны человеческих отношений в ней освещены? Что придает ее сюжету величественное звучание? Выберите наиболее понравившийся вам

¹ Тороватый — щедрый.

отрывок из «Песни...» и подготовьтесь к его выразительному чтению в классе.

2. Чем, по вашему мнению, было чувство Кирибеевича к Алене Дмитриевне: настоящей любовью или прихотью любимца царя, привыкшего к тому, что ему многое позволено? Почему опричник не сказал царю всей правды? Хотел ли он причинить зло понравившейся женщине? В чем заключалась его вина?

3. Найдите в «Песне...» описание внешности Алены Дмитриевны. Как в нем выражается отношение «рассказчика» к молодой женщине? Что сближает это описание с традиционным для фольклора портретом русской красавицы?

4. Почему купец Калашников решил судить обидчика жены своим судом? Что он защищал во время поединка? Почему, честно признавшись царю в умышленном убийстве, Калашников отказался открыть причину своего поступка? Была ли оправдана высокая цена, которую он заплатил за право нанести врагу ответный удар? Отвечая на этот вопрос, опирайтесь на представления персонажей «Песни...» — современников Ивана Грозного.

5. Какие подробности и средства художественной выразительности приближают бой Кирибеевича и Калашникова к богатырскому сражению? Каким чувством проникнуто описание гибели Кирибеевича? О чем оно свидетельствует?

Можно поспорить! Каким предстает в лермонтовской «Песне...» Иван IV: справедливым, щедрым и мудрым правителем или подозрительным и жестоким самодержцем? Обоснуйте свой ответ примерами из текста.

6. Какие художественные средства подчеркивают «грозную» натуру царя?

Работа в парах. Проясните смысл следующих художественных деталей: А. Почему, несмотря на свою невиновность, Алена Дмитриевна «затряслась, как листочек осиновый», когда увидела мужа? Какую сторону семейных отношений XVI в. приоткрывает эта деталь?

Б. Отчего, услышав речь Калашникова, царский опричник «побледнел в лице, как осенний снег»?

В. Кому и чему кланяются противники перед началом боя? Раскройте смысл этих подробностей.

Г. Почему в конце поэмы дается описание могилы купца, а о могиле опричника не говорится ни слова?

Д. Почему в заглавии поэмы первое место отведено царю?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Какие сведения об укладе русской жизни XVI в. (быте, нравах, семейных отношениях, развлечениях и т.п.) вы почерпнули из «Песни...»?

2. Кому из соперников, по вашему мнению, симпатизирует автор? Аргументируйте свою точку зрения цитатами. А как относитесь к этим персонажам вы?

3. Как вы думаете, что побудило поэта обратиться к теме исторического прошлого? Раскройте связь содержания «Песни...» с известными вам особенностями лермонтовского мировосприятия.

4. Своеобразной иллюстрацией к лермонтовской поэме может служить портрет Ивана Грозного, написанный В. Васнецовым (страница 129). Вот как характеризуется данный портрет искусствоведами: «Образ Грозного предстает на картине во всем величии. Это человек твердой воли, решительный, умный, суровый, замкнутый в себе, подозритель-

ный... глубоко одинокий. Фигура Грозного в рост занимает по вертикали почти все полотно, что при малой ширине картины усиливает впечатление величественности, возвышения Грозного над окружением. Но при этом фигура царя сливается с этим окружением, что подчеркивается единством орнамента одежды Грозного и фона...» Сравните указанный портрет с образом Ивана Грозного из лермонтовской «Песни...». Что у них общего?

III. Учимся фантазировать

Как, по вашему мнению, изменился бы ход событий, если бы...

А. ...Кирибеевич рассказал царю всю правду?

Б. ...купец объяснил Ивану Грозному, почему он посмел поднять руку на опричника?

IV. Филологический мастер-класс

1. Укажите в «Песне...» элементы, характерные для фольклорных песен: зачин, припев и концовку; приведите примеры использования в ней постоянных эпитетов, гипербол, сравнений, олицетворений и отрицательного параллелизма. Объясните цель их использования в лермонтовской поэме.

2. Какие художественные средства использует автор в описании зари в день кулачного боя?

3. Докажите, что «Песня...» является поэмой (при необходимости обновить в памяти определение жанра поэмы, обратитесь к словарю, помещенному в конце учебника).

4. Ознакомившись с историческими сведениями, помещенными ниже в рубрике «Комментарий профессора Архивайкина», расскажите, что нового они прибавили к вашему восприятию поэмы Лермонтова.

Комментарий профессора Архивайкина

На кого поднял руку купец Калашников? Эпоха правления Ивана IV (Грозного) была под стать самому правителю: противоречивой и грозной.

С одной стороны, она характеризовалась стремительным ростом могущества Российского государства. В течение этого периода были покорены Казанское и Астраханское ханства, заселен Центрально-Черноземный район, завоеваны Северный и Центральный Урал, а также западная часть Сибири. Иван IV провел также важные реформы: принял свод законов Московского государства, создал профессиональную армию, государственные ведомства, ввел наказания для чиновников. Кроме того, будучи одним из самых образованных людей своего времени (к тому же еще наделенным незаурядными литературными и музыкальными способностями), Иван Васильевич способствовал организации книгопечатания и строительству знаменитого храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

Однако в историю России Иван Грозный вошел не только как выдающийся государственный деятель и реформатор, но и как тиран, отличавшийся исключительной, граничившей с безумием жестокостью. Большая часть его правления сопровождалась насилием и массовыми казнями. Стремясь к безграничной власти над страной, царь безжалостно уничтожал всех, кто вставал на его пути. Болезненно мнительный и мстительный,

он на каждом шагу видел «государственную измену» и искоренял ее огнем и мечом. Тех, на кого падала тень подозрения, ожидали страшные пытки. Коварные интриги, наветы и тайные расправы стали обычным средством устранения неудобных подданных. Особенно царь не терпел честных и независимых людей, заступавшихся за жертв несправедливости и произвола.

Для расправ над видными представителями русской знати и укрепления своей власти Иван Грозный организовал особое войско — опричнину. Опричники одевались в черную одежду, подобную монашеской. Конные опричники имели особые «знаки отличия», ставшие мрачными символами эпохи: метлу, чтобы выметать измену, и собачьи головы, чтобы выгрызть измену. Первоначально в опричнину была взята тысяча в основном служилых людей, хотя были в ней и представители некоторых старых княжеских и боярских родов. Со временем количество опричников выросло до шести тысяч человек. Освобожденные от судебной ответственности и развращенные высочайшим покровительством, они терроризировали население разбоем, грабежами и резней, по приказу царя отнимали у бояр земли, громили дома и даже целые города, подозреваемые в непокорстве.

Одним из самых лютых опричников считался Малюта Скуратов, явившийся характерным порождением кровавой эпохи Ивана Грозного. Следуя «бездумным царским прихотям», он стал любимцем Ивана Грозного. Его имя наводило ужас на всю Россию, что отражает, в частности, известная поговорка: «Не так страшен царь, как его Малюта». Образ душегуба-палача, который под видом усердного выполнения царских приказов удовлетворял собственное властолюбие и потребность в мучительстве, вошел и в исторические песни русского народа. Сближая свою поэму с народной песней, Лермонтов тоже упомянул в ней имя Малюты Скуратова. ●

Глава 6

«КАК МНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ БЕСЧЕЛОВЕЧЬЯ»

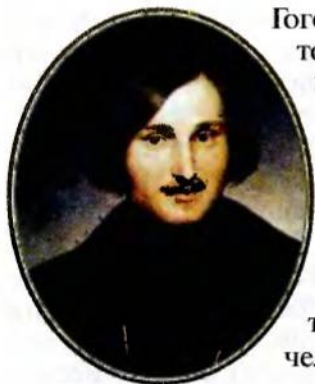

Что связывало Н.В. Гоголя с Украиной? Как эта связь отразилась в гоголевских произведениях, с которыми вы познакомились в предыдущих классах?

У истоков «золотого века» русской литературы стоят три крупнейшие фигуры — А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и Н.В. Гоголь. Каждый из них открывал определенную грань этой литературы. Так, Пушкин осмыслил своеобразие национального русского характера; Лермонтов обнажал внутренние противоречия человеческой души; Гоголь преимущественно исследовал низшие, «приземленные» сферы действительности, или, по его же словам, «дрязги жизни».

Впрочем, в книгах Гоголя обнаруживается немало точек соприкосновения с творческими установками его великих современников. Подобно своему старшему товарищу Пушкину, он с сочувствием изображал «маленького человека», страдающего от враждебности окружающего мира, и с откровенным любованием живописал богатые некнижной мудростью народные типы. Вместе с тем, будучи представителем последекабристского поколения,

**Николай Васильевич
Гоголь
(1809–1852)**

Гоголь испытывал родственные Лермонтову чувства тоски по идеалу и неудовлетворенности современностью. Этими чувствами определялись два направления развития гоголевской прозы.

В русле первого создавались произведения, проникнутые духом романтики (сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», повесть «Тарас Бульба» и др.); в русле второго — художественные тексты, обличавшие те изъяны личности и общества, которые делают жизнь негуманной, недостойной человека (сборник «Петербургские повести», роман «Мертвые души»). Однако неверно было бы думать, будто данные направления существовали независимо друг от друга. Показательным примером их тесного переплетения может служить сборник

«Миргород», под обложкой которого были собраны овеянные романтикой истории из прошлого украинского народа и повести, изображавшие удручающую скуку современной писателю провинциальной жизни. Да и в других гоголевских произведениях мы часто наблюдаем, как жестокая критика общественных нравов соединяется с задушевыми романтическими описаниями или невероятными фантастическими происшествиями.

Общей мировоззренческой почвой обоих направлений была твердая вера писателя в духовное возрождение человека. Высмеивая глупые несообразности обыденного существования, настойчиво показывая, по словам Пушкина, «пошлость пошлого человека», Н.В. Гоголь искренне надеялся подвигнуть читателей к самосовершенствованию, которое бы позволило им избавиться от отравляющего жизнь «бесчеловечья». Будучи глубоко религиозным человеком, он считал, что такое самосовершенствование должно осуществляться на основе христианской морали. Обратит современников к этой морали, пробудить в обществе потребность в самовоспитании — вот в чем видел свое писательское предназначение Н.В. Гоголь.

Особенно широкими возможностями воздействия на публику, по его мнению, обладала театральная сцена. «Театр ничуть не безделица, — уверял писатель, — и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти-шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, разбитая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясеньем, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра».

Интерес к сценическому действу у Гоголя проснулся еще в детские годы. Отчасти — под влиянием знакомства с украинским народным театром, вертепом¹. Но в первую очередь — благодаря отцу, который сам сочинял комедии на украинском языке, сам ставил их в домашнем театре своего дальнего родственника и влиятельного покровителя Д.П. Трошинского и

¹ Вертеп — распространенный в старину передвижной кукольный театр для представления пьес религиозного и светского содержания.

сам же играл в них главные роли. Будущий писатель унаследовал от отца не только пристрастие к театру, но и способность к сценическому перевоплощению.

Эти склонности сполна проявились в годы обучения в Нежинской гимназии высших наук, где Николай был одним из заправил ученического театра, выступая в качестве автора пьес, режиссера, оформителя декораций и актера. Ему доставались преимущественно комические роли, которые он исполнял так, что публика покатывалась со смеху. Ободренный успехом на гимназической сцене, Гоголь после переезда в Петербург предпринял попытку стать актером. Явившись к директору Императорских театров князю Гагарину, он изъявил желание поступить на сцену и тотчас же был направлен на испытание к авторитетному знатоку актерского искусства, однако, вопреки ожиданиям, с экзаменом не справился. Трудно сказать, что сыграло решающую роль — сильное смущение экзаменуемого или предубежденность экзаменатора, предпочитавшего естественной и простой манере чтения Гоголя старомодную, во многом искусственную декламацию, — но только испытание обернулось для молодого человека полным провалом. Приговор экзаменатора гласил, что у прослушанного им претендента в актеры нет «решительно никаких способностей для театра» и что его можно использовать в спектакле «разве что на выход» (так на театральном языке назывались люди, которым поручалось на сцене выносить письма, подавать стулья и совершать прочие «подсобные» действия). Забавно, что спустя каких-нибудь пять-шесть лет после упомянутого приговора «забракованный» для театра писатель, уже прославивший свое имя книгами «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», написал гениальную комедию «Ревизор», которая произвела настоящий взрыв на русской сцене.

История создания этой пьесы связана с именем Пушкина. Задумав написать комедию на тему из русской жизни, Гоголь обратился к поэту с просьбой: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русский чисто анекдот». И, по свидетельству Гоголя, Пушкин действительно подсказал новый сюжет, рассказав историю о некоем господине, который в провинции выдал себя за важного петербургского чиновника. Пушкину было известно даже несколько подобных историй. Он и сам едва не попал в похожее положение, когда во время путешествия из Нижнего Новгорода в Оренбург был принят за присланного в губернию ревизора.

Иными словами, ситуация была в известном смысле типичная. Но при всей своей типичности и комичности история с мнимым ревизором в сущности не содержала в себе ничего примечательного. А вот под пером Гоголя она развернулась в широчайшую «смехопанораму», охватившую едва ли не все тогдашнее общество. Недаром Николай I, от души смеявшийся во время премьеры «Ревизора», по завершении спектакля произнес: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне — более всех!» Объясняя масштабность замысла своего произведения, писатель отмечал: «Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего. В “Ревизоре” я решился собрать в кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним

разом посмеяться над всем». Именно потому, что, осмеивая «все несправедливости», писатель исходил из представлений о том, как на самом деле должна быть устроена человеческая жизнь, в его произведении прозвучал особый смех — «смех сквозь слезы». Один из литературных критиков того времени писал: «...ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи, но внутри это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалами испутано».

Несмотря на очевидный успех премьеры «Ревизора» на сцене Александринского театра, Гоголь своей пьесой был недоволен. Поэтому через несколько лет он доработал текст, придав афористическую чеканность речи персонажей и заострив социально-критическую направленность ее сюжета в целом. Именно во второй редакции появилось знаменитое обращение одного из героев к залу, звучавшее как обличительный вызов всей России: «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!..» Эта фраза стала своеобразной эмблемой гоголевского «смеха сквозь слезы».

И хотя главным пафосом комедии было высмеивание постыдных явлений русской общественной жизни первой половины XIX в., изображенные в ней характеры и ситуации обладали столь мощным обобщенным значением, что пьеса вышла далеко за пределы собственной эпохи, заслужив гордое звание «бессмертной». С течением времени выяснилось, что вскрытые в ней уродства социальной жизни, равно как и обрисованные в ней человеческие типы, существуют повсюду, в любом обществе. Поэтому и сегодня на спектаклях по «Ревизору», которые идут на сценах театров разных стран, зрители искренне смеются, узнавая в гоголевских персонажах своих современников, а в бичуемых на сцене пороках общественного устройства — проблемы, с которыми они сплошь и рядом сталкиваются в собственной повседневной жизни. Поэтому же закрепившееся за комедией определение «бессмертная» отражает не только ее художественное, но и общественно-моральное значение: разоблачая в пьесе ненасытных казнокрадов, бесстыдных подхалимов, завравшихся хвастунов, падких на дешевый блеск обывателей, Гоголь учит понимать истинную цену спесивых и безнравственных чиновников, а вместе с тем — быть свободными от всевозможных форм «бесчеловечья» общественной жизни.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Чем отличается творчество Н.В. Гоголя от художественного наследия двух других представителей начала «золотого века» русской литературы — А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова?
2. Как Н.В. Гоголь воспринимал театр? Каким образом его страсть к театру проявилась в годы детства и юности?
3. Расскажите об истории создания комедии «Ревизор». Чем обусловлено непреходящее значение этого произведения?
4. Как вы понимаете выражение «смех сквозь слезы»? Что оно означает применительно к «Ревизору»?

Перед чтением. Раскройте смысл пословицы, использованной в качестве эпиграфа к помещенной ниже комедии Н.В. Гоголя.

Ревизор

Комедия в пяти действиях (В сокращении)

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский } городские помещики.

Петр Иванович Бобчинский }

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Андреевич Люлюков

Иван Лазаревич Растаковский } отставные чиновники, почетные

Степан Иванович Коробкин } лица в городе.

Степан Ильич Уховертов, частный пристав.

Свистунов

Пуговицын } полицейские.

Держиморда }

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мешане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно сурьезен; несколько даже резонер¹; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости

¹ Резонёр — человек, который любит рассуждать длинно и нравоучительно.

к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит только в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений: оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Работа в парах. Обсудите следующие вопросы:

А. Зачем, по вашему мнению, Гоголь составил подробные «Замечания для господ актеров»? На что в своих рекомендациях он обратил их внимание?

Б. Какие имена и фамилии персонажей в списке действующих лиц кажутся вам наиболее комичными? Найдите в этом перечне «говорящие» фамилии. О чем они «говорят»? О чем свидетельствуют указанные в списке должности героев? Почему, по вашему мнению, список начинается с городничего?

В. Что на основании рекомендаций автора можно сказать:

- о жизни городничего и его главных душевных качествах?
- о внутреннем мире жены городничего?
- о главных отличительных чертах характера Хлестакова? (Объясните значение выражения «человек без царя в голове»);
- об отношениях Хлестакова с его слугой Осипом?
- о Бобчинском и Добчинском?

Как вы думаете, почему автор дает Бобчинскому и Добчинскому одну характеристику на двоих?

Г. На какую особенность общего замысла пьесы указывает следующее замечание автора: «Прочие роли не требуют особых изъяснений: оригиналы их почти всегда находятся пред глазами»?

Д. На какой сцене Гоголь акцентирует внимание актеров? Что для него важно при исполнении этой сцены?

Е. Кто из перечисленных в списке действующих лиц является, по вашим прогнозам, главным героем комедии?

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений,
смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь,
два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видел: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! вот: «Спешу, между прочим, уведомить

тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дни я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром. (...) Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил. Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий
на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там,

как проедет ревизор, пожалуй опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено. (...)

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль... (...)

Городничий. (...) А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Одни из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взопевши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак *(делает гримасу)*, и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая

Рисунок Д. Кардовского

голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую соорудит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, — скажет, — здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо! (...)

● Городничий велел почтмейстеру просматривать все письма, задерживать все жалобы и донесения. Почтмейстер с удовольствием согласился выполнить это распоряжение. Вскоре появились Бобчинский и Добчинский с известием о том, что в гостинице вот уже вторую неделю живет молодой петербургский чиновник Хлестаков, по всем приметам похожий на ожидаемого ревизора. Городничий поторопился навестить загадочного гостя. ●

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дороною денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячит-ся. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. (...) А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеятр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нем всего ос-

танется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, английское! рублев полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? — оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

● В комнату вошел Хлестаков. Он хотел было отправить Осипа за обедом, однако слуга отказался выполнять его приказ, сославшись на то, что трактирщик больше не желает кормить в долг да еще грозитя нажаловаться на должников городничему. Тем не менее голодный Хлестаков настоял на своем. По возвращении из буфета Осип сообщил новость: в трактир явился городничий и желает видеть Хлестакова. Молодой чиновник не на шутку испугался. ●

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий вошел, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков *(сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко)*. Да что ж делать?.. Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морил голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий *(робея)*. Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переселиться со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть — в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. *(Бодрится.)* Я, я, я...

Рисунок Д. Кардовского

Городничий (*в сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь
и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу. (...) Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четырехста ввернул. (...)

Городничий и Добчинский садятся. Бобчинский выглядывает
в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! (*Вслух.*) Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видел: как собаки кусают. (...)

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке. (...)

● Перед тем как привезти Хлестакова к себе домой, городничий решил показать ему общественные заведения города. Тем временем в доме городничего шли лихорадочные приготовления к приему почетного гостя. ●

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Почему известие о появлении ревизора повергло в ужас городских чиновников? На что были нацелены срочные распоряжения городничего?

2. В каком состоянии в городе находились больница, присутственные места и учебные заведения? Обоснуйте свой ответ примерами из текста.

3. Опираясь на текст прочитанного отрывка, приведите примеры того, как ремарки помогают раскрыть характеры персонажей. Что представляет собой Хлестаков? Какой образ жизни он вел в Петербурге и почему задержался в гостинице уездного города?

4. Что чувствовали городничий и Хлестаков в первые минуты разговора друг с другом? Почему городничий не придавал значения очевидным «странным» в поведении и речи Хлестакова? Какие особенности поведения и характера молодого человека укрепили его предположение в том, что это и есть ревизор?

5. Из каких побуждений Сквозник-Дмухановский пригласил Хлестакова к себе в дом? Почему он решил «дать взаймы» гостю сумму в два раза большую, чем назвал?

6. Спрогнозируйте дальнейший ход событий.

7. Нарисуйте словесные портреты городничего и Хлестакова.

Действие третье

Комната первого действия.

● Наконец Хлестаков прибыл в дом городничего. ●

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу. Городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

(...) Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком. (...)

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

● Городничий представил Хлестакову жену и дочь. Дамы тут же принялись расспрашивать гостя о жизни в Петербурге. ●

(...) Хлестаков. Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, такая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассесором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вместе	{	Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
		Артемий Филиппович. Мы постоим.
		Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!
		Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин даст за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист¹ свой составил: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Рисунок П. Боклевского

¹ Вист — род карточной игры.

Городничий и прочие с робостью встают с своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подождут, бывало, — нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! «Каково положение?» — я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, всё дрожит и трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха.

Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната и всё что нужно. (...)

● Хлестаков удалился в свою комнату. Городничий приказал Держиморде и Сви-стунову никого из просителей не допускать к Хлестакову. А в это время чиновники провели тайное совещание, на котором решили, что могущественному ревизору следует «подсунуть» взятки. Первым, замирая от страха, это проделал судья Ляпкин-Тяпкин. Его примеру последовали Шпекин, Хлопов, Земляника. Хлестаков охотно принимал подношения под видом одалживания денег. Последними к нему явились Бобчинский и Добчинский. ●

Действие четвертое

Та же комната в доме городничего.

(...) Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. (...) (*Вдруг и отрывисто.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (*громко и скоро*). Взаимы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего. (...)

Хлестаков. Ну, всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это всё равно. (*Принимает деньги.*) (...)

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. (*Выпровождает их.*)

Рисунок П. Боклевского

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статьи — пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньги тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаимы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замас-

ленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! за тысячу перевалило. Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

● Хлестаков живо сочинил письмо петербургскому приятелю. Мудрый Осип, опасаясь скорого разоблачения, убедил хозяина покинуть город. Хлестаков велел ему готовиться к отъезду, а сам продолжил прием посетителей. ●

Явление X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

(...) Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придет в лавку и, что ни попадет, всё берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанеешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста — ну, тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы — я ни слова, я возьму.

Купцы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (*кланяясь*). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.
Хлестаков. О нет, я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай всё! всё пойдет впрок. Что там? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому.
Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

Явление XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

(...) Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал мошенник, сделал — побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж? он уж тебе не годится». Да я-то знаю — годится или не годится; это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украл, да всё равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! Чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего! А если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Выпровождает старуху.*)

Слесарша (*уходя*). Не забудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подросла, да и схвати меня. Да так отпартовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь оченьгодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще? (*Подходит к окну.*) Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (*Отходя.*) Надоели, черт возьми! Не впускай, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

(...) Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать, никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много. (...)

Хлестаков. (...) Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... (*Придвигая стул.*)

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... (*Отдвигает стул.*)

Хлестаков (*придвигая стул*). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (*отдвигаясь*). Для чего ж близко? всё равно и далеко. Хлестаков (*придвигаясь*). Отчего ж далеко? всё равно и близко.

Марья Антоновна (*отдвигается*). Да к чему ж это?

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это там как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*целует ее в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встает в негодовании*). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (*удерживая ее*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать ее*). Из любви, право из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите! Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидев Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, черт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! И не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте! здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях! Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего! Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слезы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этаким дрянью, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маменька. Право, вперед не буду.

Явление XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! Это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе!

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести. (...)

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло! (...)

● Вошел Осип и объявил, что все готово к отъезду. Хлестаков заверил, что отлучится только на один день, якобы для того, чтобы проведать богатого дядю. После его отъезда городничий с женой принялись строить планы на переезд в Петербург. ●

Действие пятое

Та же комната.

● Слух о сватовстве Хлестакова облетел весь городок. Дом городничего тут же наполнился взволнованными гостями, которые спешили высказать свои поздравления по случаю будущей свадьбы. Но вскоре праздничное настроение было испорчено: почтмейстер принес письмо Хлестакова. ●

(...) Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. (...)

Почтмейстер *(читает)*. «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего... волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нашерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! Там нет этого.

Почтмейстер *(показывает письмо)*. Читайте сами.

Городничий *(читает)*. «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать.*) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает.*) «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...» (*Заикается.*)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй. (...)

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину.*) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдает письмо.*) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем.*) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку. (...)

Аммос Федорович (*в сторону*). Слава Богу, хоть по крайней мере обо мне нет!

Коробкин (*читает*). (...) «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» (*Останавливается.*) Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь наконец пицци для

¹ Моветон (от франц. *mauvais ton* — дурной тон) — невоспитанность.

души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угораздил дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Федорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьет себя по лбу)*. Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. Что губернаторов! *(махнул рукой)* нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю. Мало того что пойдешь в посмешище — найдется шелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут всё скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь?— Над собою смеетесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, шелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы!
(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)

Бобчинский. Ей-ей, не я! и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира:
«Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны прокля-
тые! (...)

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чинов-
ник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно
излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменивши положение,
остается в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростертыми руками и заки-
нутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившим-
ся к нему движением всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в
вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, поте-
рявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три
дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выра-
жением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую
сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок,
как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными

Рисунок неизвестного художника

руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего: за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Чем похвалялся Хлестаков, описывая свою жизнь в Петербурге? Что в этом описании, по вашему мнению, было правдой, а что — ложью? Почему присутствующие поверили его рассказам? В какой части своей речи Хлестаков проговорился, невольно уличив себя во лжи? Каким образом он сумел выпутаться из этого щекотливого положения? Какое впечатление произвело хвастовство Хлестакова на окружающих?
2. Как Хлестаков повел себя с женой и дочерью городничего? Что придает его любовным заигрываниям комичный характер?
3. На что жаловались пробившиеся к Хлестакову горожане? Как он вел себя во время их визитов? А как, узнав об этом, повел себя городничий?
4. Расскажите о разоблачении Хлестакова. Как он в своем письме охарактеризовал городничего и его подчиненных? Согласны ли вы с этими оценками?
5. Что больше всего поразило городничего в истории с мнимым ревизором? Как отреагировали гости городничего на известие о появлении в городе настоящего ревизора?
6. Раскройте значение «немой» сцены, которой заканчивается комедия. Можно поспорить! В «Ревизоре» Гоголь использовал прием двойной развязки интриги: первая происходит во время чтения письма Хлестакова, вторая — в момент получения известия о приезде настоящего ревизора. Объясните, для чего писатель использовал этот прием. Означает ли прибытие настоящего ревизора, что теперь чиновники города предстанут перед справедливым судом?
7. Какие эпизоды пьесы вам показались наиболее смешными? Чем именно они вас рассмешили?

Консультация профессора Филологова

Смех — дело серьезное. Почему мы смеемся? Что делает ситуации, над которыми мы смеемся, комичными? Оказывается, объяснить это не так-то просто. Неслучайно над подобными вопросами размышляли известнейшие философы мира.

Так, немецкий мыслитель *Иммануил Кант* (1724—1804) утверждал, что смех возникает тогда, когда вместо чего-то важного, напряженно ожидаемого происходит нечто совершенно незначительное, то есть случается то, о чем говорит пословица: «Гора родила мышь». Похожую мысль высказал английский философ *Герберт Спенсер* (1820—1903): «Смех... естественно является только тогда, когда сознание неожиданно обращается от великого к малому». Однако смеемся мы не только над превращением «великого» в «малое», но и над разными другими несообразностями, вызванными резкими и забавными

изменениями ситуации. Древнегреческий мыслитель *Аристотель* (384–322 гг. до н.э.) определял смешное как «некую ошибку или безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное». Иной угол зрения на комичное продемонстрировал немецкий философ *Артур Шопенгауэр* (1788–1860), заявив, что смех возникает там, где совершенно разные явления обнаруживают неожиданное, парадоксальное сходство. А французский философ *Анри Бергсон* (1859–1941) отмечал, что комичным становится все, что принимает косные, окаменевшие формы. Наконец, следует помнить также о том, что смех может выступать орудием протеста. Ведь, высмеивая определенные традиции, законы, нравы, суеверия, мы тем самым проявляем свое несогласие с ними. Смех отделяет смеющихся от тех, над кем смеются, и таким образом дает ощущение освобождения от угнетающей повседневной жизни.

Смех располагает своей палитрой изобразительных средств. Одно из самых распространенных среди них — *гиперболизация*, или *преувеличение* (от древнегреч. *hiperbolē* — излишек, преувеличение). Этим приемом охотно пользуются карикатуристы: берется какая-нибудь характерная черта внешности человека и доводится до крайности. Скажем, большой нос или живот на рисунке выглядят неправдоподобно громадными. Иногда гиперболизируются отдельные слова и обороты речи, свойства характера и т.д. При этом важно помнить, что гиперболизация не подразумевает никакого скрытого смысла.

Но существует и другой способ комического высказывания. «Какой добрый, щедрый человек!» — можем сказать мы, подразумевая прямо противоположное, то есть жадность, прижимистость. Такой прием называется *иронией* (от древнегреч. *eironeia* — притворство). Он построен на иносказании и требует определенной культуры восприятия.

Когда ирония становится злой, издевательской, она переходит в *сарказм*. Сарказм не прибегает ни к какой маскировке, ни к какому иносказанию. Он не знает пощады. Недаром этот термин происходит от древнегреческого слова «*sarkazo*», означающего «рву мясо».

Словом, смех в художественном произведении может быть разным: добродушным, легким, мрачным, злым, мстительным, беспощадным... В зависимости от оттенков смеха различают *виды комического*. К числу основных видов принадлежат *юмор* и *сатира*.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАКЛЮЧКА

Юмор — изображение предмета в комическом, смешном виде. При этом внешняя насмешка сочетается с внутренне серьезным, сочувственным отношением к предмету осмеяния, что обусловлено представлением о сложности и многосторонности жизни.

Сатира (лат. *satira* — всякая всячина, смесь) — гневное разоблачение изображаемых явлений, которое предполагает использование намеренно заостренных оценок, вызывающих «убийственный» смех.

Отделить юмористические произведения от сатирических довольно трудно. Обычно только в произведениях малых жанров удается полностью

выдержать юмористический или сатирический тон. Чем крупнее произведение, тем более сложными и многосторонними оказываются переживания как автора, так и читателя. ●

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать комедию

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Перескажите сюжет комедии «Ревизор». Определите ее основной конфликт. На какой интриге держится действие этой пьесы?
2. Какие пороки власти критикует писатель в образе городничего?
3. Охарактеризуйте образ Хлестакова. Сознательно ли этот герой обманывает окружающих? Почему, сам того не желая, он вводит в заблуждение опытных чиновников? Что имеет в виду автор, давая следующую рекомендацию актеру, исполняющему роль Хлестакова: «Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет»?
4. Кого из персонажей вы бы хотели сыграть в спектакле по пьесе «Ревизор»? Обоснуйте свой выбор.

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Какие отрицательные явления общественной жизни высмеиваются в «Ревизоре»? А какие из них распространены в современном обществе?
2. Опираясь на текст пьесы, приведите примеры гоголевского «смеха сквозь слезы».
3. Какое значение в свете сюжета комедии приобретает пословица, использованная в качестве эпиграфа?
4. Какой художественный смысл имеет звучащее в финале пьесы известие о приезде настоящего ревизора?
5. По следам «Ревизора» в обиходную речь вошло слово «хлестаковщина». Как вы думаете, что оно означает?

III. Учимся фантазировать

1. Пофантазируйте на тему того, как будут развиваться события в городе после финальной «немой» сцены.
2. Напишите от имени Сквозник-Дмухановского объяснительную записку на имя настоящего ревизора о состоянии дел в городе.

IV. Филологический мастер-класс

1. Какие виды комического и приемы создания смеховой ситуации используются в «Ревизоре»? Готовя ответ на этот вопрос, используйте сведения, помещенные в рубрике «Консультация профессора Филологова».
2. Первоначально Н.В. Гоголь хотел дать Хлестакову фамилию «Скакунов». Что общего у этих фамилий? А чем они отличаются?
3. Отдельные реплики героев «Ревизора» на правах крылатых выражений вошли в нашу повседневную речь. Прочтите эти выражения и раскройте их обобщенный смысл.
 - «К нам едет ревизор».
 - «Брать взятки борзыми щенками».
 - «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?»
 - «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!»
 - «Все как мухи выздоравливают».
 - «Ну что, брат Пушкин?»

- «У меня легкость необыкновенная в мыслях».
- «Унтер-офицерша сама себя высекла».
- «Совершенная свинья в ермолке».
- «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!..»

Творческое задание. Напишите сочинение — групповую характеристику на тему «Уездный город и его правители в комедии “Ревизор”».

Из истории постановок «Ревизора» на сцене. Другам Гоголя пришлось изрядно похлопотать, чтобы добиться разрешения на первую постановку «Ревизора». Для этого они заручились поддержкой самого императора. Наконец разрешение было получено. 19 апреля 1836 г. комедия была представлена на сцене Александрийского театра в Петербурге, а через месяц — в Москве, в Малом театре, где роль городничего исполнял прославленный русский актер *Михаил Семенович Щепкин*. Гоголь шутил, что Щепкин в его «Ревизоре» мог бы сыграть хоть десять ролей подряд.

Премьера собрала полный зал. Ярко горели огни в огромных люстрах, в ложах сияли ордена и бриллианты, на галерке шумела молодежь — студенты, молодые чиновники, художники. В императорской

Сцена из
спектакля
«Ревизор». Малый
театр. 1883 г.

ложе расположились царь и наследник престола. Незаметно пробрался на свое место и взволнованный автор.

Спектакль прошел успешно. Император лично поблагодарил актеров. Но Гоголя все это не радовало: расстроенный недостатками актерской игры, недоработками собственного текста и реакцией публики, смеявшейся, как ему казалось, вовсе не над тем, над чем следовало, он бежал из театра. Тягостные впечатления усугубились появившимися в печати отдельными критическими отзывами, которые Гоголь воспринял как откровенную травлю. «Все против меня, — жаловался он Щепкину. — Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого... Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня». Растерянный и обиженный, писатель не заметил того, что все передовые люди общества стремились попасть на спектакль по «Ревизору», а издание текста пьесы стало настоящим событием в культурной жизни России. В течение всего XIX в. пьеса не сходила с театральных подмостков.

В XX в. одну из самых ярких и нетрадиционных постановок «Ревизора» на российской сцене предложил известный режиссер-новатор *Всеволод Эмильевич Мейерхольд*. Для спектакля он отобрал актеров, чья внешность максимально соответствовала персонажам пьесы и не требовала грима. Таким образом, он вывел на сцену не просто гоголевские образы, а «людей из жизни». Единственным местом, где Мейерхольд отступил от реалистичности театрального изображения, была «немая» сцена: вместо людей в ней перед публикой предстали бездушные куклы, символизовавшие ужас внутреннего «бесчеловечья» гоголевских персонажей.

А в XXI в. новаторским спектаклем по бессмертной гоголевской комедии публику удивил коллектив актеров из Италии под руководством известного режиссера *Матиаса Лангоффа*. В исполнении этой труппы «Ревизор» превратился в спектакль о бюрократической машине, коррупции и страхе перед разоблачением. В качестве основных декораций режиссер использовал странную конструкцию, состоящую из немыслимого количества стен, дверей, коридоров, лестниц, закутков и комнаток, некоторые из которых могут вращаться вокруг своей оси. Собрание уездных чиновников XIX в., одетых по

Сцена из
спектакля
«Ревизор». Малый
театр. 2006 г.

Каким вы представляете себе современный украинский спектакль по «Ревизору»?

моды 60–70-х годов XX в., напоминает сходку итальянской мафии. Купцы в добротных костюмах и темных очках разговаривают по мобильным телефонам и выписывают Хлестакову чеки, заливаются спенсигналами эскорта начальственных машин, в зал выходят десятские с метлами, жена городничего исполняет танец с лентами, живая собачка бежит по сцене, а в финале пьесы появляются две огромные мохнатые крысы... Все эти новшества призваны подчеркнуть современное звучание пьесы, ее очевидную связь с сегодняшней жизнью. Неслучайно на пресс-конференции режиссер и актеры в один голос утверждали, что русская комедия, изображающая уездный городок XIX в., актуальна для нынешней Италии. Ибо в Италии, как и во многих других странах, есть свои хлестаковы, и городничие, и, разумеется, — страх перед ревизором.

Глава 7

«ИСКАТЕЛЬ ДУШЕВНЫХ КЛАДОВ, ТАЯЩИХСЯ В НЕДРАХ РУССКОГО МИРА»

Вспомните произведение И.С. Тургенева, изученное вами в пятом классе. Какое явление русской общественной жизни XIX в. подвергалось в нем критике?

Иван Сергеевич
Тургенев
(1818–1883)

Иван Сергеевич Тургенев стал достойным преемником лучших гуманистических традиций русской литературы, заложенных А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым и Н.В. Гоголем. Очерчивая место, занимаемое этим художником на русском литературном олимпе, известный писатель М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал: «Литературная деятельность Тургенева имела для нашего общества руководящее значение... Тургенев был человек высокоразвитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом. В этом смысле он явился прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает. Так

что ежели Пушкин имел полное основание сказать о себе, что он пробуждал «добрые чувства», то же самое и с такою же справедливостью мог сказать о себе Тургенев. Это были не какие-нибудь условные «добрые чувства», согласные с тем или другим преходящим веянием, но те простые,

всем доступные, общечеловеческие “добрые чувства”, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты».

Этими «добрыми чувствами» И.С. Тургенев измерял и оценивал общественную жизнь России. Наделенный необычайной чуткостью к ее недугам и прогрессивным течениям, он в своих романах, повестях и рассказах затрагивал острые социальные проблемы. В том числе — проблему общественного неравенства, узаконенного крепостным правом, с которым писатель смолоду поклялся «бороться до конца». Не принимая идеи революции, популярной в кругах передовой интеллигенции его эпохи, Тургенев в то же время признавал необходимость обновления общественного устройства страны, его преобразования на основе принципов разума, справедливости и гуманности. Стремление к такому обновлению отчетливо проявляется во многих его произведениях. И так же отчетливо проступают в них антикрепостнические настроения писателя. Они выражаются и в критике бесчеловечного произвола «сильных мира сего», и в проникновенно-человечном отношении к угнетенным людям из народа. Противопоставляя расхожим представлениям о мужике как о «низшем», «темном» и «необразованном» существе образы крестьян, исполненные нравственного значения и внутренней красоты, Тургенев открывал читателям России и Запада бесценные сокровища русской души.

Основа для глубокого знания народной жизни и столь же глубокой любви к русскому крестьянству в сознании писателя была заложена с детских лет. Они прошли в имении Спасское-Лутовиново, принадлежавшем матери И.С. Тургенева Варваре Петровне. Имение было расположено в живописном уголке Орловской губернии. Трепетные пейзажи родного края навсегда запечатлелись в душе будущего художника слова, став для него одним из символов России. Неотъемлемой частью этого символа был образ русского крестьянина — труженика, тесно связанного с природой, наделенного громадными духовными силами и загадочной душой. С ранних лет Тургенев, бывший свидетелем жестоких расправ и издевательств, которые учинялись над крепостными по прихоти деспотичной Варвары Петровны, проникся острым состраданием к участи подневольного народа. Это чувство со временем побудило Тургенева — человека мягкосердечного, деликатного и уступчивого — вступить в непримиримое единоборство с матерью, защищая от ее гнева крестьян и дворовых. «Никто, — пишет в своих воспоминаниях друг Тургенева П.В. Анненков, — не мог равняться с нею в искусстве оскорблять, унижать, сделать несчастным человека, сохраняя приличие, спокойствие и свое достоинство. Она не затруднилась произнести смертный приговор несчастной собачонке своего дворника Герасима, зная, что приговором сим наносит смертельную рану сердцу ее хозяина. И что же? Одно появление Тургенева в деревне водворяло тишину, вселяло уверенность в наступлении спокойной години существования, облегчало жизнь всем — и это несмотря на его натянутые отношения к матери и в силу только нрав-

*Спасское-Лутовиново.
Усадебный дом*

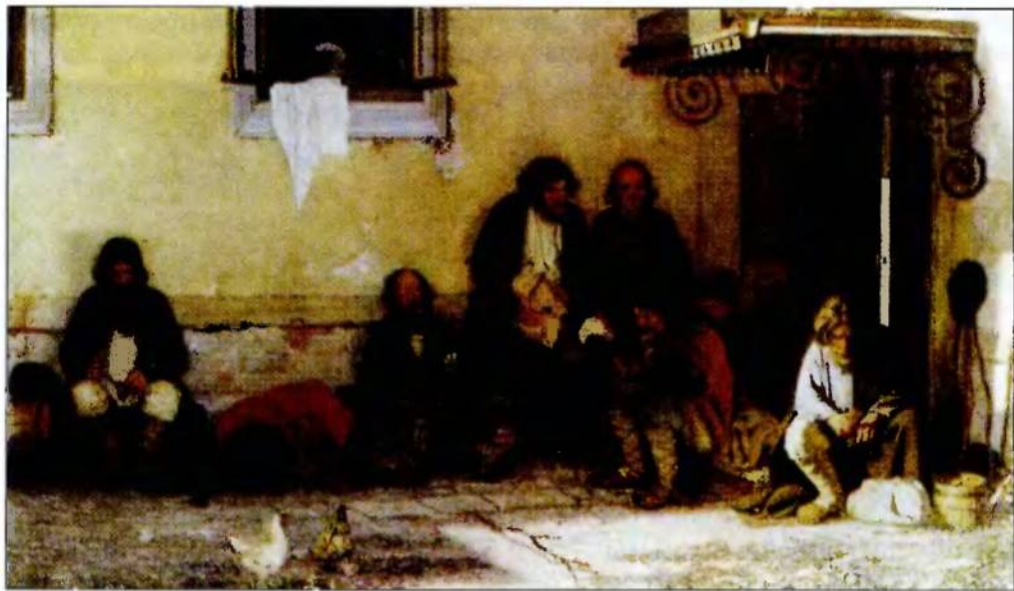
ственного его влияния, которому подчинялась даже и необузданная, уверенная в себе ее власть».

Отвращение к насилию, порождаемому помещичьим своеволием, сочувствие подневольному крестьянству, восхищение лучшими чертами народа, вера в ценность человеческой личности — таковы были нравственные уроки детства, определившие главное направление духовного развития Тургенева — писателя и человека. Важным этапом этого развития стало обучение в университетах Москвы, Петербурга и Берлина. К тридцати годам И.С. Тургенев уже был признан в России талантливым автором поэм, повестей и драм, с успехом ставившихся на сцене. И все же настоящая известность пришла к нему с появлением в печати рассказов, составивших впоследствии сборник «Записки охотника». Они покорили современников естественной, безыскусной манерой изложения, создававшей впечатление, будто перед глазами читателя разворачиваются картины самой действительности, в которых лица людей разных сословий, природа и быт, случайные встречи и будничные происшествия сливаются в многокрасочный, многоголосый хоровод русской жизни.

В центре «Записок охотника» находится фигура крестьянина. Сквозь сборник проходит целая вереница ярких и своеобразных, но вместе с тем глубоко типичных характеров, воплощающих в себе самые значительные черты русского народа. Поразительное по проницательности воссоздание крестьянских типов и реалистическое (максимально приближенное к реальности) раскрытие темы душевной красоты людей из народа стали главными художественными достижениями этой книги. Отмечая их, критик В.Г. Белинский писал, что Тургенев «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил».

Вошедшие в сборник рассказы написаны от имени охотника, занимающего позицию миролюбивого, любознательного и внимательного наблюдателя. Она позволила автору избежать одностороннего изображения и помещиков, и крестьян. Наряду с крепостниками-самодурами в «Записках охотника» действуют благородные дворяне; а в обрисованных крестьянских типах проступают как лучшие черты русского народа, так и его слабые стороны (к числу которых писатель относил покорность перед лицом зла, отсутствие гражданского самосознания, неумение распорядиться своими духовными силами). Иными словами, тургеневский «охотник» не осуждает ни дворянство, ни крестьянство. Единственным «обвиняемым», которому в книге выносится суровый приговор, является крепостное право, пагубно воздействующее на все сословия русского общества. Антикрепостническую направленность «Записок охотника» подчеркивал и сам Тургенев: «Под этим именем, — писал он в своих воспоминаниях, — я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примиряться...»

Выход книги в 1852 г. стал крупным событием литературной жизни России. «Записки охотника» отметили собой прорыв русской литературы в народную тему. По словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, они «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» и — наряду с другими тургеневскими произведениями — способствовали

Г. Мясоедов. Земство обедает

повышению «нравственного и умственного уровня русской интеллигенции». Книга получила широкий общественный резонанс, завоевав сердца просвещенных читателей. Выступив в ней с протестом против крепостного права и проповедью гуманного отношения к крестьянам, И.С. Тургенев нанес мощный удар по всему государственному устройству России. Царское правительство ответило на появление «Записок охотника» жесткими мерами: цензор, допустивший сборник в печать, был отстранен от должности, а сам писатель, уже давно вызывавший раздражение властей, был сослан в Спасское-Лутовиново. Впрочем, гонения лишь прибавили популярности и Тургеневу, и его книге. Она сыграла значительную роль в подготовке общественного мнения к будущим реформам и приближении часа освобождения русских крестьян от крепостной зависимости. К этому следует прибавить, что именно «Записки охотника», оказавшие влияние на писателей других народов (в том числе и на украинских авторов — Марко Вовчок, Ивана Франко, Панаса Мирного), ввели И.С. Тургенева в мировую литературу: их переводы, сначала издававшиеся на Западе, а со временем и во всех уголках земного шара, стали ключом к пониманию русской души для многих зарубежных читателей.

Однако в своем творчестве Тургенев не ограничивался исключительно общественными проблемами. Не менее значимой гранью его творческой натуры было лирическое начало, проявлявшееся в поэтичных пейзажных картинах, тонком анализе душевных переживаний, щемящих размышлениях о вечных вопросах человеческого бытия. Подобные лирические «блестки» рассыпаны по всем книгам писателя. А в конце жизни Тургенева появился сборник, сплошь состоявший из подобных «блесток» — изящных по форме и пронзительных по содержанию миниатюрных зарисовок, насыщенных яркими лирическими переживаниями и глубокими

раздумьями над жизнью. Эти зарисовки были написаны в жанре *стихотворения в прозе*, который и дал заглавие сборнику.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЗАПЯДКА

Стихотворение в прозе — лирическое произведение в прозаической форме. Стихотворение в прозе сохраняет ряд характерных для поэзии особенностей: высокую эмоциональность, лиризм, установку на выражение чувств и мыслей автора, однако при этом лишено ритма и рифмы.

Сам Тургенев уподоблял свои стихотворения в прозе этюдам с натуры, которыми пользуется живописец, работая над большой картиной. Действительно, сочинения, вошедшие в сборник «Стихотворения в прозе», напоминают беглые эскизы мгновений жизни, озаренных вспышками чувств и мыслей автора. Каждое из них с тематической, сюжетной и общехудожественной точек зрения представляет собой отдельное и завершенное произведение. Но вместе они образуют единую мозаическую картину, отражающую пройденный писателем жизненный путь и пронизанную его размышлениями о быстротечности бытия, о возвышенных и низких проявлениях человеческой души, о счастье и страдании, о любви и искусстве, о природе и родине. В этом сборнике, ставшем «лебединой песней» стареющего художника, с предельной силой раскрылись те черты Тургенева-писателя, на которые, обращаясь к нему, указывала известная французская романистка Жорж Санд: «Вы — реалист, который способен все увидеть, поэт, который может все украсить, и обладаете великим сердцем, чтобы всех пожалеть и все понять».

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какие впечатления детства и юности оказали наибольшее воздействие на формирование мировоззрения И.С. Тургенева?
2. Раскройте связь творчества писателя с жизнью его народа и страны. Охарактеризуйте общественную позицию И.С. Тургенева.
3. Назовите книгу, с которой началась широкая известность писателя. Чем это издание привлекло внимание публики в России и за рубежом? Что нового этот сборник привнес в русскую литературу? Как отреагировало на него царское правительство?
4. Какие темы Тургенев поднимал в своих стихотворениях в прозе? Дайте определение этого жанра.
5. В чем проявлялся гуманизм писателя? Что дало основание М.Е. Салтыкову-Щедрину назвать И.С. Тургенева продолжателем традиций А.С. Пушкина в русской литературе?

Ревцы

Небольшое селыцо Колотовка, принадлежавшее некогда помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в околотке Стрыганихой (настоящее имя ее осталось неизвестным), а ныне состоящее за каким-то петербургским немцем, лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуше реки, — через реку можно по крайней мере

навести мост, — разделяет обе стороны бедной деревушки. Несколько тощих раkit боязливо спускаются по песчаным его бокам; на самом дне, сухом и желтом, как медь, лежат огромные плиты глинистого камня. Невеселый вид, нечего сказать, — а между тем всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку: они ездят туда охотно и часто.

У самой головы оврага, в нескольких шагах от той точки, где он начинается узкой трещиной, стоит небольшая четвероугольная избушка, стоит одна, отдельно от других. Она крыта соломой, с трубой; одно окно, словно зоркий глаз, обращено к оврагу и в зимние вечера, освещенное изнутри, далеко виднеется в тусклом тумане мороза и не одному проезжему мужичку мерцает путеводной звездой. Над дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка — кабак, прозванный «Притынным»¹. В этом кабаке вино продается, вероятно, не дешевле положенной цены, но посещается он гораздо прилежнее, чем все окрестные заведения такого же рода. Причиной этому целовальник Николай Иваныч.

Николай Иваныч — некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками, — уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Николай Иваныч человек расторопный и сметливый, как большая часть целовальников. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, он обладает даром привлекать и удерживать у себя гостей, которым как-то весело сидеть перед его стойкой, под спокойным и приветливым, хотя зорким взглядом флегматического хозяина. У него много здравого смысла; ему хорошо знаком и помещичий быт, и крестьянский, и мещанский; в трудных случаях он мог бы подать неглупый совет, но, как человек осторожный и эгоист, предпочитает оставаться в стороне и разве только отдаленными, словно без всякого намерения произнесенными намеками наводит своих посетителей — и то любимых им посетителей — на путь истины. Он знает толк во всем, что важно или занимательно для русского человека: в лошадях и в скотине, в лесе, в кирпичах, в посуде, в красном товаре и в кожанном, в песнях и в плясках. Когда у него нет посещения, он обыкновенно сидит, как мешок, на земле перед дверью своей избы, подвернув под себя свои тонкие ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всеми прохожими. Много видал он на своем веку, пережил не один десяток мелких дворян, заезжавших к нему за «очищенным», знает всё, что делается на сто верст кругом, и никогда не пробалтывается, не показывает даже виду, что ему и то известно, чего не подозревает самый проницательный становой. Знай себе помалчивает, да посмеивается, да стаканчиками пошевеливает. Его соседи уважают: штатский генерал Щерепетенко, первый по чину владелец в уезде, всякий раз снисходительно ему кланяется, когда проезжает мимо его домика. Николай Иваныч человек со влиянием: он известного конокрада заставил возратить лошадь, которую тот свел со двора у одного из его знакомых, образумил мужиков соседней деревни, не хотевших принять нового управляющего, и т.д. Впрочем, не должно

¹ Притынным называется всякое место, куда охотно сходятся; всякое приятное место.

думать, чтобы он это делал из любви к справедливости, из усердия к ближним — нет! Он просто старается предупредить всё то, что может как-нибудь нарушить его спокойствие. Николай Иванович женат, и дети у него есть. Жена его, бойкая, востроносая и быстроглазая мещанка, в последнее время тоже несколько отяжелела телом, подобно своему мужу. Он во всем на нее полагается, и деньги у ней под ключом. Пьяницы-крикуны ее боятся; она их не любит: выгоды от них мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорее по сердцу. Дети Николая Ивановича еще малы; первые все перемерли, но оставшиеся пошли в родителей: весело глядеть на умные личики этих здоровых ребят.

Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея; парило и пекло неотступно; воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны, разинув носы, жалобно глядели на проходящих, словно прося их участия; одни воробьи не горевали и, распуша перышки, еще яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам, дружно взлетали с пыльной дороги, серыми тучками носились над зелеными конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: в Колотовке, как и во многих других степных деревнях, мужики, за неимением ключей и колодцев, пьют какую-то жидкую грязь из пруда... Но кто же назовет это отвратительное пойло водою? Я хотел спросить у Николая Ивановича стакан пива или квасу.

Признаться сказать, ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища; но особенно грустное чувство возбуждает она, когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые полуразметанные крыши домов, и этот глубокий овраг, и выжженный, запыленный выгон, по которому безнадежно скитаются худые, длинноногие курицы, и серый осиновый сруб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший крапивой, бурьяном и полынью, и покрытый гусиным пухом, черный, словно раскаленный пруд, с каймой из полувысохшей грязи и сбитой набок плотиной, возле которой на мелко истоптанной, пепеловидной земле овцы, едва дыша и чихая от жара, печально теснятся друг к другу и с унылым терпением наклоняют головы как можно ниже, как будто выжидая, когда ж пройдет, наконец, этот невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Ивановича, возбуждая, как водится, в ребятишках изумление, доходившее до напряженно-бессмысленного созерцания, в собаках — негодование, выражавшееся лаем, до того хриплым и злобным, что, казалось, у них отрывалась вся внутренность, и они сами потом кашляли и задыхались, — как вдруг на пороге кабачка показался мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубым кушачком. На вид он казался дворовым; густые седые волосы в беспорядке вздымались над сухим и сморщенным его лицом. Он звал кого-то, торопливо действуя руками, которые, очевидно, размахивались гораздо далее, чем он сам того желал. Заметно было, что он уже успел выпить.

— Иди, иди же! — залепетал он, с усилием поднимая густые брови, — иди, Моргач, иди! Экой ты, братец, ползешь, право слово. Это нехорошо, братец. Тут ждут тебя, а ты вот ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащий голос, и из-за избы направо показался человек низенький, толстый и хромой. На нем была довольно опрятная суконная чуйка, одетая на один рукав; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выражение лукавое и насмешливое. Его маленькие желтые глазки так и бегали, с тонких губ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а нос, острый и длинный, нахально выдвигался вперед, как руль. — Иду, любезный, — продолжал он, ковыляя в направлении питейного заведения, — зачем ты меня зовешь?.. Кто меня ждет?

— Зачем я тебя зову? — сказал с укоризной человек во фризовой шинели. — Экой ты, Моргач, чудной, братец: тебя зовут в кабак, а ты еще спрашиваешь, зачем. А ждут тебя все люди добрые: Турок-Яшка, да Дикий-Барин, да рядчик с Жиздры. Яшка-то с рядчиком об заклад побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолеет, лучше споет то есть... понимаешь?

— Яшка петь будет? — с живостью проговорил человек, прозванный Моргачом. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — с достоинством отвечал Обалдуй, — а ты брешешь. Стало быть, будет петь, коли об заклад побился, божья коровка ты этакая, плут ты этакой, Моргач!

— Ну, пойдем, простота, — возразил Моргач.

— Ну, поцелуй же меня по крайней мере, душа ты моя, — залепетал Обалдуй, широко раскрыв объятия.

— Вишь, Езоп изнеженный, — презрительно ответил Моргач, отталкивая его локтем, и оба, нагнувшись, вошли в низенькую дверь.

Слышанный мною разговор сильно возбудил мое любопытство. Уже не раз доходили до меня слухи об Яшке-Турке как о лучшем певце в околотке, и вдруг мне представился случай услышать его в состязании с другим мастером. Я удвоил шаги и вошел в заведение.

Вероятно, не многие из моих читателей имели случай заглядывать в деревенские кабаки; но наш брат, охотник, куда не заходит! Устройство их чрезвычайно просто. Они состоят обыкновенно из темных сеней и белой избы, разделенной надвое перегородкой, за которую никто из посетителей не имеет права заходить. В этой перегородке, над широким дубовым столом, проделано большое продольное отверстие. На этом столе, или стойке, продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядом стоят на полках, прямо против отверстия. В передней части избы, предоставленной посетителям, находятся лавки, две-три пустые бочки, угловой стол. Деревенские кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на их бревенчатых стенах каких-нибудь ярко раскрашенных лубочных картин, без которых редкая изба обходится.

Когда я вошел в Притынный кабачок, в нем уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, как водится, почти во всю ширину отверстия, стоял Николай Иванович, в пестрой ситцевой рубаше, и, с ленивой усмешкой на пухлых щеках, наливал своей полной и белой рукой два стакана вина вошедшим приятелям, Моргачу и Обалдую; а за ним, в углу, возле окна, виднелась его востроглазая жена. Посередине комнаты стоял Яшка-Турок, худой и стройный человек лет двадцати трех, одетый в долгополый нанковый каф-

тан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покатым лоб с закинутыми назад светло-русыми кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы — всё его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая так знакома всем людям, говорящим или поющим перед собранием. Подле него стоял мужчина лет сорока, широкоплечий, широкоскулый, с низким лбом, узкими татарскими глазами, коротким и плоским носом, четвероугольным подбородком и черными блестящими волосами, жесткими, как щетина. Выражение его смуглого с свинцовым отливом лица, особенно его бледных губ, можно было бы назвать почти свирепым, если б оно не было так спокойно-задумчиво. Он почти не шевелился и только медленно поглядывал кругом, как бык из-под ярма. Одет он был в какой-то поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами; старый черный шелковый платок окутывал его огромную шею. Звали его Диким-Барин. Прямо против него, на лавке под образами, сидел соперник Яшки — рядчик из Жиздры. Это был невысокого роста плотный мужчина лет тридцати, рябой и курчавый, с тупым вздернутым носом, живыми карими глазами и жидкой бородкой. Он бойко поглядывал кругом, подсунав под себя руки, беспечно болтал и постукивал ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. На нем был новый тонкий армяк из серого сукна с плисовым воротником, от которого резко отделялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла. В противоположном углу, направо от двери, сидел за столом какой-то мужичок в узкой изношенной свите, с огромной дырой на плече. Солнечный свет струился жидким желтоватым потоком сквозь запыленные стекла двух небольших окошек и, казалось, не мог победить обычной темноты комнаты: все предметы были освещены скупо, словно пятнами. Зато в ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня с плеч, как только я переступил порог.

Мой приход — я это мог заметить — сначала несколько смутил гостей Николая Иваныча; но, увидев, что он поклонился мне, как знакомому человеку, они успокоились и уже более не обращали на меня внимания. Я спросил себе пива и сел в уголок, возле мужичка в изорванной свите.

— Ну, что ж! — возопил вдруг Обалдуй, выпив духом стакан вина и сопровождая свое восклицание теми странными размахиваниями рук, без которых он, по-видимому, не произносил ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать так начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать, — одобрительно подхватил Николай Иваныч.

— Начнем, пожалуй, — хладнокровно и с самоуверенной улыбкой промолвил рядчик, — я готов.

— И я готов, — с волнением произнес Яков.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищал Моргач.

Но, несмотря на единодушно изъясленное желание, никто не начинал; рядчик даже не приподнялся с лавки, — все словно ждали чего-то.

— Начинай! — упрямо и резко проговорил Дикий-Барин.

Яков вздрогнул. Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся.

— А кому начать? — спросил он слегка изменившимся голосом у Дикого-Барина, который всё продолжал стоять неподвижно посередине комнаты, широко расставив толстые ноги и почти по локоть засунув могучие руки в карманы шаровар.

— Тебе, тебе, рядчик, — залепетал Обалдуй, — тебе, братец.

Дикий-Барин посмотрел на него исподлюбья. Обалдуй слабо пискнул, замялся, глянул куда-то в потолок, повел плечами и умолк.

— Жеребий кинуть, — с расстановкой произнес Дикий-Барин, — да осьмуху на стойку.

Николай Иваныч нагнулся, достал, кряхтя, с полу осьмуху и поставил ее на стол.

Дикий-Барин глянул на Якова и промолвил: «Ну!»

Яков зарылся у себя в карманах, достал грош и наметил его зубом. Рядчик вынул из-под полы кафтана новый кожаный кошелек, не торопясь распутал шнурок и, насыпав множество мелочи на руку, выбрал новенький грош. Обалдуй подставил свой затасканный картуз с обломанным и отставшим козырьком; Яков кинул в него свой грош, рядчик — свой.

— Тебе выбирать, — проговорил Дикий-Барин, обратившись к Моргачу.

Моргач самодовольно усмехнулся, взял картуз в обе руки и начал его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь друг о друга. Я внимательно поглядел кругом: все лица выражали напряженное ожидание; сам Дикий-Барин прищурился; мой сосед, мужичок в изорванной свитке, и тот даже с любопытством вытянул шею. Моргач запустил руку в картуз и достал рядчиков грош; все вздохнули. Яков покраснел, а рядчик провел рукой по волосам.

— Ведь я же говорил, что тебе, — воскликнул Обалдуй, — я ведь говорил.

— Ну, ну, не «циркай»!¹ — презрительно заметил Дикий-Барин. — Начи-най, — продолжал он, качнув головой на рядчика.

— Какую же мне песню петь? — спросил рядчик, приходя в волнение.

— Какую хочешь, — отвечал Моргач. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, — прибавил Николай Иваныч, медленно складывая руки на груди. — В этом тебе указу нету. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы уж потом решим по совести.

— Разумеется, по совести, — подхватил Обалдуй и полизал край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорил рядчик, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — решил Дикий-Барин и поту-пился.

Рядчик подумал немного, встряхнул головой и выступил вперед. Яков впился в него глазами...

Но прежде чем я приступлю к описанию самого состязания, считаю не лишним сказать несколько слов о каждом из действующих лиц моего рассказа. Жизнь некоторых из них была уже мне известна, когда я встретился с ними в Притынном кабаке; о других я собрал сведения впоследствии.

¹ Циркают ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

Начнем с Обалдуя. Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всем околотке не звал его иначе как Обалдуем, и он сам величал себя тем же прозвищем: так хорошо оно к нему пристало. И действительно, оно как нельзя лучше шло к его незначительным, вечно встревоженным чертам. Это был загулявший, холостой дворовый человек, от которого собственные господа давным-давно отступились и который, не имея никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находил, однако, средство каждый день покутить на чужой счет. У него было множество знакомых, которые поили его вином и чаем, сами не зная зачем, потому что он не только не был в обществе забавен, но даже, напротив, надоедал всем своей бессмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными телодвижениями и беспрестанным неестественным хохотом. Он не умел ни петь, ни плясать; отроду не сказал не только умного, даже путного слова: всё «лотошил» да врал что ни попало — прямой Обалдуй! И между тем ни одной попойки на сорок верст кругом не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась тут же между гостями, — так уж к нему привыкли и переносили его присутствие как неизбежное зло. Правда, обходились с ним презрительно, но укрощать его нелепые порывы умел один Дикий-Барин.

Моргач нисколько не походил на Обалдуя. К нему тоже шло название Моргача, хотя он глазами не моргал более других людей; известное дело: русский народ на прозвища мастер. Несмотря на мое старание выведать пообстоятельнее прошедшее этого человека, в жизни его остались для меня — и, вероятно, для многих других — темные пятна, места, как выражаются книжники, покрытые глубоким мраком неизвестности. Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропадал целый год и, должно быть, убедившись на деле в невыгодах и бедствиях бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромой, бросился в ноги своей госпоже и, в течение нескольких лет примерным поведением загладив свое преступление, понемногу вошел к ней в милость, заслужил наконец ее полную доверенность, попал в приказчики, а по смерти барыни, неизвестно каким образом, оказался отпущенным на волю, приписался в мешане, начал снимать у соседей бакши, разбогател и живет теперь припеваючи. Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться. Он осторожен и в то же время предприимчив, как лисица; болтлив, как старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякого другого заставит высказаться; впрочем, не прикидывается простачком, как это делают иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывал более проницательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гяделки»¹. Они никогда не смотрят просто — всё высматривают да подсматривают. Моргач иногда по целым неделям обдумывает какое-нибудь, по-видимому, простое предприятие, а то вдруг решится на отчаянно смелое дело; кажется, тут ему и голову сломить... смотришь — всё удалось, всё как по маслу пошло. Он счастлив и верит в свое счастье, верит приметам. Он вообще очень суеверен. Его не

¹ Орловцы называют глаза гяделками, так же как рот — едалом.

любят, потому что ему самому ни до кого дела нет, но уважают. Всё его семейство состоит из одного сынишки, в котором он души не чает и который, воспитанный таким отцом, вероятно, пойдет далеко. «А Моргачонок в отца вышел», — уже и теперь говорят о нем вполголоса старики, сидя на завалинках и толкуя меж собой в летние вечера; и все понимают, что это значит, и уже не прибавляют ни слова.

Об Якове-Турке и рядчике нечего долго распространяться. Яков, прозванный Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки, был по душе — художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца; что же касается до рядчика, судьба которого, признаюсь, мне осталась неизвестной, то он показался мне изворотливым и бойким городским мещанином. Но о Диком-Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое впечатление, которое производил на вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже, «сбитнем», как говорят у нас, но от него так и несло несокрушимым здоровьем, и — странное дело — его медвежья фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, происходившей, может быть, от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого разу, к какому сословию принадлежал этот Геркулес; он не походил ни на дворового, ни на мещанина, ни на обедневшего подьячего в отставке, ни на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаря и драчуна: он был уж точно сам по себе. Никто не знал, откуда он свалился к нам в уезд; поговаривали, что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе; но ничего положительного об этом не знали; да и от кого было и узнавать, — не от него же самого: не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать, чем он живет; он никаким ремеслом не занимался, ни к кому не ездил, не знался почти ни с кем, а деньги у него водились; правда, небольшие, но водились. Вел он себя не то что скромно, — в нем вообще не было ничего скромного, — но тихо; он жил, словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикий-Барин (так его прозвали; настоящее же его имя было Перевлесов) пользовался огромным влиянием во всем округе; ему повиновались тотчас и с охотой, хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже сам не изъявлял малейшего притязания на послушание людей, с которыми случайно сталкивался. Он говорил — ему покорялись; сила всегда свое возьмет. Он почти не пил вина, не знался с женщинами и страстно любил пение. В этом человеке было много загадочного; казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, как бы зная, что раз поднявшись, что сорвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя и всё, до чего ни коснутся; и я жестоко ошибаюсь, если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва, если он, наученный опытом и едва спасшись от гибели, неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нем смесь какой-то врожденной, природной свирепости и такого же врожденного благородства, — смесь, которой я не встречал ни в ком другом.

Итак, рядчик выступил вперед, закрыл до половины глаза и запел высоким фальцетом. Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый; он играл и вилял этим голосом, как юлою, беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным старанием, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришел бы от них в негодование. Это был русский *tenore di grazia, ténor léger*¹. Пел он веселую, плясовую песню, слова которой, сколько я мог уловить сквозь бесконечные украшения, прибавленные согласные и восклицания, были следующие:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
Я посею, молода-молоденька,
Цветика аленька.

Он пел; все слушали его с большим вниманием. Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи. Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом. Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях; ему недоставало поддержки, хора; наконец, при одном особенно удачном переходе, заставившем улыбнуться самого Дикого-Барина, Обалдуй не выдержал и вскрикнул от удовольствия. Все встрепенулись. Обалдуй с Моргачом начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «Лихо!.. Забирай, шельмец!.. Забирай, вытягивай, аспид! Вытягивай еще! Накаливай еще, собака ты этакая, пес!.. Погуби Ирод твою душу! и пр. Николай Иваныч из-за стойки одобрительно закачал головой направо и налево. Обалдуй, наконец, затопал, засеменял ногами и задергал плечиком, а у Якова глаза так и разгорелись, как уголья, и он весь дрожал как лист и беспорядочно улыбался. Один Дикый-Барин не изменился в лице и по-прежнему не двигался с места; но взгляд его, устремленный на рядчика, несколько смягчился, хотя выражение губ оставалось презрительным. Ободренный знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился, и уж такие начал отделявать завитушки, так зацелкал и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что, когда, наконец, утомленный, бледный и облитый горячим потом, он пустил, перекинувшись назад всем телом, последний замирающий возглас, — общий, слитный крик ответил ему неистовым взрывом. Обалдуй бросился ему на шею и начал душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирном лице Николая Иваныча выступила краска, и он словно помолодел; Яков, как сумасшедший, закричал: «Молодец, молодец!» Даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: «А-га! хорошо, черт побери, хорошо!» — и с решительностью плюнул в сторону.

¹ Лирический тенор (*итал. и франц.*).

— Ну, брат, потешил! — кричал Обалдуй, не выпуская изнеможенного рядчика из своих объятий, — потешил, нечего сказать! Выиграл, брат, выиграл! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшке до тебя далеко... Уж я тебе говорю: далеко... А ты мне верь! (И он снова прижал рядчика к своей груди.)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — с досадой заговорил Моргач, — дай ему присесть на лавку-то; вишь, он устал... Экой ты фофан, братец, право, фофан! Что пристал, словно банный лист?

— Ну что ж, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказал Обалдуй и подошел к стойке. — На твой счет, брат, — прибавил он, обращаясь к рядчику.

Тот кивнул головой, сел на лавку, достал из шапки полотенце и начал утирать лицо; а Обалдуй с торопливой жадностью выпил стакан и, по привычке горьких пьяниц, крикая, принял грустно-озабоченный вид.

— Хорошо поешь, брат, хорошо, — ласково заметил Николай Иванович. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробей. Посмотрим, кто кого, посмотрим... А хорошо поет рядчик, ей-богу хорошо.

— Очинна хорошо, — заметила Николай Ивановичева жена и с улыбкой поглядела на Якова.

— Хорошо-га! — повторил вполголоса мой сосед.

— А, заворотень-полеха! — завопил вдруг Обалдуй и, подойдя к мужичку с дырой на плече, уставился на него пальцем, запрыгал и залился дребезжащим хохотом. — Полеха! полеха! Га, баде паняй². «Паняй» вместо погоняй, заворотень! Зачем пожаловал, заворотень? — кричал он сквозь смех.

Бедный мужик смутился и уже собрался было встать да уйти поскорей, как вдруг раздался медный голос Дикого-Барина:

— Да что ж это за несносное животное такое? — произнес он, скрипнув зубами.

— Я ничего, — забормотал Обалдуй, — я ничего... я так...

— Ну, хорошо, молчать же! — возразил Дикий-Барин. — Яков, начинай! Яков взялся рукой за горло.

— Что, брат, того... что-то... Гм... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робей. Стыдись!.. чего вертишься?.. Пой, как Бог тебе велит.

И Дикий-Барин потупился, выжидая.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впились в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же, наконец, Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно

¹ Полехами называются обитатели Южного Полесья, длинной лесной полосы, начинающейся на границе Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. Заворотнями же их зовут за подозрительный и тугой нрав.

² Полехи прибавляют почти к каждому слову восклицания: «га!» и «баде!». «Паняй» вместо «погоняй».

залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но всё еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвеневав под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролежала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слышивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдаль, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... Я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томление, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он еще петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взором обвел всех кругом и увидел, что победа была его...

— Яша, — проговорил Дикий-Барин, положил ему руку на плечо и — смолк.

Мы все стояли как оцепенелые. Рядчик тихо встал и подошел к Якову. «Ты... твоя... ты выиграл», — произнес он наконец с трудом и бросился вон из комнаты.

Его быстрое, решительное движение как будто нарушило очарование: все вдруг заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнул кверху, зале-

петал, замахал руками, как мельница крыльями; Моргач, ковыляя, подошел к Якову и стал с ним целоваться; Николай Иванович приподнялся и торжественно объявил, что прибавляет от себя еще осьмуху пива; Дикий-Барин посмеивался каким-то добрым смехом, которого я никак не ожидал встретить на его лице; серый мужичок то и дело твердил в своем уголку, утирая обоими рукавами глаза, щеки, нос и бороду: «А хорошо, ей-богу хорошо, ну, вот будь я собачий сын, хорошо!», а жена Николая Ивановича, вся раскрасневшаяся, быстро встала и удалилась. Яков наслаждался своей победой, как дитя; всё его лицо преобразилось; особенно его глаза так и засияли счастьем. Его потащили к стойке; он подозвал к ней расплакавшегося серого мужичка, послал целовальникова сынишку за рядчиком, которого, однако, тот не сыскал, и начался пир. «Ты еще нам споешь, ты до вечера нам петь будешь», — твердил Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще раз взглянул на Якова и вышел. Я не хотел остаться — я боялся испортить свое впечатление. Но зной был нестерпим по-прежнему. Он как будто висел над самой землей густым тяжелым слоем; на темно-синем небе, казалось, крутились какие-то мелкие, светлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Всё молчало; было что-то безнадежное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы. Я добрался до сеновала и лег на только что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не мог заснуть; долго звучал у меня в ушах неотразимый голос Якова... Наконец жара и усталость взяли, однако ж, свое, и я заснул мертвым сном. Когда я проснулся, — всё уже потемнело; вокруг разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырела; сквозь тонкие жерди полураскрытой крыши слабо мигали бледные звездочки. Я вышел. Заря уже давно погасла, и едва белел на небосклоне ее последний след; но в недавно раскаленном воздухе сквозь ночную свежесть чувствовалась еще теплота, и грудь всё еще жаждала холодного дуновения. Ветра не было, не было и туч; небо стояло кругом всё чистое и прозрачно-темное, тихо мерцая бесчисленными, но чуть видимыми звездами. По деревне мелькали огоньки; из недалекого, ярко освещенного кабака неслись нестройный, смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова. Ярый смех по временам поднимался оттуда взрывом. Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу. Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: всё было пьяно — всё, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары. Мокрые волосы клочьями висели над его страшно побледневшим лицом. Посередине кабака Обалдуй, совершенно «развинченный» и без кафтана, выплясывал вперепрыжку перед мужиком в сероватом армяке; мужичок, в свою очередь, с трудом топотал и шаркал ослабевшими ногами и, бессмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изредка помахивал одной рукой, как бы желая сказать: «куда ни шло!» Ничего не могло быть смешней его лица; как он ни вздергивал вверх свои брови, отяжелевшие веки не хотели подняться, а так и лежали на едва заметных, посоловелых, но сладчайших глазках. Он находился в том милом состоянии окончательно подгулявшего человека, когда всякий прохожий, заглянув ему в лицо, непременно скажет: «Хорош, брат, хорош!» Моргая, весь красный, как рак, и широко раздув ноздри, язвительно посмеивался

из угла; один Николай Иванович, как и следует истинному целовальнику, сохранял свое неизменное хладнокровие. В комнату набралось много новых лиц; но Дикого-Барина я в ней не видал.

Я отвернулся и быстрыми шагами стал спускаться с холма, на котором лежит Колотовка. У подошвы этого холма расстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечернего тумана, она казалась еще необъятней и как будто сливалась с потемневшим небом. Я сходил большими шагами по дороге вдоль оврага, как вдруг где-то далеко в равнине раздался звонкий голос мальчика. «Антропка! Антропка-а-а!» — кричал он с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог.

Он умолкал на несколько мгновений и снова принимался кричать. Голос его звонко разносился в неподвижном, чутко дремлющем воздухе. Тридцать раз по крайней мере прокричал он имя Антропки, как вдруг с противоположного конца поляны, словно с другого света, принеся едва слышный ответ:

— Чего-о-о-о-о?

Голос мальчика тотчас с радостным озлоблением закричал:

— Иди сюда, черт леши-и-и-ий!

— Заце-е-е-ем? — ответил тот спустя долгое время.

— А затем, что тебя тятя высесть хочи-и-и-т, — поспешно прокричал первый голос.

Второй голос более не откликнулся, и мальчик снова принялся звать к Антропке. Возгласы его, более и более редкие и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсем темно и я огибал край леса, окружающего мою деревеньку и лежащего в четырех верстах от Колотовки...

«Антропка-а-а!» — всё еще чудилось в воздухе, наполненном тенями ночи.

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать рассказ

1. Учимся осмысливать прочитанное

1. Какое событие положено в основу сюжета рассказа «Певцы»? Чем, по вашему мнению, оно привлекло внимание рассказчика?
2. Перечитайте вступительное описание природы. Как оно связано с сюжетом рассказа? Каким настроением проникнуто? Укажите художественные средства, подчеркивающие это настроение.
3. Как жилось обитателям Колотовки? Найдите детали, выразительно «рассказывающие» об условиях их существования.
4. Опишите кабак, в котором происходило состязание певцов. Как вы считаете, почему именно это «заведение» писатель изобразил в качестве места проведения соревнования?
5. Опишите действующих лиц рассказа. Включите в свое описание их портретные характеристики, а также сведения об их жизни.
6. Рассказчик замечает: «Русский народ на прозвища мастер». Какие душевные качества отражены в прозвищах героев рассказа?
7. Выразительно прочтите описание соревнования певцов. В чем, по вашему мнению, состоит художественная сила этого описания?
8. Сравните пение рядчика и Якова, определите основные различия между певцами. Запишите свои наблюдения в тетрадь в виде следующей таблицы:

	Рядчик	Яков
Настроение перед выступлением		
Характер песни		
Звучание голоса		
Манера исполнения		
Особенности воздействия на слушателей		

Кому из соперников симпатизирует рассказчик? Подкрепите свой ответ цитатами.

9. Почему присутствующие единодушно присудили победу Якову? Согласны ли вы с их решением?

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Какие черты народной души раскрываются в рассказе «Певцы»?
2. Опишите картину, которую охотник увидел, заглянув в кабак вечером. В каком свете предстали в ней действующие лица? Известно, что Тургеневу советовали убрать этот эпизод из рассказа, однако он не последовал этой рекомендации. Как вы думаете, почему? Какую мысль он стремился донести до читателя посредством данной сцены?
3. Как рассказ «Певцы» отвечает на вопросы о том, что такое настоящее искусство и кто такой подлинный художник?

III. Учимся фантазировать

1. Представьте, что певцы поменялись своими песнями. Каким было бы их исполнение в этом случае? Опишите его. Кто, по вашему мнению, победил бы в таком состязании? Аргументируйте свое мнение.
2. Пофантазируйте о том, как сложится дальнейшая судьба певцов.

IV. Филологический мастер-класс

1. Перечитайте описание пения рядчика и Якова. Выпишите из него в тетрадь средства художественной выразительности (эпитеты, метафоры, сравнения и др.). Объясните их назначение.
2. Благодаря чему рассказанная в «Певцах» история приобретает реалистичное звучание?

Перед чтением. Читая помещенные ниже стихотворения в прозе, определите их темы.

Из сборника «Стихотворения в прозе»

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Голуби

Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотым, то посеребренным морем — раскинулась и пестрела спелая рожь.

Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

Около меня солнце еще светило — горячо и тускло; но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Всё притаилось... всё изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Не слышать, не видеть ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только где-то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий крупный лист лопуха.

Как сильно пахнет полынь на межах! Я глядел на синюю громаду... и смутно было на душе. Ну скорей же, скорей! — думалось мне, — сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! двинься, покатысь, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнела.

И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комоч. То летел со стороны деревни белый голубь.

Летел, летел — всё прямо, прямо... и потонул за лесом.

Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже *два* платка мелькают, *два* комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом *два* белых голубя.

И вот, наконец, сорвалась буря — и пошла потеха!

Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, всё закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

Но под навесом крыши, на самом краешке слухового окна, рядышком сидят два белых голубя — и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привел и, может быть, спас.

Нахохлились оба — и чувствует каждый своим крылом крыло соседа...

Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них... Хотя я и один... один, как всегда.

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуйв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее

мордой — и весь взъерошенный, искаженный, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Памяти Ю.Н. Бревской

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась — и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее труп — хотя она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Родог

Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью — угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струей выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос.

— О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает?

- Знаю, — отвечает девушка.
- Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?
- Знаю.
- Отчуждение полное, одиночество?
- Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.
- Не только от врагов — но и от родных, от друзей?
- Да... и от них.
- Хорошо. Ты готова на жертву?
- Да.
- На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!
- Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.
- Готова ли ты на преступление?
- Девушка потупила голову...
- И на преступление готова.
- Голос не тотчас возобновил свои вопросы.
- Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?
- Знаю и это. И все-таки я хочу войти.
- Войди!
- Девушка перешагнула порог — и тяжелая завеса упала за нею.
- Дура! — проскрежетал кто-то сзади.
- Святая! — принеслось откуда-то в ответ.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Какое из стихотворений в прозе произвело на вас наиболее сильное впечатление? Подготовьтесь к его выразительному чтению в классе. Определите черты, сближающие это произведение с поэтическим текстом.

2. Редактор известного журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевич назвал тургеневское стихотворение в прозе «Русский язык» «золотыми строками, в которых сказано больше, чем в ином трактате». Что, по вашему мнению, он имел в виду? В какой части этого произведения звучит вера в великое будущее русского народа? Почему именно родной язык выступает для автора «поддержкой и опорой» «во дни тягостных раздумий о... судьбах родины»? Придумайте эпитеты, передающие ваше личное отношение к родному языку. Выучите стихотворение в прозе «Русский язык» наизусть.

3. Ближе к тексту перескажите содержание стихотворения в прозе «Голуби». Раскройте аллегорический (иносказательный) смысл этого произведения. Какую духовную ценность утверждает в нем автор? Какое чувство он выражает в заключительной строке «Голубей»? Как эта строка соотносится с рассказом о двух птицах?

4. Чем поразило рассказчика поведение старшего воробья в произведении «Воробей»? Ответьте цитатами на следующие вопросы:

А. Испытывал ли старший воробей страх за свою жизнь?

Б. Какая сила заставила его преодолеть этот страх?

В. Как эта сила подействовала на собаку и самого рассказчика?

5. Согласны ли вы с финальными строками этого произведения: «Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь». Обоснуйте свою точку зрения примерами из прочитанных художественных произведений зарубежной литературы.

6. Какая общая мысль объединяет стихотворения в прозе «Памяти Ю.П. Вревской» и «Порог»?

7. Охарактеризуйте чувства, которые вызывают у рассказчика героини данных произведений. В чем проявляется их высшее благородство и бескорыстие? Понимают ли окружающие цену их самопожертвования?

8. Раскройте символический смысл образа порога в одноименном стихотворении в прозе.

9. Сопоставьте тургеневские стихотворения в прозе с танками Сайге и хокку Басе. Отметьте схожие и различные черты этих произведений.

Комментарий профессора Архивайкина

Кто такая Ю.П. Вревская? Баронесса Юлия Петровна Вревская (урожденная Варпаховская, 1841–1878) семнадцатилетней девушкой вышла замуж за генерала И.А. Вревского, вскоре убитого на Кавказе. Тургенев был знаком с этой женщиной с 1873 г. и состоял с ней в переписке вплоть до ее смерти. Вревская приезжала к нему в имение Спасское-Лутовиново и гостила там пять дней. В день ее отъезда Тургенев

написал: «...в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться». В 1877 г. Ю.П. Вревская добровольно отправилась сестрой милосердия в действующую армию на Балканы. 24 января 1878 г. она умерла от тифа в госпитале, находившемся в городе Бялы (Болгария). Ее смерть глубоко потрясла И.С. Тургенева. В письме к другу он писал: «Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жадная жертвы... Это было прекрасное, неописанно доброе существо... Ее жизнь — одна из самых печальных, какие я знаю». ●

Глава 8

ПРОПОВЕДНИК НРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Что вам известно о писателе Л.Н. Толстом?

Однажды писатель В.В. Набоков, объясняя американским студентам значение творчества Льва Николаевича Толстого, прибегнул к следующему эффектному приему. Он погасил все лампы в зале и опустил шторы. «Зал, — рассказывал очевидец, — погрузился в темноту... Набоков возвратился к эстраде, поднялся по ступенькам и подошел к выключателям. «На небосводе русской литературы, — объявил он, — это Пушкин!» Вспыхнула лампа в дальнем левом углу... «Это Гоголь!» Вспыхнула лампа посреди зала.

**Лев Николаевич
Толстой
(1828–1910)**

“Это Чехов!” Вспыхнула лампа справа. Тогда Набоков снова спустился с эстрады, направился к центральному окну и отцепил штору, которая с громким стуком взлетела вверх... Как по волшебству в аудиторию ворвался широкий плотный луч ослепительного солнечного света. “А это Толстой!” — прогремел Набоков».

Действительно, даже на фоне крупнейших писателей «золотого века» русской литературы Л.Н. Толстой производил впечатление гиганта, чей могучий дух, подобно животворному солнечному свету, озарял и оплодотворял культурную и общественную жизнь России второй половины XIX — начала XX в. В личности Толстого сочетались гениальный писатель, оригинальный мыслитель, страстный проповедник моральных истин и великий знаток

человеческой души. Творчество этого художника не только отметило собой веку в истории России, но и оставило глубокий след в духовном развитии всего человечества. Еще при жизни за писателем утвердилась мировая слава «совести эпохи» и «властителя дум». К нему, как к учителю, обращались за советом представители разных сословий и стран, его произведения читались как гениальные откровения, а его самобытное «вероучение» вызвало к жизни широкое общественное движение — так называемое «толстовство», имевшее своей целью нравственное самосовершенствование людей на основе принципов духовного братства, труда, свободы от собственности и близости к природе.

Л.Н. Толстой принадлежал к одному из самых знатных в России семейств. Один из его предков, Петр Андреевич Толстой, был сподвижником царя Петра I; другой же происходил из древнего рода князей Волконских. Большая часть жизни писателя прошла в имении Ясная Поляна Тульской губернии, там он провел и свое детство. Кроме Льва в семье было еще четверо детей. Они рано осиротели и попали на воспитание к своим теткам, из всех сил старавшимся заменить им умерших родителей. С особой благодарностью и нежностью писатель относился к «тетеньке» (как ее называли дети) Татьяне Александровне Ергольской, оказавшей на него

*Ясная Поляна.
Скамья Толстого в парке*

наибольшее влияние. «Влияние это, — вспоминал Толстой, — было, во-первых, в том, что еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, я чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни... Глубокая прелесть этой жизни была в отсутствии всякой материальной заботы, добрых отношениях к ближайшим лицам, которые никем не были нарушены, и в неторопливости, в неосознава-

нии убегающего времени». Татьяна Александровна с ее безмерной добротой и самоотверженной любовью была в глазах писателя живым воплощением естественной нравственности и умения прожить жизнь так, «чтобы не было в ней дурного».

Столь же важным открытием детских лет для писателя стала идея устройства всечеловеческого счастья. Она родилась во время игры в «муравейных братьев», придуманной старшим братом Льва, Николаем: «Он-то, — рассказывал писатель в старости, — когда нам с братьями было — мне пять, Митеньке шесть, Сереже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями... И я помню, что слово “муравейные” особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные кочки, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживали их ящичками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу. Я помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру. Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать так, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старого Заказа... Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть та истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает».

Вера в братское единение людей стала стержнем гуманистического мировоззрения Л.Н. Толстого. В память о чудесной сказке, услышанной им в детстве, писатель распорядился похоронить себя на краю яснополянского оврага Старый Заказ, в том самом месте, где, по словам его брата, и была зарыта волшебная палочка...

Стремление к постоянному самообновлению было обусловлено потребностью писателя в нравственном самосовершенствовании. Мысль о том, что цель человеческой жизни состоит в беспрестанном духовном развитии, он утверждал и в своем творчестве. Это развитие Толстой напрямую связывал с идеей служения всеобщему благу. Он верил, что личное счастье отдельного человека немислимо без труда, направленного на искоренение социального зла и исправление пороков человечества. Такой труд, по мнению писателя, должен осуществляться исключительно в нравственной сфере. Не революция, неизбежно сопряженная с насилием, кровопролитием и жертвами, не сами по себе перемены социальных и экономических условий жизни, а нравственное самосовершенствование каждого человека является единственным способом приближения человечества к всеобщему счастью — таков был главный смысл «вероучения» Толстого. И своими книгами, и своим личным примером писатель призывал к тому, что следует добиваться «исправления мира через самоисправление».

А в качестве «Архимедова рычага», с помощью которого можно изменить человека и жизнь к лучшему, Толстой провозглашал чувство братской любви к другому человеку.

Есть в обширном литературном наследии Л.Н. Толстого замечательная сказка под названием «Ассирийский царь Асархадон». В ней рассказывается о том, как к царю Асархадону, разгромившему войска царя Лаилиэ, посадившему самого Лаилиэ в клетку и размышлявшему о том, какой казни предать поверженного врага, ночью явился таинственный старец со словами: «Ты и Лаилиэ — одно». Асархадон не понял значения этих слов. Тогда старец предложил ему окунуться в волшебную купель. Царь последовал его совету. Едва погрузившись в воду, он превратился в Лаилиэ, и перед его глазами прошла вся жизнь этого человека вплоть до того момента, когда он был заточен в клетку, сквозь прутья которой, страдая от горя и мучительного бессилия, видел, что его лучших друзей ведут на казнь, а любимую жену отдают в рабство. Когда наступил час казни Лаилиэ, Асархадон, не выдержав собственного ужаса, вынырнул из купели и страхнул с себя наваждение. Потрясенный пережитым, царь жадно внимал речам старца: «Ты думал, — говорил тот, — что жизнь только в тебе, но я сдернул с тебя покрывало обмана, и ты увидел, что, делая зло другим, ты делал его себе. Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой одной жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою — любить их». На другой день после разговора со старцем Асархадон велел отпустить Лаилиэ и всех пленных, на третий — удалился в пустыню, чтобы обдумать открывшуюся ему истину, а затем отправился возвещать эту истину по городам и весям...

Сказка о царе Асархадоне может служить яркой иллюстрацией ко всей жизненной и художественной философии писателя. Ибо в истории нравственного перерождения Асархадона отражены самые важные, с точки зрения Л.Н. Толстого, этапы духовного развития личности: освобождение от привычки бездумно жить по правилам мира, погрязшего во зле, пробуждение любви к ближнему, нравственное совершенствование посредством этой любви себя и других. Своей проповедью идей нравственного самосовершенствования и духовного преображения мира моральными усилиями каждого человека Толстой придал идеалам гуманизма новый размах, новое звучание и новое значение.

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. На чем основывался авторитет «совести эпохи» и «властителя дум», утвердившийся за Л.Н. Толстым при жизни?
2. Как протекало детство писателя? Какие впечатления этого периода оказали сильное воздействие на его душу?
3. На каких принципах, согласно представлениям Л.Н. Толстого, должна строиться духовная работа человека? Какие из этих принципов вы бы хотели позаимствовать?
4. Расскажите о том, как В.В. Набоков объяснил значение творчества Л.Н. Толстого для русской литературы. Что, по вашему мнению, он стремился таким образом продемонстрировать своим слушателям?

Перед чтением. Помещенный ниже рассказ был написан Л.Н. Толстым в тот же период, что и сказка «Ассирийский царь Асархадон». Он содержит мысли, созвучные идеям упомянутой сказки. Отметьте эти мысли по ходу чтения.

Росле бала

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблен. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б., да, Варенька Б., — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка у рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то

время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку).

— Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом¹ платье, в брильянтовой фероньерке² на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами, и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Епсоче»³.

И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, — сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите.

¹ Пюсовый — темно-коричневый.

² Фероньерка — украшение в виде обруча с драгоценным камнем.

³ Еще (франц.).

В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr¹, — хороший был писатель, — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете...

— Не слушайте его. Дальше что? — сказал один из нас.

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя ее к ее месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

— Смотрите, папá просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру ее отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в бриллиантовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, та chère², отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми à la Nicolas I³ подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служакки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

¹ Альфонс Карр (франц.).

² Дорогая (франц.).

³ как у Николая I (франц.).

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

— Ну, всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в португую.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и

с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масляничная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. Я прошел наш пустынный переулочек и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые с дровами на сани, достававших полосьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянце-витыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепающие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, нака-зываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведущие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры,

удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец. Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутен¹ов! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходявшая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

¹ Шпицрутен — длинный гибкий древесный прут для телесных наказаний.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не ходил.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не ходились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не ходились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Что побудило Ивана Васильевича поведать свою историю? Какую мысль он хотел доказать этим рассказом?

2. В основу композиции данного произведения положен прием антитезы (противопоставления) сцен бала и экзекуции. Выпишите противопоставляемые элементы в тетрадь.

3. Чему служит в произведении прием антитезы? Какая мысль стоит за противопоставлением картин светской и солдатской жизни? Как с этим противопоставлением связано название рассказа?

4. Укажите детали, встречающиеся в обеих сценах. Раскройте их идейно-художественное значение.

5. В какой подробности экзекуции проявляется особая жестокость полковника? Почему он сделал вид, будто не узнал Ивана Васильевича?

6. Выпишите цитаты, характеризующие душевное состояние рассказчика. Понаблюдайте за изменениями этого состояния. Определите ключевой момент, в течение которого происходит нравственное пробуждение героя. Какие именно чувства просыпаются в герое в это мгновение?

7. Объясните, почему увиденная поутру экзекуция разрушила любовь рассказчика к дочери полковника. Найдите в тексте подтверждение тому, что расправа над солдатом перевернула всю жизнь главного героя, побудив его к моральному самоисправлению и исправлению окружающих людей.

8. Какие пороки общественной и нравственной жизни осуждаются в этом произведении? Как в нем освещается проблема моральной вины и ответственности?

9. В чем, по вашему мнению, заключается ценность рассказа Толстого для современного читателя?

Групповая работа. Разбившись на три группы, выполните одно из предложенных заданий:

А. Представьте, что вы являетесь членами творческого коллектива, который готовит радиозапись рассказа Л.Н. Толстого «После бала». Вы-

берите два наиболее выразительных, с вашей точки зрения, отрывка для «пробы». Распределите между собой обязанности режиссера, актеров и специалиста по музыкальному оформлению. Подготовьте радиопостановку избранных эпизодов.

Б. Придумайте современный вариант развития сюжета данного произведения.

В. Представьте, что у главного героя была возможность сохранить в своем архиве памятные вещицы, связанные с описанным в рассказе случаем. Составьте список этих мелочей. От имени рассказчика опишите чувства и мысли, которые вызывает в нем каждая указанная в списке вещь.

Творческое задание. Напишите сочинение на тему «Изображение нравственного пробуждения человека в рассказе Л.Н. Толстого «После бала»».

ПОВТОРЯЕМ И ОБОБЩАЕМ ИЗУЧЕННОЕ В ЧЕТВЕРТОМ РАЗДЕЛЕ

1. Назовите известнейших писателей «золотого века» русской литературы. Какие проблемы они поднимали в произведениях, представленных в этом разделе?

2. На каком основании в «Капитанской дочке» делается вывод: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»? Кому, по вашему мнению, принадлежит эта мысль: Гриневу или самому автору? Как вы понимаете смысл этого высказывания? Согласны ли вы с определением русского бунта «как бессмысленного и беспощадного»?

3. Какие особенности русских исторических песен воссоздаются в лермонтовской «Песне про... купца Калашникова»? Чем, по вашему мнению, это произведение отличается от родственных ему фольклорных песен?

4. Как вы думаете, почему Н.В. Гоголь не ввел в пьесу «Ревизор» ни одного героя, который был бы носителем нравственного начала?

5. В чем проявляется антикрепостническая направленность рассказа И.С. Тургенева «Певцы»? Какую позицию занимает в рассказе охотник?

6. Сравните описания исполнения народной песни в рассказе «Певцы» И.С. Тургенева и повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Что общего в этих описаниях?

7. На какие гуманистические идеалы опирается в рассказе «После бала» Л.Н. Толстой, критикуя нравы светского общества?

УЧЕНИЕ-РАЗВИТИЕ

Групповая работа. Разбившись на три группы по интересам, выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Известный литератор П.В. Анненков определил стихотворения в прозе И.С. Тургенева как «ткань из солнца, радуги, алмазов, женских слез и благородной мужской мысли». А с чем бы сравнили эти произведения вы? Придумайте несколько вариантов таких сравнений.

Б. Подготовьте постановку «немой» сцены из гоголевского «Ревизора».

В. Распределите между частью учащихся вашей группы роли центральных персонажей рассказа «После бала». Подготовьте свои вопросы для этих героев и вместе со всем классом проведите их пресс-конференцию.

РАЗДЕЛ
ПЯТЫЙ

Из русской
и мировой литературы
XX века

Глава 1

СКАЗКИ XX ВЕКА

Назовите известные вам произведения писателей-фантастов XX в. О чем в них идет речь?

XX век вошел в историю как эпоха научно-технической революции, ознаменовавшаяся колоссальным скачком в развитии цивилизации. Научная мысль, проникающая в глубь атома и в даль межзвездных пространств, расширяла человеческие возможности познания мира, а технические изобретения, заполнившие все сферы деятельности человека, заметно изменили образ его жизни. Некоторые из этих изобретений — телефон, телевизор, магнитофон, компьютер, холодильник, пылесос, автомобиль, самолет и др. — стали настолько привычными и «естественными» спутниками повседневности, что нынешний человек не мыслит без них своего существования.

А ведь каких-нибудь сто лет назад в диковинку были не только автомобиль или аэроплан, но и электрическая лампочка или телефон. Хлынувший в то время поток научно-технических открытий многими современниками был воспринят как знак наступления эры торжества человеческого разума, когда люди утвердят свою власть над природой, разгадают тайны мироздания и построят справедливое, благоденствующее общество. Каждая техническая новинка, каждая научная сенсация укрепляла веру в то, что человечество в своем развитии уже достигло новой ступени, на которой оно сможет осуществить заветные мечты или, как пелось в одной некогда популярной песне, «сказку сделать былью».

Трагическая и кровавая история первой половины XX в. показала, сколь далеки были такие надежды от реальности. Революции, тоталитарные государства, мировые войны, изобретение оружия массового уничтожения не только разрушили надежды на скорое воплощение гуманистических идеалов, но и поставили само человечество на грань выживания. Тем не менее дух преобразования мира был главной отличительной чертой этой эпохи. Он наложил свой отпечаток на ее культуру, искусство и литературу.

Литературные произведения наполнились входившими в повседневный обиход техническими новинками, зазвучали новыми темами и проблемами, заиграли смелыми художественными экспериментами. Чувство изумления перед открытиями человеческого разума и стремление осмыслить их последствия для дальнейшей судьбы человечества резко обострили интерес писателей к сфере фантастического. Время чудес вдохновляло на сочинение новых «сказок». Отсюда — расцвет жанров научной фантастики и фэнтези. Отсюда же — широкое обращение авторов к иносказательным сюжетам, философским притчам и нереалистической образности.

Некоторые из наиболее значительных направлений развития фантастической линии в литературе XX в. представлены помещенными в данном разделе произведениями — «Алыми парусами» А.С. Грина, «Человеком-амфибией» А.Р. Беляева и «Маленьким принцем» А. де Сент-Экзюпери.

Первое из них, повесть «Алые паруса» Грина, является разновидностью романтической сказки, чем-то напоминающей историю Х.К. Андерсена, в которых чудесное и волшебное происходит в обыденной жизни. Но «Алые

паруса» — это сказка иной эпохи, и свойственный ей пафос веры в чудо пронизан духом романтики XX в. В ней нет сверхъестественных существ, фантастических превращений, научно-технических диковинок. Природа, люди, вещи и события не выходят здесь за пределы реального мира. И все же перед нами — бесспорная сказка, повествующая о чудесном исполнении Мечты, происходящем не по волшебству, а по велению человеческой души. Это чудо разворачивается посреди хмурой повседневности, преображая и жизнь главных героев, и реальность, в которой они существуют. Так Грин в иносказательной форме утверждает мысль о том, что миром правит романтическая мечта.

Роман «Человек-амфибия» А.Р. Беляева относится к жанру *научной фантастики*. В центре этого романа находится судьба «созданного» гениальным ученым юноши Ихтиандра, который в результате фантастической операции приобрел способность жить в воде. Подобно своим далеким и близким литературным предшественникам (а их цепочка тянется от мифических божеств водной стихии вплоть до жюль-верновского капитана Немо, обосновавшегося в чудесной подводной лодке), Ихтиандр воплощает в себе давнюю мечту человечества об освоении подводных глубин. Так же как в «Алых парусах», в «Человеке-амфибии» происходит столкновение высокой мечты с грубой, чуждой высоким устремлениям действительностью. Однако в беляевском романе оно завершается победой действительности над мечтой: измученный человеческой алчностью и подлостью, Ихтиандр уплывает на край света. Историей своего «человека-амфибии» Беляев предупреждал читателей о том, что самые великие достижения научной мысли обречены на крушение в мире наживы и хищнического расчета.

Третье из упомянутых произведений, «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери, на первый взгляд, представляет собой причудливое переплетение элементов фантастики и сказки: в нем рассказывается о космическом путешествии «инопланетянина» Маленького принца, изображаются животные и растения, умеющие чувствовать, мыслить и разговаривать. Но на самом деле эти вымышленные элементы выступают в произведении лишь красочными декорациями к размышлениям писателя о цели жизни, о ее истинных и ложных ценностях, о путях познания мира и человеческой души. Следуя традициям родной французской литературы, еще с эпохи Возрождения отличавшейся склонностью к философствованию, А. де Сент-Экзюпери сочинил *философскую сказку-притчу* с иносказательным сюжетом, содержащим в себе самые важные духовные вопросы. Такое соединение сделало его сказку увлекательной и волнующей для всех — начиная от юных читателей и заканчивая профессорами-филологами.

Знакомясь с названными произведениями, вы сможете ощутить пульс жизни XX в., лишь недавно сошедшего со сцены истории.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Что характерно для истории и культуры XX в.?
2. Чем был обусловлен всплеск интереса писателей этого столетия к сфере фантастического?
3. Назовите жанры произведений, упоминаемых в данной главе. Раскройте связь тематики этих произведений с умонастроениями, господствовавшими в культуре первой половины XX в.

АЛЫЕ ПАРУСА В ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

*Александр Степанович
Грин
(1880–1932)*

Есть такая страна — Гринландия. Правда, искать ее следует не на географической карте, а в книгах русского писателя Александра Степановича Грина. В них вы найдете подробные описания экзотической природы этой страны и истории из жизни ее обитателей — людей, наделенных необычными именами и необычной силой воображения, жадной мечтой и верой в чудо.

Гринландия — конечно, страна вымышленная, но не сказочная. В ней есть автомобили, газеты, телефоны и множество прочих «примет» действительности первых десятилетий XX в. Да и сами гринландцы мало похожи на сказочных персонажей: они борются с теми же житейскими трудностями, с какими сталкивались их реальные современники, увлекаются теми же идеями и болеют теми же духовными недугами. Но над этой страной реет алое знамя Чуда, отбрасывающее сказочные отблески на всю ее жизнь. Оно выкроено из той же ткани, что и знаменитые гриновские алые паруса, олицетворяющие собой Сбывшуюся Мечту.

Знаменательно, что название этой удивительной страны придумал не Грин. Его изобрел критик К. Зелинский для обозначения своеобразного художественного мира гриновских книг. Слово «Гринландия» он образовал от псевдонима писателя «Грин». И в этом был особый умысел, призванный подчеркнуть, что Гринландия является страной не только гриновских героев, но и самого Грина — страной его души, его фантазии, его жизни.

Между тем Грин был человеком тяжелой судьбы. Настолько тяжелой, что может возникнуть вопрос, откуда этот писатель черпал силы, питавшие его святую веру в Мечту, его романтические истории о сбывающихся чудесах и красочные картины воображаемой страны. Да и рассматривая фотографии, на которых запечатлен изможденный человек с печальным, даже трагическим взглядом, трудно поверить, что именно он является автором лучезарной, ликующе-счастливой сказки «Алые паруса», вот уже много десятилетий зажигающей читателей радостью и надеждой. Но ничего удивительного в этом нет, ведь своих героев-романтиков Грин «срисовывал» с самого себя — погруженного в мир фантазии, преданного идеалам юности, убежденного в том, что человеческое сердце способно творить настоящие чудеса. Да и сама его жизнь, на поверхности кажущаяся чередой мытарств и лишений, в действительности была озарена алым светом Мечты.

Александр Степанович Гринеvский родился в городе Слободском Вятской губернии. Вскоре после его рождения семья переехала в Вятку. Мальчик довольно рано научился читать. Первым словом, которое он прочел в возрасте пяти лет, было «море». Первой книгой, которую он одолел самостоятельно, были «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта. Так в унылой мещанской жизни, словно по волшебству, возник «блистающий мир»

воображения, над которым солнцем взошла Мечта, сотканная из морской пены, дальних странствий и чудесных событий.

Завороженный ее сиянием, Саша утратил интерес к реальности. Вместо того чтобы старательно готовиться к урокам, он запоем читал романы о капитанах, пиратах, индейцах и благородных разбойниках. А по окончании реального училища он, вместо того чтобы зарабатывать на жизнь скромной и скучной службой, отправился в город-порт Одессу с целью устроиться матросом на какой-нибудь пароход. Там выяснилось, что состояние здоровья юного искателя приключений не оставляет никаких надежд на исполнение его фантазий о морских странствиях. Тем не менее Грин добился своего: он получил разрешение ходить в рейсы, совершаемые вдоль Черноморского побережья, а однажды даже побывал в заграничном плавании. Но как далеки были эти путешествия от его мечты! Они обернулись для юноши непосильным трудом, грубыми насмешками товарищей, издевательствами хозяев. Чашу его терпения переполнил приказ, принуждавший упражняться в бессмысленной шлюпочной гребле. Грин взбунтовался — и был уволен.

Начались годы бродяжничества и нищеты. Александр скитался по стране, хватаясь за любую возможность добыть кусок хлеба — охоту, сплав леса по реке, работу на золотых приисках или на торговой барже... Бывали дни, когда ему приходилось просить милостыню. Вконец измотанный борьбой за выживание, будущий писатель отправился на солдатскую службу, избавлявшую его от забот о пропитании, одежде и крыше над головой. Но и на этой службе он долго не продержался, поскольку не мог смириться с сопутствовавшими ей муштрой и насилием.

Чувство протеста против социальной несправедливости и надежда на изменение общественного строя привели будущего писателя в ряды революционеров. Сначала новые товарищи привлекли его к нелегальной пропаганде революционных идей, а затем предложили принять участие в террористическом акте. Грин, с детства не выносивший любые формы насилия, ответил отказом. С этого момента его увлечение политической деятельностью пошло на спад, и со временем писатель вообще потерял к ней интерес.

Активное сотрудничество с революционерами не продлилось и года, расплата же за него растянулась на десятилетие, в течение которого Грину довелось побывать и тюремным заключенным, и ссыльным, и беглым, и человеком, живущим под чужой фамилией. Это был тяжелый период, в сравнении с которым злоключения вольной бродяжеской жизни могли бы показаться увлекательными романтичными приключениями. Но именно в этот период произошло главное событие в жизни Грина — он стал писателем.

По прихоти судьбы, своим писательским рождением Грин был обязан недолгому участию в революционной борьбе. Однажды по заданию соратников он написал прокламацию*. Прочитав ее, один из товарищей, Н. Быховский, сказал Грину: «...из тебя, мне кажется, мог бы выйти неплохой писатель». «Эти слова, — рассказывал Александр Степанович, — как удар, толкнули мою душу, зародив в ней тайную, стыдливую мечту о будущем. До

* Прокламация — агитационный листок политического содержания.

*Нина Грин
с ястребом Гулем*

сих пор я не знал, к чему стремиться, во мне был хаос и смута желаний. Вечная нищета не давала мне возможности остановиться на каком-то твердом решении о своем будущем. Уже испытанное: море, бродяжничество, странствия показали мне, что это все-таки было не то, чего жаждет моя душа. А что ей было нужно, я не знал. Слова Быховского были не только толчком, они были светом, озарившим мой разум и тайные глубины моей души. Я понял, чего я жажду, душа моя нашла свой путь. Это было, как первая любовь. Я стыдился даже своих мыслей об этом, считая, что для писателя очень ничтожен, мало знаю, мало могу, и, быть может, нетерпелив. Но зароненная настоящая мысль не угасала. Постепенно я стал

понимать, что меня всем существом тянет к писательству, хотя еще не понимал, как это произойдет».

Это произошло само собой, во время пребывания Грина в сева­сто­поль­ской тюрьме. Через год после выхода из заключения он опубликовал несколько рассказов, подписанных инициалами «А. С. Г.», а еще через два года издал первую подборку своей прозы под заглавием «Шапка-невидимка» (1908). Включенные в нее произведения были написаны преимущественно в традиционном реалистическом ключе. Сам автор называл их «рассказами, действие которых происходит в России». Но уже спустя несколько лет Грин открыл свою Гринландию, а вместе с ней — и собственный путь в русской литературе, и новый способ достижения владевшей им Мечты.

В период с 1912 по 1917 г. Грин много печатался, постепенно приобретая все большую известность в читательских кругах. Октябрьская революция и грянувшая следом за ней гражданская война разрушили едва наладившуюся творческую жизнь писателя. Он был мобилизован в Красную армию. Нетрудно представить, что должен был чувствовать создатель чудесной Гринландии, видя вокруг себя картины братоубийственной бойни и ничем не оправданных страданий. Но даже в эти дни над горизонтом его внутреннего мира играло алое зарево Мечты: шагая по разбитым войной дорогам, Грин в солдатском мешке вместе с парой портянок и сменой белья носил... фрагменты рукописи «Алых парусов», задуманных еще в 1917—1918 гг.

В 1920-е годы, несмотря на все трудности, обусловленные послереволюционной разрухой и становлением тоталитарного режима, писатель переживает самую счастливую пору своей жизни. В это десятилетие им были написаны самые яркие произведения, в том числе — повесть «Алые паруса» (1923), романы «Блестящий мир» (1923), «Бегущая по волнам» (1928) и др. В них перед читателями снова и снова представляли удивительные герои, силой своего воображения творившие чудеса. В эти же годы Грин обрел спутницу жизни, чья любовь, нежность и преданность сторицей вознаградили его душу за годы лишений. Нина Николаевна тщательно оберегала его писательский труд и внутреннее равновесие, исцеляла его душевные раны, поддерживала горевший в нем огонь романтики и мальчишеской веры

в Мечту. Эта женщина, старавшаяся сделать жизнь мужа похожей на его прекрасные сказки, сама казалась ожившей героиней лучших гриновских произведений. Не зря знакомые называли ее именами этих героинь, а сам писатель посвятил ей свои «Алые паруса». Вместе с Ниной Николаевной Грин поселился в Крыму — в краю моря, солнца и соленых ветров, очаровавшем его с юных лет и послужившим ему прообразом Гринландии. Но счастливая пора продлилась недолго. Через несколько лет после переезда в Крым издательства и журналы практически перестали публиковать якобы «чужеродные» произведения Грина, что повлекло за собой серьезные материальные трудности. Затем на писателя обрушился смертельный недуг. Он медленно умирал, тяжело страдая от нищеты, равнодушия коллег и надвигающегося забвения читателей. Единственным утешением для него была самоотверженная любовь Нины Николаевны.

*Дом-музей А.С. Грина
в Феодосии*

При жизни А.С. Грин так и не получил достойного признания. Еще в начале своего творческого пути он столкнулся с неприятием литературных критиков. Грин, писавший о вымышленных чужих краях и вымышленных же чудаках, казался им этаким «иностранцем русской литературы». Позже, в годы советской власти, писателю часто приходилось слышать обвинения в том, что его книги уводят читателя от жизненной борьбы в мир несбыточных мечтаний и что его герои слишком далеки от современности. На самом же деле гриновские произведения, изображающие порывы, искания и страдания романтической души в жестоком мире, не «отставали» от своей эпохи, а, напротив, возвышались над ней, поскольку возвращали истинное значение непреходящим духовным ценностям и укрепляли веру человека в самого себя. Да и свои прекрасные сказки А.С. Грин сочинял вовсе не для того, чтобы бежать от действительности, а для того, чтобы пробудить в читателях веру в мечту и силу воплощать свои мечты в жизнь, чтобы укрепить в них стремление к подлинному счастью. Именно поэтому книги Грина, преодолев все препятствия, завоевали огромную армию почитателей, а его Гринландия стала важной частью континента русской культуры.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о годах детства и юности А.С. Грина. Какие душевные свойства и склонности писателя проявились в эту пору?
2. Чем было вызвано увлечение Грина революционными идеями? Какие последствия это увлечение имело в его жизни?
3. Как протекала жизнь писателя после Октябрьской революции? Почему при жизни его творчество не получило широкого признания?
4. Кто, как и для чего придумал слово «Гринландия»? Охарактеризуйте мир книг А.С. Грина.

Перед чтением. Читая помещенное ниже произведение, определите, благодаря чему оно приобретает романтично-сказочный колорит.

Желтые паруса

Феерия
(В сокращении)

Нине Николаевне Грин подносит и посвящает

Автор
22 ноября 1922 г. Ленинград

I. Предсказание

● Вернувшись из плавания, бывалый моряк Лонгрен узнал, что его жена Мери умерла, оставив на руках соседки восьмимесячную дочь Ассоль. Взяв на себя все заботы о девочке, Лонгрен оставил морское дело и стал зарабатывать на жизнь изготовлением игрушечных кораблей. Земляки его не любили за малообщительный, замкнутый характер. Когда же стало известно, что Лонгрен намеренно отказал в помощи тонувшему трактирщику Меннерсу, который косвенно был виновен в смерти его жены, общая неприязнь переросла в открытую ненависть. Это чувство жители Каперны перенесли и на маленькую Ассоль. ●

(...) Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец ее ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые деньги. Одна за другой наивные ее попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями *общественного мнения*; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё еще иногда спрашивала отца:

— Скажи, почему нас не любят?

— Э, Ассоль, — говорил Лонгрен, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут.

— Как это — *уметь*?

— А вот так!

Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было — по вечерам или в праздник, когда отец, отставив банки с клеестером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть, с трубкой в зубах, — забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях — лекция, в которой, благодаря прежнему образу жизни Лонгрена, случайностям, случаю вообще, — диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрен, называя девочке имена снастей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и т.п., а от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вплетая суеверия в действительность, а действительность — в образы своей фантазии. (...)

Всю домовую работу Лонгрен исполнял сам: колол дрова, носил воду, топил печь, стряпал, стирал, гладил белье и, кроме всего этого, успевал

работать для денег. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил ее читать и писать. Он стал изредка брать ее с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя Лисс лежал всего в четырех верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили фантомы воображения, Лонгрен отпускал ее в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для нее: Лонгрен сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое суденышко подняло алые паруса, сделанные из обрезков шелка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароводных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашел подходящего материала для паруса, употребив что было — лоскутки алого шелка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный веселый цвет так ярко горел в ее руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей, с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Если я спущу ее на воду поплавать немного, — размышляла Ассоль, — она не промокнет, я ее потом вытру». Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее ее судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде: свет, пронизывая материю, лег дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. (...)

● Течение подхватило кораблик и стремительно понесло в глубь леса. Тщетно пытаясь поймать игрушку, Ассоль бежала вдоль ручья в течение часа, пока не увидела, как некий незнакомец вытащил яхту из воды. ●

Перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль — известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядившие из бурно разросшейся лучистой бороды, из пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось, было вяло прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал ее?

Эгль поднял голову, уронив яхту, — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок Ассоль. Старик с минуту разглядывал ее, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие, загорелые ноги девочки. Ее темные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста.

как полет ласточки. Темные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица; его неправильный мягкий овал был овеян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полураскрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, поглядывая то на девочку, то на яхту, — это что-то особенное! Слушай-ка, ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я в качестве берегового пирата могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трехвершковым валом — между моей левой пяткой и оконечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблескивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твое имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины: что бы я стал делать, называясь ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имен, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более я не желаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живешь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да еще три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как же?

— Потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль смутилась... (...)

— Тебе нечего бояться меня, — серьезно сказал он. — Напротив, мне хочется поговорить с тобой по душам.

Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный сюжет».

— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — была сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идешь, словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как невымытые

ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова.

Подумав, он продолжал так:

— Не знаю, сколько пройдет лет, только в Каперне расцветет одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберется народу, удивляясь и ахая; и ты будешь стоять там. Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в свое царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, чего только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слез и печали». Он посадит тебя в лодку, привезет на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звезды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка.

Ее серьезные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе.

— Может быть, он уже пришел... тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... что говорить? Это будет, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она, и не совсем твердо прибавила: — Если он не дерется.

— Нет, не будет драться, — сказал волшебник, таинственно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове! (...)

● По возвращении Ассоль рассказала о своем приключении отцу. Старый моряк не хотел огорчать дочь, а потому подтвердил, что встреченный ею человек был волшебником и его предсказание о прекрасном принце непременно сбудется. Этот разговор случайно подслушал нищий. В тот же день по Каперне разнеслась весть о том, что Лонгрен забивает девочке голову сумасшедшими рассказами. С тех пор односельчане часто издевались над Ассоль, высмеивая ее мечту о прекрасном принце, который приплывет к ней на корабле с алыми парусами. ●

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧИТАННОМУ

1. Что имел в виду Эгль, когда говорил маленькой Ассоль: «Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен»?
2. Жизнь маленькой Ассоль протекала в двух мирах — реальном и воображаемом. Охарактеризуйте эти миры. Как вы думаете, можно ли назвать счастливым детство этой героини?
3. Расскажите о приключении, пережитом девочкой в лесу.

4. Какой предстала Ассоль в глазах старика? Выразительно прочтите описание ее внешности. Что побудило Эгля рассказать маленькой мечтательнице историю о шхуне с алыми парусами? Подкрепите свой ответ цитатами.

5. Благодаря каким душевным свойствам Ассоль безоглядно поверила в рассказ Эгля?

Работа в парах. Обсудите предложенный ниже вопрос.

Чем, по вашему мнению, был рассказ старика: выдумкой сказочника, злой шуткой бродяги или подарком доброго волшебника?

Консультация профессора Филолога

Очевидно, вы с первых же страниц почувствовали, что при всем внешнем жизнеподобии повесть Грина родственна сказке. Неслучайно сам писатель дал ей подзаголовок «феерия», что означает «волшебная, сказочная пьеса».

Действительно, сюжет повести разворачивается в вымышленном селении Каперна, расположенном на живописном морском побережье. Здесь живут герои с необычными именами. Ни в одном языке мира вы таких имен не встретите — Грин их изобрел сам. По словам Нины Николаевны Грин, для писателя «в имени человека было важно музыкальное ощущение. В придуманном, неожиданно звучащем имени всегда таился внутренний образ человека». В этом смысле ценной подсказкой для читателя являются размышления бродяги Эгля об имени Ассоль: «Хорошо, что оно так странно, так однотонно, так музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины».

Однако по-настоящему сказочное начало вторгается в повесть в описании встречи девочки с Эглем. Сказочными чертами наделен здесь и ручей, как по волшебству заманивающий Ассоль в лесную чащу, и похожий на волшебника старик, который клянется именами великих сказочников — братьев Гримм и Андерсена, и удивительное предсказание, напоминающее счастливый финал сказки о прекрасном принце, который после долгих поисков находит свою возлюбленную. Сказочный покров сброшен и на корабль с алыми парусами, о котором идет речь в рассказе Эгля. В повести Грина этот образ, резко отличающийся от традиционных описаний шхун в приключенческих романах («Робинзоне Крузо» Д. Дефо, «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта, «Таинственном острове» Р.Л. Стивенсона, «Пятнадцатилетнем капитане» Жюль Верна и др.), вырастает в символ.

ЛИТЕРАТУРОВОЕ ЧЕЛНУШЕ

Символ (от греч. *symbolon* — знак, опознавательная примета) — образ, характеризующийся иносказательной многозначностью и глубиной обобщения. В силу этих особенностей символ не подлежит однозначному истолкованию: он открывает свои смыслы постепенно — в сопоставлении с другими образами произведения и на фоне развития всего сюжета. При этом читатель, «расшифровывающий» символ, обнаруживает неисчерпаемость его значений и обобщающих возможностей.

II. Грэй

Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желания. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им.

Огромный дом, в котором родился Грэй, был мрачен внутри и величествен снаружи. К переднему фасаду примыкали цветник и часть парка. Лучшие сорта тюльпанов — серебристо-голубых, фиолетовых и черных с розовой тенью — извивались в газоне линиями прихотливо брошенных ожерелий. Старые деревья парка дремали в рассеянном полусвете над осокой извилистого ручья. Ограда замка, так как это был настоящий замок, состояла из витых чугунных столбов, соединенных железным узором. Каждый столб оканчивался наверху пышной лилией; эти чаши по торжественным дням наполнялись маслом, пылая в ночном мраке обширным огненным строем.

Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть — воображаемое продолжение галереи — начиналась маленьким Греем, обреченным по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно не склонной продолжать линию фамильного начертания.

Эта живость мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, то есть человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения, намечался в Грее еще тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, то есть попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлеченный своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:

— Зачем ты испортил картину?

— Я не испортил.

— Это работа знаменитого художника.

— Мне всё равно, — сказал Грэй. — Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу.

В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

Грэй неумоимо изучал замок, делая поразительные открытия. Так, на чердаке он нашел стальной рыцарский хлам, книги, переплетенные в железо и кожи, истлевшие одежды и полчища голубей. В погребе, где хранилось вино, он получил интересные сведения относительно лафита, мадеры, хереса. (...)

● В частности, слуга Польдишок рассказал мальчику о старом родовом вине, хранившемся в бочках, на обручах которых была выгравирована надпись: «Меня выпьет Грэй, когда будет в раю». В свое время дед Грэя, пожелавший отведать таинственного вина, умер от разрыва сердца, случившегося как раз в тот момент, когда

слуги сбивали обручи с бочки. С тех пор никто в замке не решался попробовать напиток, заслуживший недобрую славу. Бочки глубоко закопали в землю и присыпали золой из виноградных листьев. Но юного Артура Грэя эта история не утешала: он заявил, что когда-нибудь непременно выпьет запретное вино. ●

— Я выпью его, — сказал однажды Грэй, топнув ногой.

— Вот храбрый молодой человек! — заметил Польдишок. — Ты выпьешь его в раю?

— Конечно. Вот рай!.. Он у меня, видишь? — Грэй тихо засмеялся, раскрыв свою маленькую руку. Нежная, но твердых очертаний ладонь озарилась солнцем, и мальчик сжал пальцы в кулак. — Вот он, здесь!.. То тут, то опять нет...

Говоря это, он то раскрывал, то сжимал руку и наконец, довольный своей шуткой, выбежал, опередив Польдишока, по мрачной лестнице в коридор нижнего этажа.

Посещение кухни было строго воспрещено Грэю, но, раз открыв уже этот удивительный, полыхающий огнем очагов мир пара, копоти, шипения, клокотания кипящих жидкостей, стука ножей и вкусных запахов, мальчик усердно навещал огромное помещение. (...)

На кухне Грэй немного робел: ему казалось, что здесь всем двигают темные силы, власть которых есть главная пружина жизни замка; окрики звучали как команда и заклинание; движения работающих благодаря долгому навыку приобрели ту отчетливую, скупую точность, какая кажется вдохновением. Грэй не был еще так высок, чтобы взглянуть в самую большую кастрюлю, бурлившую подобно Везувию, но чувствовал к ней особенное почтение; он с трепетом смотрел, как ее ворочают две служанки; на плиту выплескивалась тогда дымная пена, и пар, поднимаясь с зашумевшей плиты, волнами наполнял кухню. Раз жидкости выплеснулось так много, что она обварила руку одной девушке. Кожа мгновенно покраснела, даже ногти стали красными от прилива крови, и Бетси (так звали служанку), плача, натирала маслом пострадавшие места. Слезы неудержимо катились по ее круглому перепуганному лицу.

Грэй замер. В то время как другие женщины хлопотали около Бетси, он пережил ощущение острого чужого страдания, которое не мог испытать сам.

— Очень ли тебе больно? — спросил он.

— Попробуй, так узнаешь, — ответила Бетси, накрывая руку передником.

Нахмутив брови, мальчик вскарабкался на табурет, зачерпнул длинной ложкой горячей жижи (сказать кстати, это был суп с бараниной) и плеснул на сгиб кисти. Впечатление оказалось не слабым, но слабость от сильной боли заставила его пошатнуться. Бледный, как мука, Грэй подошел к Бетси, заложив горящую руку в карман штанишек.

— Мне кажется, что тебе очень больно, — сказал он, умалчивая о своем опыте. — Пойдем, Бетси, к врачу. Пойдем же!

Он усердно тянул ее за юбку, в то время как сторонники домашних средств наперерыв давали служанке спасительные рецепты. Но девушка, сильно мучаясь, пошла с Грэем. Врач смягчил боль, наложив перевязку. Лишь после того как Бетси ушла, мальчик показал свою руку.

Этот незначительный эпизод сделал двадцатилетнюю Бетси и десятилетнего Грэя истинными друзьями. Она набивала его карманы пирожками и яблоками, а он рассказывал ей сказки и другие истории, вычитанные в своих книжках. Однажды он узнал, что Бетси не может выйти замуж за конюха Джима, ибо у них нет денег обзавестись хозяйством. Грэй разбил каминными щипцами свою фарфоровую копилку и вытряхнул оттуда всё, что составляло около ста фунтов. Встав рано, когда бесприданница удалилась на кухню, он пробрался в ее комнату и, засунув подарок в сундук девушки, прикрыл его короткой запиской: «Бетси, это твое. Предводитель шайки разбойников Робин Гуд». Переполох, вызванный на кухне этой историей, принял такие размеры, что Грэй должен был сознаться в подлоге. Он не взял денег назад и не хотел более говорить об этом. (...)

Таким образом, Грэй жил в *своем* мире. Он играл один — обыкновенно на задних дворах замка, имевших в старину боевое значение. Эти обширные пустыри, с остатками высоких рвов, с заросшими мхом каменными погребями, были полны бурьяна, крапивы, репейника, терна и скромно-пестрых диких цветов. Грэй часами оставался здесь, исследуя норы кротов, сражаясь с бурьяном, подстерегая бабочек и строя из кирпичного лома крепости, которые бомбардировал палками и булыжниками.

Ему шел уже двенадцатый год, когда все намеки его души, все разрозненные черты духа и оттенки тайных порывов соединились в одном сильном моменте, и тем получив стройное выражение, стали неукротимым желанием. (...)

Это случилось в библиотеке. (...)

Обернувшись к выходу, Грэй увидел над дверью огромную картину, сразу содержанием своим наполнившую душевное оцепенение библиотеки. Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала. Струи пены стекали по его склону. Он был изображен в последнем моменте взлета. Корабль шел прямо на зрителя. Высоко поднявшийся бугшприт заслонял основание мачт. Гребень вала, распластанный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы. Пена неслась в воздух. Паруса, туманно видимые из-за бакборта и выше бугшприта, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчать судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обреченно боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала всё положение, даже характер момента. Поза человека (он расставил ноги, взмахнув руками) ничего, собственно, не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряженность внимания, обращенного к чему-то на палубе, невидимой зрителю. Завернутые полы его кафтана трепались ветром; белая коса и черная шпага вытянуто рвались в воздух; богатство костюма выказывало в нем капитана, танцующее положение тела — взмах вала; без шляпы: он был, видимо, поглощен опасным моментом и кричал — но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал ли повернуть на другой галис или, заглушая ветер, звал боцмана? Не мысли, но тени этих мыслей выросли в душе Грэя, пока он смотрел картину. Вдруг показалось ему, что слева подошел, став рядом, неизвестный невидимый; стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло

бы без следа. Грэй знал это. Но он не погасил воображения, а прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Всё это Грэй слышал внутри себя. Он осмотрелся; мгновенно вставшая тишина рассеяла звучную паутину фантазии; связь с бурей исчезла.

Грэй несколько раз приходил смотреть эту картину. Она стала для него тем нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя. В маленьком мальчике постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке, выискивая и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. (...)

В этом мире, естественно, возвышалась над всем фигура капитана. Он был судьбой, душой и разумом корабля. Его характер определял досуг и работу команды. Сама команда подбиралась им лично и во многом отвечала его наклонностям. Он знал привычки и семейные дела каждого человека. Он обладал в глазах подчиненных магическим знанием, благодаря которому уверенно шел, скажем, из Лиссабона в Шанхай по необозримым пространствам. Он отражал бурю противодействием системы сложных усилий, убивая панику короткими приказаниями; плывал и останавливался где хотел; распоряжался отплытием и нагрузкой, ремонтом и отдыхом; большую и разумнейшую власть в живом деле, полном непрерывного движения, трудно было представить. Эта власть замкнутостью и полнотой равнялась власти Орфея.

Такое представление о капитане, такой образ и такая истинная действительность его положения заняли, по праву душевных событий, главное место в блистающем сознании Грэя. (...)

Осенью, на пятнадцатом году жизни, Артур Грэй тайно покинул дом и проник за золотые ворота моря. Вскорости из порта Дубель вышла в Марсель шхуна «Ансельм», увозя юнгу с маленькими руками и внешностью переодетой девочки. Этот юнга был Грэй, обладатель изящного саквояжа, тонких, как перчатка, лакированных сапожков и батистового белья с вытканными коронами.

В течение года, пока «Ансельм» посещал Францию, Америку и Испанию, Грэй промотал часть своего имущества на пирожном, отдавая этим дань прошлому, а остальную часть — для настоящего и будущего — проиграл в карты. Он хотел быть *«дьявольским»* моряком. Он, задыхаясь, пил водку, а на купанье с замирающим сердцем прыгал в воду, головой вниз, с двухсаженной высоты. Понемногу он потерял всё, кроме главного — своей странной летящей души; он потерял слабость, стал широк костью и крепок мускулами, бледность заменил темным загаром, изысканную беспечность движений отдал за уверенную меткость работающей руки, а в его думающих глазах отразился блеск, как у человека, смотрящего на огонь. И его речь, утратив неравномерную, надменно застенчивую текучесть, стала краткой и точной, как удар чайки в струю за трепетным серебром рыб.

Капитан «Ансельма» был добрый человек, но суровый моряк, взявший мальчика из некоего злорадства. В отчаянном желании Грэя он видел лишь эксцентрическую прихоть и заранее торжествовал, представляя, как месяца через два Грэй скажет ему, избегая смотреть в глаза: «Капитан Гоп, я

ободрал локти, ползая по снастям; у меня болят бока и спина, пальцы не разгибаются, голова трещит, а ноги трясутся. Все эти мокрые канаты в два пуда на весу рук; все эти леера, ванты, брашпили, тросы, стеньги и салинги созданы на мучение моему нежному телу. Я хочу к маме». Выслушав мысленно такое заявление, капитан Гоп держал, мысленно же, следующую речь: «Отправляйтесь куда хотите, мой птенчик. Если к вашим чувствительным крылышкам пристала смола, вы можете отмыть ее дома одеколоном "Роза-Мимоза"». Этот выдуманный Гопом одеколон более всего радовал капитана и, закончив воображенную отповедь, он вслух повторял: «Да. Ступайте к "Розе-Мимозе"».

Между тем внушительный диалог приходил на ум капитану всё реже и реже, так как Грэй шел к цели со стиснутыми зубами и побледневшим лицом. Он выносил беспокойный труд с решительным напряжением воли, чувствуя, что ему становится всё легче и легче по мере того, как суровый корабль вламывался в его организм, а неумение заменялось привычкой. Случалось, что петлей якорной цепи его сшибало с ног, ударяя о палубу, что непридержанный у кнехта канат вырывался из рук, сдирая с ладоней кожу, что ветер бил его по лицу мокрым углом паруса с вшитым в него железным кольцом, и, короче сказать, вся работа являлась пыткой, требующей пристального внимания, но, как ни тяжело он дышал, с трудом разгибая спину, улыбка презрения не оставляла его лица. Он молча сносил насмешки, издевательства и неизбежную брань до тех пор, пока не стал в новой сфере «своим», но с этого времени неизменно отвечал боксом на всякое оскорбление.

Однажды капитан Гоп, увидев, как он мастерски вяжет на рею парус, сказал себе: «Победа на твоей стороне, плут». Когда Грэй спустился на палубу, Гоп вызвал его в каюту и, раскрыв истрепанную книгу, сказал:

— Слушай внимательно! Брось курить! Начинается отделка щенка под капитана.

И он стал читать, вернее, говорить и кричать по книге древние слова моря. Это был первый урок Грэя. В течение года он познакомился с навигацией, практикой, кораблестроением, морским правом, лодией и бухгалтерией. Капитан Гоп подавал ему руку и говорил: «Мы». (...)

Прошло еще мало времени, и в порте Дубель вечерняя звезда сверкнула над черной линией новой мачты. То был «Секрет», купленный Грэем трехмачтовый галиот в двести шестьдесят тонн. Так, капитаном и собственником корабля Артур Грэй плавал еще четыре года, пока судьба не привела его в Лисс. (...)

III. Рассвет

● Одиннадцать дней «Секрет» простоял на рейде возле города Лисса. На двенадцатый день капитан Артур Грэй «глухо затосковал». Надеясь развеять тяжелое настроение, он вместе с матросом Летикой отправился на лодке в поисках уединенного места. Неподалеку от Каперны лодка причалила к берегу. Убаюканный ночным покоем, капитан уснул у костра. Летика остался на берегу удить рыбу. ●

(...) Проснувшись, Грэй на мгновение забыл, как попал в эти места. С изумлением видел он счастливый блеск утра, обрыв берега среди этих

ветвей и пылающую синюю даль; над горизонтом, но в то же время и над его ногами висели листья орешника. (...)

Капитан выбрался на открытое место, заросшее пестрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку.

Он тихо отвел рукой ветку и остановился с чувством опасной находки. Не далее как в пяти шагах, свернувшись, подобрал одну ножку и вытянув другую, лежала головой на уютно подвернутых руках утомившаяся Ассоль. Ее волосы сдвинулись в беспорядке; у шеи расстегнулась пуговица, открыв белую ямку; раскинувшись юбка обнажала колени; ресницы спали на щеке, в тени нежного, выпуклого виска, полузакрытого темной прядью; мизинец правой руки, бывшей под головой, пригнулся к затылку. Грэй присел на корточки, заглядывая девушке в лицо снизу и не подозревая, что напоминает собой фавна с картины Арнольда Беклина.

Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им *только* глазами, но тут он *иначе* увидел ее. Всё стронулось, всё усмехнулось в нем. Разумеется, он не знал ни ее, ни ее имени, ни тем более почему она уснула на берегу; он был этим очень доволен. Он любил картины без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; ее содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли.

Тень листвы подобралась ближе к стволам, а Грэй всё еще сидел в той же малоудобной позе. Всё спало на девушке: спали темные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости ее тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошел в его теплую подмывающую волну и уплыл с ней. Давно Летика кричал: «Капитан, где вы?» — но капитан не слышал его.

Когда он, наконец, встал, склонность к необычному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздраженной женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, этим подсказывает жизни нечто существенное... Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка. Мизинец нетерпеливо двинулся и поник. (...)

● После этого Грэй с матросом Летикой зашли в близлежащий трактир, чтобы расспросить местных жителей о понравившейся капитану девушке. Как только Грэй заговорил с трактирщиком Хином Меннерсом о прекрасной незнакомке, тот сразу же догадался, о ком идет речь. ●

— Гм! — сказал он, поднимая глаза в потолок. — Это, должно быть, Корабельная Ассоль, больше быть некому. Она полоумная.

— В самом деле? — равнодушно сказал Грэй, отпивая крупный глоток. — Как же это случилось?

— Когда так, извольте послушать.

И Хин рассказал Грэю о том, как лет семь назад девочка говорила на берегу моря с собирателем песен. Разумеется, эта история с тех пор, как нищий утвердил ее бытие в том же трактире, приняла очертания грубой и плоской сплетни, но сущность оставалась нетронутой.

— С тех пор так ее и зовут, — сказал Меннерс, — зовут ее Ассоль Корабельная.

Грэй машинально взглянул на Летику, продолжавшего быть тихим и скромным, затем его глаза обратились к пыльной дороге, пролегающей у трактира, и он ощутил как бы удар — одновременный удар в сердце и голову. По дороге, лицом к нему, шла та самая Корабельная Ассоль, к которой Меннерс только что отнесся *клинически*. Удивительные черты ее лица, напоминающие тайну неизгладимо волнующих, хотя простых слов, предстали перед ним теперь в свете ее взгляда. Матрос и Меннерс сидели к окну спиной, но, чтобы они случайно не повернулись, Грэй имел мужество отвести взгляд на рыжие глаза Хина. После того как он увидел глаза Ассоль, рассеялась вся косность Меннерсова рассказа.

● Неожиданно в разговор вмешался находившийся в трактире угольщик. ●

— Он врет. Его отец тоже врал; врала и мать. Такая порода. Можете быть покойны, что *она* так же здорова, как мы с вами. Я с ней разговаривал. Она сидела на моей повозке восемьдесят четыре раза или немного меньше. (...) Она говорит, как большая, но причудлив ее разговор. Прислушиваешься — как будто всё то же самое, что мы с вами сказали бы, а у нее то же, да не совсем так. Вот, к примеру, раз завелось дело о ее ремесле. «Я тебе что скажу, — говорит она и держится за мое плечо, как муха за колокольню, — моя работа не скучная, только всё хочется придумать особенное. Я, — говорит, — так хочу изловчиться, чтобы у меня на доске сама плавала лодка, а гребцы гребли бы по-настоящему; потом они пристают к берегу, отдают причал и честь-честью, точно живые, сядут на берегу закусывать». Я, это, захохотал, мне, стало быть, смешно стало. Я говорю: «Ну, Ассоль, это ведь такое твое дело, и мысли поэтому у тебя такие, а вокруг посмотри: все в работе, как в драке». — «Нет, — говорит она, — я знаю, что знаю. Когда рыбак ловит рыбу, он думает, что поймает большую рыбу, какой никто не ловил». — «Ну, а я?» — «А ты? — смеется она, — ты, верно, когда наваливаешь углем корзину, то думаешь, что она зацветет». Вот какое слово она сказала! В ту же минуту дернуло меня, сознаюсь, посмотреть на пустую корзину, и так мне вошло в глаза, будто из прутьев поползли почки; лопнули эти почки, брызнуло по корзине листом и пропало. Я малость протрезвел даже! А Хин Меннерс врет и денег не берет, — я его знаю! (...)

Грэй вышел. С этого времени его не покидало уже чувство поразительных открытий, подобно искре в пороховой ступке Бертольда, — одного из тех душевных обвалов, из-под которых вырывается, сверкая, огонь. Дух немедленного действия овладел им. Он опомнился и собрался с мыслями, только когда сел в лодку. Смеясь, он подставил руку ладонью вверх — знойному солнцу, — как сделал это однажды мальчиком в винном погребе; затем отплыл и стал быстро грести по направлению к гавани.

IV. Накануне

● Накануне того дня, когда Грэй обнаружил в лесу Ассоль, в жизни девушки произошли перемены. В Лиссе торговцы отказались принимать принесенный ею товар, заявив, что покупатели утратили интерес к игрушечным кораблям. Это означало, что отец и дочь лишались своего единственного заработка. Услышав

неприятную новость, Лонгрен отправился в Лисс, чтобы устроиться матросом на какой-нибудь корабль. Ассоль осталась дома одна. Стараясь отогнать от себя грустные мысли, она взялась переделывать старую юбку... ●

(...) Пока она шьет, посмотрим на нее ближе — вовнутрь. В ней *две* девушки, *две* Ассоль, перемешанных в замечательной, прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами его созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. Она знала жизнь в пределах, поставленных ее опыту, но сверх общих явлений видела отраженный смысл *иного* порядка. Так, всматриваясь в предметы, мы замечаем в них нечто не линейное, но впечатлением — определенно человеческое, и — так же, как человеческое, — различное. Нечто подобное тому, что (если удалось) сказали мы этим примером, видела она еще *сверх* видимого. Без этих тихих завоеваний всё просто понятное было чуждо ее душе. Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила. Бессознательно, путем своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирно тонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло. Иногда — и это продолжалось ряд дней — она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка; и всё, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности. Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для нее счастьем; нам трудно *так* уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из ее власти и обаяния.

В другое время, размышляя обо всем этом, она искренне дивилась себе, не веря, что верила; улыбкой прощая море и грустно переходя к действительности, теперь, сдвигая оборку, девушка припоминала свою жизнь. Там было много скуки и простоты. Одиночество вдвоем, случалось, безмерно тяготило ее, но в ней образовалась уже та складка внутренней робости, та страдальческая морщинка, с которой не внести и не получить оживления. Над ней посмеивались, говоря: «Она тронутая», «не в себе», — она привыкла и к этой боли; девушке случалось даже переносить оскорбления, после чего ее грудь ныла, как от удара. (...)

● Покончив с шитьем, Ассоль улеглась спать. Однако сон ее был недолгим и тревожным. На рассвете она проснулась и, томимая неведомым предчувствием, выпорхнула босиком на дорогу. ●

Она шла чем далее, тем быстрее, торопясь покинуть селение. За Каперной простирались луга; за лугами по склонам береговых холмов росли орешник, тополя и каштаны. (...)

Ассоль проникла в высокую, брызгающую росой луговую траву; держа руку ладонью вниз над ее метелками, она шла, улыбаясь струящемуся прикосновению. Засматривая в особенные лица цветов, в путаницу стеблей, она различала там почти человеческие намеки — позы, усилия, движения, черты и взгляды; ее не удивила бы теперь процессия полевых мышей, бал сусликов или грубое веселье ежа, пугающего спящего гнома своим фуканьем. И точно, еж, серея, выкатился перед ней на тропинку. «Фук-фук», — отры-

висто сказал он с сердцем, как извозчик на пешехода. Ассоль говорила с теми, кого понимала и видела. «Здравствуй, больной», — сказала она лиловому ирису, пробитому до дыр червем. «Необходимо посидеть дома» — это относилось к кусту, застрявшему среди тропы и потому обдерганному платьем прохожих. Большой жук цеплялся за колокольчик, стигбая растение и сваливаясь, но упрямо толкалась лапками. «Страхни толстого пассажира», — посоветовала Ассоль. Жук, точно, не удержался и с треском полетел в сторону. Так, волнуясь, трепеща и блестя, она подошла к склону холма, скрывшись в его зарослях от лугового пространства, но окруженная теперь истинными своими друзьями, которые — она знала это — говорят басом.

То были крупные старые деревья среди жимолости и орешника. Их свисшие ветви касались верхних листьев кустов. В спокойно тяготеющей крупной листве капитанов стояли белые шишки цветов, их аромат мешался с запахом росы и смолы. Тропинка, усеянная выступами скользких корней, то падала, то взбиралась на склон. Ассоль чувствовала себя как дома; здоровалась с деревьями, как с людьми, то есть пожимая их широкие листья. Она шла, шепча то мысленно, то словами: «Вот ты, вот другой ты. Много же вас, братцы мои! Я иду, братцы, спешу, пустите меня. Я вас узнаю всех, всех помню и почитаю». «Братцы» величественно гладили ее чем могли — листьями — и родственно скрипели в ответ. Она выбралась, перепачкав ноги землей, к обрыву над морем и встала на краю обрыва, задыхаясь от поспешной ходьбы. Глубокая непобедимая вера, ликуя, пенилась и шумела в ней. Она разбрасывала ее взглядом за горизонт, откуда легким шумом береговой волны возвращалась она обратно, гордая чистотой полета. (...)

Девушка вздохнула и осмотрелась. Музыка смолкла, но Ассоль была еще во власти ее звонкого хора. Это впечатление постепенно ослабевало, затем стало воспоминанием и, наконец, просто усталостью. Она легла на траву, зевнула и, блаженно закрыв глаза, уснула — по-настоящему, крепким, как молодой орех, сном, без заботы и сновидений. Ее разбудила муха, бродившая по голой ступне. Беспokoйно повертев ножкой, Ассоль проснулась; сидя, закалывала она растрепанные волосы, поэтому кольцо Грзя напомнило о себе, но, считая его не более как стебельком, застрявшим меж пальцев, она распрямила их. Так как помеха не исчезла, она нетерпеливо поднесла руку к глазам и выпрямилась, мгновенно вскочив с силой брызнувшего фонтана.

На ее пальце блестело лучистое кольцо Грзя, как на чужом, — *своим* не могла признать она в этот момент, не чувствовала палец свой.

— Чья это шутка? Чья шутка? — стремительно вскричала она. — Разве я сплю? Может быть, нашла и забыла?

Схватив левой рукой правую, на которой было кольцо, с изумлением осматривалась она, пытая взглядом море и зеленые заросли; но никто не шевелился, никто не притаился в кустах, и в синем, далеко озаренном море не было никакого знака, и румянец покрыл Ассоль, а голоса сердца сказали вещее «да». Не было объяснений случившемуся, но без слов и мыслей находила она их в странном чувстве своем, и уже близким ей стало кольцо. Вся дрожа, сдернула она его с пальца; держа в пригоршне, как воду, рассмотрела его она — всею душою, всем сердцем, всем ликованием и ясным суеверием юности, затем, — спрятав за лиф, Ассоль уткнула лицо в ладони,

из-под которых неудержимо рвалась улыбка, и, опустив голову, медленно пошла обратной дорогой.

Так, — случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, — Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности.

● По возвращении из Каперны Грэй направился в Лисс, чтобы закупить алый шелк для парусов. Множество рулонов ткани самых разнообразных оттенков пересмотрел он, прежде чем нашел шелк царственного и свежего, «как утренняя заря», цвета. Расплатившись с хозяином лавки, Грэй вышел на улицу. Счастливым восторг переполнял его душу. Увидев неподалеку уличных музыкантов, он пригласил их к себе на корабль.

Вечером музыканты прибыли на «Секрет», вскоре туда же явился матрос Летика, которому так и не удалось раздобыть новых сведений о прекрасной незнакомке.

Удивленный странной суетой на палубе, помощник капитана Пантен подумал было, что Грэй решил заняться контрабандой. Но капитан развеял его подозрения, откровенно рассказав о том, что под алыми парусами он хочет причалить к берегу, на котором его ожидает будущая жена. А спустя несколько дней над «Секретом» запылали алые паруса... ●

VII. Алый «Секрет»

(...) Некоторое время «Секрет» шел пустым морем, без берегов; к полудню открылся далекий берег. Взяв подзорную трубу, Грэй уставился на Каперну. Если бы не ряд крыш, он различил бы в окне одного дома Ассоль, сидящую за какой-то книгой. Она читала; по странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапах с видом независимым и домашним. Уже два раза был он без досады сдвигнут на подоконник, откуда появлялся вновь доверчиво и свободно, словно хотел что-то сказать. На этот раз ему удалось добраться почти к руке девушки, державшей угол страницы; здесь он застрял на слове «смотри», с сомнением остановился, ожидая нового шквала, и, действительно, едва избег неприятности, так как Ассоль уже воскликнула: «Опять жучишка... дурак!...» — и хотела решительно сдуть гостя в траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. «Секрет» в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнем алого шелка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: «Налейте, налейте бокалы — и выпьем, друзья, за любовь...» В ее простоте, ликуя, развевалось и рокотало волнение.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала уже к морю, подхваченная неодолимым ветром события; на первом углу она остановилась почти без сил; ее ноги подкашивались, дыхание срывалось и гасло, сознание держалось на волоске. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и оправилась. Временами то крыша, то забор скрывали от нее алые паруса;

тогда, боясь, не исчезли ли они, как простой призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие и, снова увидев корабль, останавливалась облегченно вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда еще большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла. Мужчины, женщины, дети впопыхах мчались к берегу, кто в чем был; жители перекликались со двора во двор, наскакивали друг на друга, вопили и падали; скоро у воды образовалась толпа, и в толпу эту стремительно вбежала Ассоль.

Пока ее не было, ее имя перелетало среди людей с нервной и угрюмой тревогой, со злобным испугом. Больше говорили мужчины; сдвоенно, змеиным шипением всхлипывали остолбеневшие женщины, но если уж которая начинала трещать — яд забирался в голову. Как только появилась Ассоль, все смолкло, все со страхом отошло от нее, и она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем ее чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов; среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала, смутно помнила с детства. Он смотрел на нее с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль; смертельно боясь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи, — она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича: «Я здесь, я здесь! Это я!» (...)

От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка, — всё двигалось, кружилось и опадало.

Но весло резко плеснуло вблизи нее; она подняла голову. Грэй нагнулся, ее руки ухватились за его пояс. Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала:

— Совершенно такой.

— И ты тоже, дитя мое! — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. — Вот я пришел. Узнала ли ты меня?

Она кивнула, держась за его пояс, с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котенком. Когда Ассоль решила открыть глаза, покачивание шлюпки, блеск волн, приближающийся, мощно ворочаясь, борт «Секрета» — всё было сном, где свет и вода качались, кружась, подобно игре солнечных зайчиков на струящейся лучами стене. Не помня как, она поднялась по трапу в сильных руках Грэя. Палуба, крытая и увешанная коврами, в алых выплесках парусов, была как небесный сад. И скоро Ассоль увидела, что стоит в каюте — в комнате, которой лучше уже не может быть.

Тогда сверху, сотрясая и зарывая сердце в свой торжествующий крик, вновь кинулась огромная музыка. Опять Ассоль закрыла глаза, боясь, что всё это исчезнет, если она будет смотреть. Грэй взял ее руки и, зная уже теперь, куда можно безопасно идти, она спрятала мокрое от слез лицо на

груди друга, пришедшего так волшебю. Бережно, но со смехом, сам потрясенный и удивленный тем, что наступила невыразимая, не доступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это давно-давно пригрезившееся лицо, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. В них было всё лучшее человека.

— Ты возьмешь к нам моего Лонгрена? — сказала она.

— Да. — И так крепко поцеловал он ее вслед за своим железным «да», что она засмеялась.

Теперь мы отойдем от них, зная, что им нужно быть вместе одним. Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдаленно, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу.

Меж тем на палубе у грот-мачты, возле бочонка, изъеденного червем, со сбитым дном, открывшим столетнюю темную благодать, ждал уже весь экипаж. Атвуд стоял; Пантен чинно сидел, сияя, как новорожденный. Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул граненым стаканом, в песне золотых труб, святое вино.

— Ну, вот... — сказал он, кончив пить, затем бросил стакан. — Теперь пейте, пейте все. Кто не пьет, тот враг мне.

Повторить эти слова ему не пришлось. В то время как полным ходом, под всеми парусами уходил от ужаснувшейся навсегда Каперны «Секрет», давка вокруг бочонка превзошла всё, что в этом роде происходит на великих праздниках.

— Как понравилось оно тебе? — спросил Грэй Летику.

— Капитан! — сказал, подыскивая слова, матрос. — Не знаю, понравился ли ему я, но впечатления мои нужно обдумать. Улей и сад!

— Что?!

— Я хочу сказать, что в мой рот впили улей и сад. Будьте счастливы, капитан. И пусть будет счастлива та, которую «лучшим грузом» я назову, лучшим призом «Секрета»!

Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, поборотая вином Грэя; держались на ногах лишь рулевой, да вахтенный, да сидевший на корме с грифом виолончели у подбородка задумчивый и хмельной Циммер. Он сидел, тихо водил смычком, заставляя струны говорить волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТАННОМУ

1. Расскажите о детских годах Грэя. Как складывались его отношения с родителями и слугами?

2. В каких поступках мальчика проявилась незаурядность его натуры? Что послужило толчком для рождения мечты Артура о морских странствиях? Найдите соответствующий отрывок в тексте и выразительно его прочтите. Какие трудности преодолел герой на пути к осуществлению своей мечты?

3. Расскажите о том, как Грэй впервые увидел Ассоль. Чем поразила его девушка? Как описывается зародившееся в нем чувство любви? Приведите соответствующие цитаты.

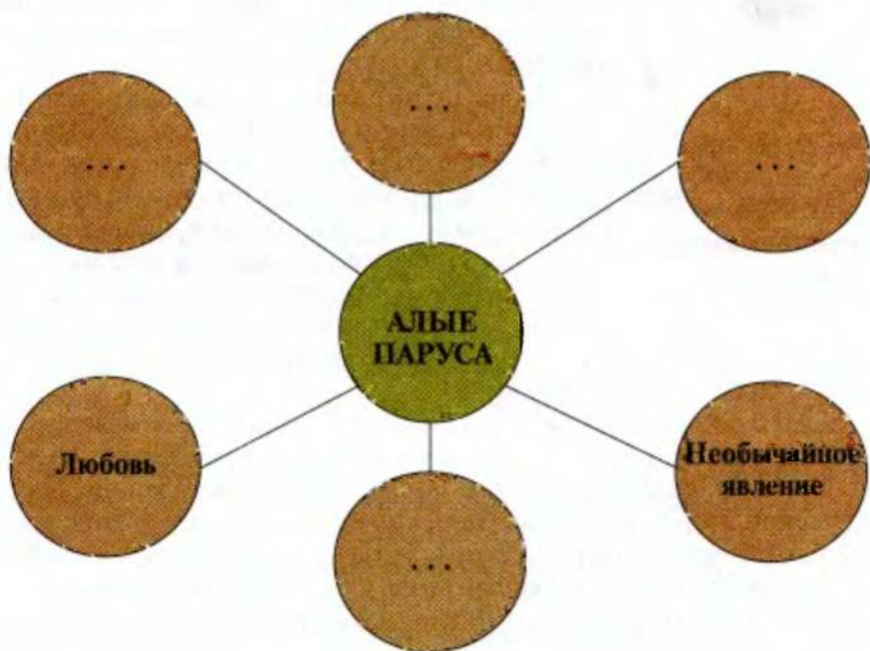
4. Что Грэй узнал об Ассоль из рассказов местных жителей? Почему он не поверил негативному отзыву о девушке?

5. «В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной, прекрасной неправильности», — пишет автор. Охарактеризуйте каждую из этих «половинок» души героини. В чем проявляется поэтичность и душевная красота девушки?

6. Расскажите о том, как Ассоль увидела корабль с алыми парусами. Как отнеслись к его появлению жители Каперны? Благодаря чему осуществилась мечта девушки? Как вы понимаете смысл следующего высказывания Грэя: «...я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками»?

7. Сопоставьте образы Ассоль и Грэя. Определите общие черты в характерах этих героев.

8. На какие чувства и размышления вас наталкивает образ алых парусов? Обозначьте их ключевыми словами в тетради, заполнив схему «Гнезда значений образа» по следующему примеру.

Как бы изменилось общее настроение повести, если бы Грин заменил алые паруса традиционными белыми парусами?

Можно поспорить! Верите ли вы в то, что чудо, подобное описанному в повести Грина, может произойти в жизни? Обоснуйте свою точку зрения.

Групповая работа. Разбившись на три группы, выполните одно из предложенных ниже заданий:

А. Докажите, что «Алые паруса» являются повестью-сказкой. Объясните причины популярности этого произведения у читателей.

Б. Подготовьте анонс нового издания книги «Алые паруса» А.С. Грина для газетной рубрики «Книжное обозрение».

В. Разработайте экскурсию по описанной в «Алых парусах» части Гринландии. Охарактеризуйте ее природу и обитателей.

Творческое задание. Напишите сочинение на тему «Чудо осуществления мечты в повести-сказке А.С. Грина «Алые паруса»».

ВИРАЖИ СУДЬБЫ «ЖЮЛЯ ВЕРНА XX ВЕКА»

Какие кинофильмы, снятые по произведениям А.Р. Беляева, вы видели? Расскажите о них.

**Александр Романович
Беляев
(1884–1942)**

Современную библиотеку научно-фантастической литературы невозможно представить без книг Александра Романовича Беляева. Написанные в 20–30-е годы минувшего столетия, они уверенно прошли проверку временем — особенно трудную для научно-фантастического жанра. Ведь научная фантастика, непосредственно соотносимая читателями с современным уровнем развития науки и техники, куда более подвержена устареванию, чем другие литературные жанры. На фоне стремительного развития научно-технической мысли самые смелые идеи иных фантастов через незначительный промежуток

времени легко превращаются в наивные детские фантазии. И, следовательно, для того чтобы стать «долгожителем», произведение данного жанра должно содержать в себе нечто, не зависящее от

темпа развития науки и ее достижений. Это нечто безусловно присутствует в лучших беляевских произведениях.

А.Р. Беляев родился в Смоленске в семье священника. Следуя своим убеждениям, отец отправил его учиться в духовную семинарию. Александр ее окончил, однако в священники не пошел. Вместо этого юноша поступил в юридический лицей, который обеспечил ему возможность впоследствии самостоятельно зарабатывать на жизнь. Впрочем, юридическая служба была ему так же чужда, как и сан священника. С детства влюбленный в героев Жюль Верна, Александр мечтал о жизни, полной приключений, опасностей и великих свершений.

В духе любимых героев Беляев отважно принимался за осуществление своих мечтаний. Он хотел летать — и пытался этого достичь, поначалу прыгая с крыши с большим зонтом или с самодельным парашютом, а затем совершая прогулки по воздуху на планере, аэроплане и гидроплане. Его влекло к техническим новинкам — и он попробовал создать стереоскопический проекционный фонарь, аналог которого, по его словам, был изобретен в Америке лишь спустя двадцать лет. Пристрастие к научному эксперименту стало одним из источников художественной фантазии этого писателя.

Другим ее источником был мир искусства, к которому Александр приобщился с юных лет. Он получил музыкальное образование по классу скрипки и некоторое время подрабатывал игрой на этом инструменте. Пятнадцать лет жизни Беляев отдал театру в качестве актера, режиссера и театрального критика. Показательно, что первое заграничное путешествие он посвятил

изучению истории искусств. Глубокое знакомство с музыкой и театром наложило свой отпечаток на развитие творческой личности писателя.

Неуемная любознательность, жажда действия и новых впечатлений побуждали его без устали испытывать себя в новых занятиях и профессиях, переезжать с места на место. Но на тридцать первом году жизни все изменилось: внезапная тяжелая болезнь — туберкулез позвоночника — превратила молодого, полного энергии человека в инвалида, ограниченного в передвижениях и страдающего от приступов жестокой боли. В первый период борьбы с болезнью Беляев вынужден был пролежать в гипсе несколько лет. Тогда-то он и задумал свое первое научно-фантастическое произведение, рассказывающее о талантливом, но безнравственном ученом, который оживил голову своего наставника, профессора Доуэля, и заставил ее «генерировать» научные идеи. Под названием «Голова профессора Доуэля» этот рассказ был опубликован в журнале «Всемирный следопыт» (через много лет автор его переработал и превратил в одноименный роман). Так начался творческий путь писателя.

Вскоре после публикации рассказа «Голова профессора Доуэля» о его авторе заговорили все, начиная от ярых поклонников фантастики, восторгавшихся богатством вымысла писателя, и заканчивая специалистами-медиками, всерьез обсуждавшими затронутые им научные проблемы. Мало кто из тогдашних почитателей рассказа догадывался о том, что за фантастическим сюжетом жизни «головы без тела» скрывается реальный опыт человека, в течение многих месяцев прикованного к постели. Многие читатели восприняли публикацию «Головы профессора Доуэля» как свидетельство того, что на просторах русскоязычной литературы появился свой Жюль Верн.

И они не ошиблись. Не только по общей тематической направленности произведений, но и по широте охвата изображаемых явлений, по смелости фантазии и даже по интенсивности писательской работы Беляев действительно встал вровень со своим знаменитым французским предшественником. Вслед за «Головой профессора Доуэля» в том же году и в том же журнале была напечатана его научно-фантастическая повесть «Последний человек из Атлантиды», в которой обыгрывалась одна из популярных гипотез о существовании цивилизации атлантов, будто бы погибшей вследствие глобального природного катаклизма. В следующем году писатель издал первый сборник своих рассказов, а еще через два года — роман «Человек-амфибия», ставший, говоря на современном языке, настоящим бестселлером конца 20-х годов. Меньше чем за двадцать лет интенсивной работы А.Р. Беляев создал целую библиотеку замечательных книг для юношества, насчитывавшую более семидесяти произведений, в том числе — тринадцать романов.

В своих произведениях писатель предвосхитил немало научных открытий и технических изобретений. Например, в «Звезде КЭЦ» он, по сути, представил прообраз современных орбитальных станций; в «Человеке-амфибии» и «Голове профессора Доуэля» — коснулся вопроса трансплантологии; в «Вечном хлебе» — предсказал некоторые открытия биохимии и генетики; во «Властелине мира» — очертил возможности телепатии;

в «Продавце воздуха» — смоделировал вполне вообразимую, с точки зрения нынешней экологии, ситуацию, когда чистый воздух на Земле может стать предметом купли-продажи... В этих и многих других произведениях проявилась поразительная научная интуиция А.Р. Беляева, позволявшая ему не только улавливать перспективные линии развития научно-технической мысли, но и в целом верно прогнозировать последствия их развития. Недаром научное чутье этого писателя признавал гениальный ученый-изобретатель К.Э. Циолковский. Рядовых же читателей книги Беляева привлекали и продолжают привлекать сочетанием лучших черт научной фантастики: острым динамичным сюжетом, наличием продуктивной научной идеи, оригинальностью фантастических картин, убедительными прогнозами будущих научных открытий, постановкой серьезных нравственных проблем.

Очевидный для широких читательских кругов талант Беляева, к сожалению, не был понят современной ему критикой. Вопреки огромному читательскому вниманию, советские «акулы пера» в 30-е годы организовали в прессе настоящую травлю писателя. Можно представить, каково было Беляеву читать пренебрежительно-критические отклики на творчество, дававшееся ему ценой невероятных усилий. Вполне возможно, что, если бы писатель получил официальное признание, то власти не бросили бы его, беспомощного инвалида, умирать от голода в немецкой оккупации, не допустили бы того, чтобы его архив исчез, а место его захоронения так и осталось неизвестным.

Комментарий профессора Архивайкина

Безвестная смерть известного писателя-фантаста (из интервью с дочерью А.Р. Беляева, Светланой Александровной).

Корр.: — Светлана Александровна, а почему вашу семью не эвакуировали до того, как в город вошли немцы?

С.А.: — Отец уже много лет был тяжело болен. Самостоятельно он мог передвигаться только в специальном корсете, да и то на небольшие расстояния. Сил хватало, чтобы умыться и иногда посидеть за столом. Остальное время папа наблюдал течение жизни с высоты... собственной кровати. К тому же незадолго до войны ему сделали операцию на почках. Он был настолько слаб, что об отъезде не могло быть и речи...

Корр.: — По поводу смерти вашего отца до сих пор существует довольно много версий. От чего он все-таки умер?

С.А.: — От голода. В нашей семье не было принято делать какие-то запасы на зиму. Если нужно что-то было, мама или бабушка шли на рынок и просто покупали продукты. Словом, когда в город вошли немцы, у нас было несколько пакетов с крупой, немного картошки и бочка квашеной капусты, которую нам подарили знакомые... А когда и эти припасы закончились, бабушке пришлось идти работать к немцам. Она попросилась на кухню — чистить картошку. За это каждый день давали ей котелок супа и немного картофельной шелухи, из которой мы пекли лепешки. Нам хватало и такой скудной еды, а отцу в его положении этого оказалось недостаточно... Он стал пухнуть от голода и в конце концов умер...

Корр.: — Некоторые исследователи полагают, что Александр Романович просто не вынес ужасов фашистской оккупации.

С.А.: — Не знаю, как все это переживал отец, но мне было очень страшно... Казнить без суда и следствия в то время могли любого. Больше всего мы волновались из-за мамы. Она часто ходила в нашу старую квартиру, чтобы забрать оттуда какие-нибудь вещи. Если бы ее поймали за этим занятием, то могли бы просто повесить, как воровку. Причем виселица стояла прямо под нашими окнами, и отец каждый день видел, как немцы казнили ни в чем не повинных жителей. Может, у него и вправду не выдержало сердце...

Корр.: — Слышал, немцы не дали вам с матерью даже похоронить Александра Романовича...

С.А.: — Папа умер 6 января 1942 г., но отвезти его на кладбище удалось не сразу. Мама пошла в городскую управу, и там выяснилось, что в городе осталась только одна лошадь и нужно ждть очереди. Гроб с телом отца поставили в пустой квартире по соседству, и мама каждый день ходила его навещать... Многих людей в то время просто засыпали землей в общих рвах, за отдельную же могилу нужно было платить. Мама отнесла могильщику какие-то вещи, и тот побожился, что похоронит отца по-людски. Правда, сразу сказал, что рыть могилу в мерзлой земле не будет. Гроб с телом положили в кладбищенскую часовню и должны были похоронить с наступлением первого тепла. Увы, нам не суждено было этого дожидаться: 5 февраля меня, маму и бабушку угнали в плен, так что хоронили папу уже без нас...

Трагическая судьба этого разнообразно одаренного человека может служить одним из бесчисленных свидетельств того, сколь горек бывает писательский удел в обществе, неспособном должным образом ценить людей, которые своими талантом и трудом создают его культуру. Однако его посмертная популярность тоже может служить свидетельством того, что раньше или позже к настоящему таланту приходит и настоящее признание.

(Интервью подготовил К. Гаврильчик) ●

ПРОБЕРИТЕ СЕБЯ

1. Какие факты из жизни А.Р. Беляева вам больше всего запомнились?
2. Какое продолжение в творческой жизни писателя получили его детские и юношеские увлечения?
3. Назовите рассказ, которым А.Р. Беляев стартовал в жанре научно-фантастической литературы. Раскройте его автобиографическую основу.
4. Назовите наиболее известные произведения писателя-фантаста. Чем они характеризуются?

Можно поспорить! Является ли научная фантастика разновидностью серьезной литературы или ее следует относить к книгам развлекательного плана? Какими достоинствами должно обладать научно-фантастическое литературное произведение, чтобы надолго пережить свою эпоху?

Человек-амфибия

(Отрывки)

● Действие романа происходит на аргентинском побережье. Местные жители охвачены паническим страхом из-за того, что в прибрежных водах объявилось загадочное существо, прозванное «морским дьяволом». Обеспокоенные власти направили экспедицию ученых для изучения этого вопроса, однако проведенные исследования не дали никаких результатов. «Морской дьявол» появлялся то тут, то там, нагоняя ужас на всю округу. Лишь капитан шхуны «Медуза» Педро Зурита сохранял спокойствие. Будучи бесстрашным и предприимчивым человеком, он решил поймать «морского дьявола» и использовать его для добычи жемчуга. Таким образом Зурита надеялся быстро разбогатеть. О своем плане он рассказал старому моряку индейцу Бальтазару.

Вскоре «Медуза» с немногочисленным экипажем на борту отправилась на поиски фантастического существа.

Первые две недели прошли в бесплодном ожидании: «морской дьявол» не давал о себе знать. Но в начале третьей недели один из матросов заметил, как неведомое чудовище резвится в воде вместе со своим приятелем дельфином. По приказу Зурита Бальтазар обследовал дно залива, где обнаружил подземную пещеру, которая, вероятно, и вела к жилищу «морского дьявола». У выхода из пещеры Зурита расставил сеть. Той же ночью загадочное существо попало в ловушку. Однако когда моряки подняли сеть, «морской дьявол» разрезал ее необычайно острым ножом и сквозь проделанную дыру нырнул в воду. Педро Зурита был взбешен: добыча буквально на глазах выскользнула из его рук. Впрочем, неудача лишь подхлестнула его желание как можно скорее завладеть существом, способным доставлять со дна моря несметные сокровища.

В ближайшие дни Зурита расставил под водой капканы, проволочные заграждения и сети, но «морской дьявол» не появлялся. Тогда Педро и Бальтазар спустились на дно. Обследовав подводную пещеру, они обнаружили вход в тоннель, загороженный железной решеткой. По предположению Зурита, этот тоннель должен был заканчиваться где-то на суше. Вернувшись на берег, «охотники» отправились искать наземный выход из пещеры. Их внимание привлек странный участок земли, со всех сторон обнесенный высокой и толстой стеной, тщательно скрывавшей от посторонних глаз дом и его обитателей. Зурита разузнал, что дом принадлежит необычайно талантливому хирургу Сальватору, которого индейцы считают чудотворцем. Капитан попытался было, притворившись больным, попасть в дом доктора, но перед ним даже не открыли ворота. Тогда охотники за «морским дьяволом» прибегли к хитрости: брат Бальтазара, старый индеец по имени Кристо, принес к доктору умирающую девочку, которую назвал своей внучкой. Сальватор взялся ее исцелить и через месяц действительно вернул совершенно здоровой. Кристо мастерски сыграл роль благодарного дедушки и сумел убедить недоверчивого доктора в том, что хочет верой и правдой отслужить за спасение девочки. Сальватор согласился принять его на службу, но поставил условие: Кристо должен был молчать обо всем, что увидит в доме. Слуга-негр провел индейца в сад. ●

(...) Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных!

Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных животных. В этом саду жили невиданные звери.

Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба.

Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминое чудовище. Иногда это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая — влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сросшиеся боками «сиамские близнецы» — две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка — ее грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахара и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся — Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснил Кристо, что обезьянку нельзя кормить. И тотчас же воробей с головой маленького попугая вырвал на лету кусок сахара из пальцев Кристо и скрылся за кустом. Вдали на лужайке промывчала лошадь с коровьей головой.

Две ламы промчались по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычные гады, звери и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с петушиной головой, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы...

Кристо казалось, что он бредит. Он протирал глаза, смачивал голову холодной водой фонтанов, но ничто не помогало. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом длинным, как у ящерицы...

И Кристо снова захотелось бежать отсюда.

Но вот Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь пальмовые стволы виднелись арки и колонны. Медные фонтаны в виде дельфинов выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый

большой фонтан перед главным входом изображал юношу, сидящего на дельфине, подобно мифическому Тритону¹, с витым рогом у рта.

За виллой находилось несколько жилых построек и служб, а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую прохладную комнату. Жестами он объяснил, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо одного. (...)

● Отпросившись на несколько дней у Сальватора якобы для того, чтобы навестить внучку, Кристо рассказал Зурита и Бальтазару о чудесах, которые увидел в доме доктора. Его рассказ лишь укрепил сообщников в мысли продолжить поиски в том же месте, поскольку, по их предположениям, «морской дьявол» вполне мог быть одним из «чудес» ученого. Однако для того чтобы получить доступ к этой тайне, старому индейцу необходимо было завоевать еще большее расположение хозяина дома. Узнав, что Сальватор на днях собирается выехать в Анды за пополнением для домашнего зверинца, заговорщики решили инсценировать разбойное нападение, во время которого Кристо должен был сыграть роль спасителя своего хозяина.

План «сработал». По возвращении домой Сальватор показал новому слуге запретную часть сада и через потайную дверь в бассейне провел его в подземную пещеру. ●

Человек-амфибия

(...) Они шли довольно долго. Сверху через люк проникал только рассеянный свет. Но скоро он исчез. Их окружил полный мрак. Шаги глухо отдавались в этом подземном коридоре.

— Не оступись, Кристо, сейчас мы придем.

Сальватор остановился, шаря по стене рукой. Щелкнул выключатель, и яркий свет разлился вокруг. Они стояли в сталактитовой пещере, перед бронзовой дверью со львиными мордами, держащими кольца в зубах. Сальватор дернул за одно кольцо. Тяжелая дверь плавно открылась, и путники вошли в темную залу. Снова щелкнул выключатель. Матовый шар осветил обширную пещеру, одна стена которой была стеклянная. Сальватор переключил свет: пещера погрузилась во мрак, а сильные прожекторы осветили пространство за стеклянной стеной. Это был огромный аквариум, вернее стеклянный дом на дне моря. С земли поднимались водоросли и кусты кораллов, среди них резвились рыбы. И вдруг Кристо увидел выходившее из зарослей человекообразное существо с большими выпуклыми глазами и лягушачьими лапами. Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей. Быстрыми, ловкими движениями это существо подплыло к стеклянной стене, кивнуло Сальватору головой, вошло в стеклянную камеру, захлопнув за собой дверь. Вода из камеры быстро выливалась. Неизвестный открыл вторую дверь и вошел в грот.

— Сними очки и перчатки, — сказал Сальватор.

¹ Тритон — по греческой мифологии, бог морской волны. Трубя в морскую раковину, он вызывал или прекращал волнение моря. Часто изображался сидящим на дельфине.

Неизвестный послушно снял очки и перчатки, и Кристо увидел перед собою стройного красивого молодого человека.

— Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же «морской дьявол», — отрекомендовал юношу Сальватор.

Юноша, приветливо улыбаясь, протянул руку индейцу и сказал по-испански:

— Здравствуйте!

Кристо молча пожал протянутую руку. Пораженный, он не мог выговорить ни слова.

— Негр, слуга Ихтиандра, заболел, — продолжал Сальватор. — Я оставлю тебя с Ихтиандром на несколько дней. Если ты справишься с новыми обязанностями, я сделаю тебя постоянным слугой Ихтиандра.

Кристо молча кивнул головой. (...)

● Ежедневно ухаживая за Ихтиандром, Кристо потихоньку выведал многие его секреты. В частности, то, что жить под водой юноша может благодаря жабрам. Старый индеец узнал также, что много лет тому назад Сальватор провел гениальную операцию по вживлению жабр в человеческое тело и тем самым спас от верной гибели тяжело больного ребенка. Никто из родственников мальчика не интересовался его дальнейшей судьбой, так как вскоре после операции Сальватор сообщил им, что ребенок умер. Прооперированного мальчика он оставил у себя и научил жить под водой. Это и был Ихтиандр, или, как его называли на побережье, «морской дьявол».

Время от времени выходя на берег, юноша все глубже и глубже познавал человеческий мир, столь отличный от мира подводного. Он влюбился в прекрасную и своенравную Гуттиэре, которую отец вскоре насильно выдал замуж за капитана Зурита. Ихтиандр попытался вызволить девушку из дома ненавистного ей мужа, но в результате сам стал пленником Зурита. Тут ему довелось узнать всю меру человеческой жестокости и алчности: Зурита содержал его в невыносимых условиях, заставляя добывать жемчуг и подвергая постоянным физическим и моральным мучениям. Ихтиандру чудом удалось бежать. Но вскоре власти арестовали и его, и доктора Сальватора. Главный священник города, возмущенный дерзкими экспериментами ученого, потребовал от прокурора самого сурового приговора. Накануне судебного заседания власти приняли решение: Сальватора приговорить к тюремному заключению, а Ихтиандра тайно убить, чтобы он не смущал обывателей своим фактом своего существования.

Наступил день суда. Сальватор выступил с речью, в которой отменил все предъявленные ему обвинения, а затем попытался объяснить, почему он решился на «создание» Ихтиандра. ●

Слово подсудимого

(...) Подолгу наблюдал я оперированных животных у себя в лаборатории, стремясь выяснить, изучить, что происходит с органами, перенесенными на новое, иногда необычное даже место. Когда мои наблюдения кончались, животное переселялось в сад. Так создавался у меня этот сад-музей. Особенно меня увлекла проблема обмена и пересадки тканей между далеко стоящими животными: например, между рыбами и млекопитающими и наоборот. И здесь мне удалось достичь того, что ученые считают

вообще невысказанным. Что же тут необычайного? То, что сделал я сегодня, завтра будут делать рядовые хирурги. (...)

— Но Ихтиандр? — спросил эксперт.

— Да, Ихтиандр — это моя гордость. При операции Ихтиандра трудность заключалась не только в технике. Я должен был изменить всю работу человеческого организма. Шесть обезьян погибло на предварительных опытах, прежде чем я добился цели и мог оперировать ребенка, не опасаясь за его жизнь.

— В чем же заключалась эта операция? — спросил председатель.

— Я пересадил ребенку жабры молодой акулы, и ребенок получил возможность жить на земле и под водой.

Среди публики послышались возгласы удивления. Корреспонденты газет, присутствовавшие в зале, бросились к телефонам, торопясь сообщить редакциям эту новость.

— Позже мне удалось достигнуть еще большего успеха. Моя последняя работа — земноводная обезьяна, которую вы видели, может жить без вреда для здоровья неопределенно долгое время как на земле, так и под водой. А Ихтиандр может прожить без воды не более трех-четырех суток. Долгое пребывание на земле без воды для него вредно: легкие переутомляются, а жабры подсыхают, и Ихтиандр начинает испытывать колющие боли в боках. К сожалению, во время моего отъезда Ихтиандр нарушал установленный мною режим. Он слишком долго оставался на воздухе, переутомил свои легкие, и у него развилась серьезная болезнь. Равновесие в его организме нарушено, и он должен большую часть времени проводить в воде. Из человека-амфибии он превращается в человека-рыбу...

— Разрешите задать подсудимому вопрос, — сказал прокурор, обращаясь к председателю. — Каким образом пришла Сальватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?

— Мысль всё та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества. Почему бы не вернуть человеку эту возможность? Из истории развития животных мы знаем, что все земные животные и птицы произошли от водных — вышли из океана. Мы знаем, что некоторые наземные животные снова вернулись в воду. Дельфин был рыбой, вышел на сушу, стал млекопитающим животным, но потом вернулся в воду, хотя и остался, как и кит, млекопитающим. И кит, и дельфин дышат легкими. Можно было дельфину помочь стать двоякодышащей амфибией. Ихтиандр просил меня об этом: тогда его друг — дельфин Лидинг — мог бы оставаться с ним долгое время под водой. Я собирался сделать дельфину такую операцию. Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Вы знаете, что это за стихия, какая это мощь? Вы знаете, что площадь океана равна тремстам шестидесяти одному миллиону пятидесяти тысячам квадратных километров? Больше семи десятых земной поверхности составляет пространство водной

пустыни. Но эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек. Больше трехсот шестидесяти одного миллиона квадратных километров — это только площадь, поверхность. Но ведь люди могли бы расположиться по нескольким подводным этажам. Миллиарды людей без тесноты и давки могли бы разместиться в океане.

А его мощность! Вы знаете, что воды океана поглощают энергию солнечного тепла, равную мощности семидесяти девяти миллиардов лошадиных сил? Если бы не отдача тепла воздуху и прочие теплопотери, океан давно закипел бы. Практически беспредельный запас энергии. Как он используется сухопутным человечеством? Почти никак. (...)

Как же мы используем беспредельные богатства океанов? Ловим рыбу — я бы сказал, снимаем улов только с самой верхней пленки океана, оставляя совершенно неиспользованными глубины. Собираем губки, кораллы, жемчуг, водоросли — и только.

Мы производим под водой кое-какие работы: устанавливаем опоры мостов и плотин, поднимаем затонувшие корабли — и только! Но и это делаем с большим трудом, с большим риском, нередко с человеческими жертвами. Несчастный земной человек, который на второй минуте уже погибает под водой! Какие тут работы?

Иное дело, если бы человек без скафандра, без кислородных приборов мог жить и работать под водой. (...)

— Если бы человек мог жить в воде, то освоение океана, освоение его глубин пошло бы гигантскими шагами. Море перестало бы быть для нас грозной стихией, требующей человеческих жертв. Нам не пришлось бы больше оплакивать утопленников. (...)

● Сальватор был осужден на несколько лет тюремного заключения. Но, находясь в камере, он все же смог с помощью друзей организовать побег Ихтиандра. Юноша уплыл на другую сторону Южной Америки, к коралловому острову, на котором жил старый товарищ Сальватора, ученый-океанограф Арман Вильбуа. Отбыв положенный срок наказания, доктор Сальватор засобирился в дальнее путешествие. Горожане почти забыли об истории с «морским дьяволом» и лишь изредка вспоминали о ней, как о чем-то очень далеком... ●

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Расскажите о чудесах, увиденных старым индейцем в саду Сальватора. Как Кристо воспринял диких обитателей этого сада?
2. Найдите описание внешности Ихтиандра в момент его знакомства с Кристо. Что придавало облику юноши черты сверхъестественного существа?
3. Как доктор Сальватор объяснил на суде свой эксперимент, увенчавшийся созданием «человека-амфибии»?
4. Какие научные открытия предвосхитил в своем романе А.Р. Беляев? Докажите, что данное произведение относится к жанру научной фантастики.

Можно поспорить! Проведите в классе дискуссию на тему «Великие научные эксперименты: за и против». Защищая свою точку зрения, опирайтесь не только на содержание романа «Человек-амфибия», но и

на известные вам сведения о достижениях современной науки. Подумайте также над следующими вопросами:

А. Могут ли высокие научные и гуманистические цели служить оправданием для экспериментов над живыми существами?

Б. Какие созидательные и разрушительные последствия могут иметь такие опыты?

В. Хотели бы вы оказаться на месте Ихтиандра? А Сальватора?

Творческое задание. На основе своих впечатлений от знакомства с главами романа «Человек-амфибия» напишите сочинение-рассуждение на тему «Судьба научных открытий в мире, одержимом жадной наживы».

Глава 4

«ТЫ НАВСЕГДА В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛ»

Что вам известно о сказке «Маленький принц» и о ее авторе?

*Антуан
де Сент-Экзюпери
(1900–1944)*

Знаменитый писатель-летчик, романтик, защищавший гуманистические идеалы в кабине самолета и за письменным столом, — таким Антуан де Сент-Экзюпери вошел в историю литературы XX в. «Для меня летать и писать — одно и то же, — утверждал он. — Главное — действовать, главное — найти себя. Авиатор и писатель сливаются: оба в равной степени познают мир». Двойную страсть — к художественному творчеству и к технике — Экзюпери пронес через всю свою жизнь.

Он принадлежал к старинному дворянскому роду, представители которого упоминались в летописях 1235 г. Кроме Антуана, в семье было еще четверо детей. Отец умер рано, и мать стремилась восполнить эту утрату своей любовью, нежностью и заботой. Она хотела вырастить детей прежде всего благородными

и счастливыми людьми, поэтому отдавала предпочтение свободному воспитанию, нацеленному на поддержание их способностей и увлечений. Для Антуана мать навсегда осталась самым дорогим и близким человеком. В одном из своих писем двадцатидвухлетний Экзюпери признавался ей: «Ваши письма помогают мне жить, они приносят мне свежесть. Мамочка, откуда Вы берете эти чудесные слова? Целый день нахожусь под их впечатлением. Вы нужны мне так же, как в детстве... Вы — лучшее, что есть у меня в жизни... единственная отрада, когда у меня тяжесть на душе. Только Вы — моя защита, только Вы все знаете и можете меня утешить».

Детские годы писателя прошли в родовом замке Ла Моль, в котором царила почти сказочная атмосфера. Настоящей сокровищницей тайн далекого прошлого казался детям чердак замка, на котором хранились

несколько «поколений» роскошных нарядов, шляп, ботфортов. Чарующие сказки, семейный уют, веселые детские праздники и игры — вот из чего был соткан солнечный мир детства Антуана. Глубокую связь с ним писатель ощущал до конца своих дней. Детство было для него больше чем светлым воспоминанием — оно было его духовной «отчиной». «Я родом из детства, — говорил писатель, — я пришел из детства, словно из страны».

В то же время он был «родом» и из XX столетия. С детства увлекавшийся техникой и изобретательством, Экзюпери выбрал профессию летчика, порожденную веком научно-технического прогресса. В ту пору она считалась самой модной и рискованной.

Свободное от вылетов время Экзюпери посвящал литературному творчеству. В своих книгах он преимущественно описывал то, что пережил сам, или пересказывал истории, услышанные от коллег. Наиболее известные его произведения, написанные по следам реальных событий, — «Южный почтовый» (1929), «Ночной полет» (1931), «Планета людей» (1939), «Военный летчик» (1942) — повествуют о жизни первых авиаторов, выполняющих трудную, но важную и нужную работу. Герои этих книг — отважные, благородные, влюбленные в свою профессию люди. Они счастливы в полете и страдают на земле, где им слишком часто приходится сталкиваться с косностью и скукой обывательской жизни. Их объединяют готовность мужественно выдержать любые испытания, верность товарищеским узам и чувство ответственности за других людей. Это чувство Сент-Экзюпери ценил превыше всего. «Моя духовная культура, — говорил он, — наследуя Богу, сделала каждого ответственным за всех людей и всех людей — за каждого... Человек, воспитанный в этих правилах, обладал бы силой могучего дерева. Какое пространство мог бы он охватить своими корнями!» Идеал человека, чей гуманизм заключается в ответственности за судьбы близких и далеких людей, за судьбы человечества и всей планеты, писатель утверждал и в своих художественных произведениях.

В годы войны с гитлеровской Германией Экзюпери, здоровье которого было подорвано травмами, полученными в авиакатастрофах, добился того, чтобы его приняли на службу в военно-разведывательную авиацию. Во время одного из разведывательных вылетов он пропал без вести.

Незадолго до гибели А. де Сент-Экзюпери написал сказку «Маленький принц», которой была суждена слава шедевра мировой литературы. Она стала своеобразным духовным завещанием писателя, причем завещанием, адресованным не только детям, но и взрослым. «Печальная и насмешливая сказка эта, — отмечала русская переводчица Н. Галь, — конечно, больше для взрослых, чем для детей... Над нею и улыбнешься, и взгрустнешь, а главное — непременно задумаешься... Сказка эта — мудрая и человечная, и автор ее не только поэт, но и философ. Просто и проникновенно... говорит он о самом важном. О долге и верности. О дружбе и любви, о горячей, деятельной любви к жизни и к людям. О нетерпимости к злу. И о том, каким же быть человеку на этой еще не очень-то устроенной, подчас недоброй, но любимой и единственной нашей планете Земле». В этой сказке в изумительной художественной форме писатель высказал свои самые заветные, самые пронзительные мысли о поиске путей к тому, чтобы наполнить человеческую жизнь высшим смыслом и настоящим счастьем.

Комментарий профессора Архивайкина

Опасная романтика воздушных путешествий. Опасность профессии летчика Экзюпери в полной мере испытал на себе. Дважды он попадал в аварии, из которых чудом выбирался живым. Об одной из них, пережитой им вместе с товарищем Жаном Прево во время перелета через Ливийскую пустыню, писатель рассказывал: «Мы оказались в трудном положении. Наши припасы были уничтожены. Мы остались без воды и, кроме того, могли лишь приблизительно, с погрешностью до трехсот километров определить свое местонахождение в пустыне.

Однако мы сразу отправились в путь, предварительно написав на песке десятиметровыми буквами, где нас искать. У нас оставалось три четверти литра кофе, и нужно было достичь цели раньше, чем начались бы муки жажды.

В тот день мы прошли около семидесяти километров, включая возвращение к самолету... но так и не нашли ни малейших признаков жизни, если не принимать во внимание миражи, которые таяли, едва мы к ним приближались... В тот день мы использовали наши мизерные запасы кофе.

Утром следующего дня мы собрали на крыльях и обшивке самолета немного росы, смешанной с краской и смазкой. Эта влага не принесла нам значительного облегчения... Я отправился в разведку один, без капли воды. В тот день я шел от восьми до девяти часов быстрым шагом. Было очень трудно, к тому же я должен был еще позаботиться о знаках, которые помогли бы мне потом вернуться.

На обратном пути меня настигла ночь, но Прево разжег костер, и мне удалось сориентироваться еще за несколько километров... Мы жестоко

Авария в Ливийской пустыне

страдали из-за отсутствия воды, и потому решили отправиться в путь на восходе солнца и идти прямо вперед, пока не упадем... Мы очень надеялись собрать этой ночью капли росы с разложенного на земле парашюта. Но, к сожалению, то ли из-за неизвестного вещества, которым был обработан парашют, то ли из-за солей, осевших на стенках резинового бака, из которого мы выкрутили влажный парашют, нас стошнило...

На следующее утро мы были настолько истощены, что, преодолевая каждые двести метров, должны были останавливаться. Таким образом мы добрались до караванного пути, и нас наконец подобрали арабы...» ●

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ

1. Расскажите о детских годах А. де Сент-Экзюпери. Что имел в виду писатель, когда говорил: «Я родом из детства, я пришел из детства, словно из страны»?

2. Приведите примеры, свидетельствующие о мужестве, проявленном писателем-летчиком в годы службы в авиации.

3. Какие темы Экзюпери разрабатывал в своем творчестве?

Работа в парах. Обсудите смысл высказывания А. де Сент-Экзюпери: «Самолет — не цель, только средство. Жизнью рискуешь не ради самолета. Ведь не ради плута пашет крестьянин. Но самолет помогает вырваться из города, от счетоводов и писемоводителей, и вновь обрести ту истину, которой живет крестьянин».

Перед чтением. Читая сказку А. де Сент-Экзюпери, постарайтесь понять инносказательный смысл ее образов.

Маленький принц

С рисунками автора

(В сокращении)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И еще: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И, наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу эту книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

*Леону Верту,
когда он был маленьким.*

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удиви-

тельную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумнее и понятливее других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, — и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки

достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удава снаружи.

И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому.

Но он и от этого рисунка отказался:

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь мне надо было поскорей разобрать мотор — и нацарапал ящик.

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нем сидит такой барашек, какого тебе хочется.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот это хорошо! Как ты думаешь, много этому барашку надо травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолет:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от этого полупризнания о «других планетах».

И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдет?

— Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

— Это не страшно, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

— Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдешь... (...)

● Оказалось, что родной планетой Маленького принца был астероид В-612, который с Земли трудно увидеть даже в телескоп. Это была крошечная планета, величиной с дом, но Маленький принц считал ее самой прекрасной... ●

V

(...) На планете Маленького принца, как и на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый и безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронижет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

— Есть такое твердое правило, — сказал мне позднее Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети хорошо поняли.

— Если им когда-нибудь придется путешествовать, — сказал он, — это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполнил вовремя три кустика... (...)

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение: ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

- Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.
- Ну, придется подождать.
- Чего ждать?
- Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

- Мне всё кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планете тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты снова и снова смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

- Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

— Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

— Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

- Если барашек ест кусты, он и цветы ест?
- Он ест всё, что попадется.
- Даже такие цветы, у которых шипы?
- Да, и те, у которых шипы.
- Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение мое становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

- Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

- Шипы ни зачем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.
- Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают — если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении:

— Серьезным делом?!

Он всё смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Всё ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он потрянул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» — совсем как ты. И прямо раздается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки всё-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело — понять, почему они из всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это неважно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет да и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это всё, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек съест его, это всё равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, неважно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете — на моей планете, по имени Земля, — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я плохо понимал, что говорю. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его

душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, всё готовилась, всё прихоращивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — обиженно заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его всё-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я ее слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — это всё равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Не без грусти Маленький принц вырвал также последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил и собрался накрыть колпаком чудесный цветок, ему даже захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ПРОЧТЕНИЮ

1. Какое впечатление произвели на вас детские рисунки рассказчика? Почему взрослые их не восприняли? Смогли бы вы понять эти рисунки без комментария рассказчика? Как оценка взрослых повлияла на дальнейшую судьбу героя?

2. Объясните, при каких обстоятельствах рассказчик очутился в Сахаре. Чем его поразила встреча с Маленьким принцем? Передает ли нарисованный им портрет характер мальчика?

3. Как жилось Маленькому принцу на его планете? Какой иносказательный смысл заключен в образе баобабов, с которыми он постоянно боролся? Какими качествами должен был обладать мальчик, чтобы вести такую борьбу?

4. Расскажите о том, как Маленький принц ухаживал за своим цветком. Выразительно прочтите отрывок, в котором описывается раскрытие бутона. Какие черты характера героя отразились в этом описании? Любил ли Маленький принц свою розу? Понимал ли ее? Чему научили его отношения с цветком? Подкрепите свой ответ цитатами.

5. Раскройте иносказательное значение образа розы.

Консультация профессора Филодогова

Как построен сюжет сказки «Маленький принц»? Вероятно, вы заметили, что в сюжете «Маленького принца» отразились некоторые детали биографии автора (в частности, летная служба, авария в пустыне, увлечение рисованием, чувство глубокой связи с собственным детством и др.). Но из этих деталей писатель составил не реалистический рассказ об определенных событиях своей жизни, а сказку о фантастическом путешествии Маленького принца.

Впрочем, достаточно прочесть хотя бы несколько страниц этого произведения, чтобы ощутить, что Сент-Экзюпери написал необычную сказку о необычном Маленьком принце. Ведь в центре внимания здесь — не приключения мальчика, а его наблюдения и размышления над жизнью. Иначе говоря, перед нами — аллегорический сюжет, состоящий из событий, кото-

рые представляют собой аллегорические воплощения тех или иных нравственно-философских вопросов. А ответы на них звучат из уст Маленького принца. Возможно, кому-то эти ответы покажутся несколько «детскими», но на самом деле они превосходят своей мудростью многие общепринятые в мире взрослых суждения. Умозаключения Маленького принца придают сказке выразительный поучительный смысл.

Аллегорическими в произведении являются все персонажи — от Маленького принца, олицетворяющего по-детски чистый, не искаженный взрослыми представлениями взгляд на мир, до пустыни Сахары, которую следует воспринимать не буквально, как реально существующую местность, а как иносказательный образ, означающий внезапную остановку в потоке повседневности, когда человек оказывается один на один со своей душой и задумывается над важными жизненными вопросами.

Иными словами, перед нами не просто сказка, а *философская сказка-притча*. Наиболее существенные признаки этого жанра отображены в представленной ниже схеме.

Аллегорический принцип построения произведения предполагает, что иносказательное значение изображаемых в нем событий, ситуаций и разговоров следует извлекать из *подтекста*.

ЛИТЕРАТУРОВОЕ ЧЕЩЕЧЕ

Подтекст — неявный, скрытый смысл художественных образов, отдельных эпизодов или даже всего сюжета произведения.

X

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие, да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горностаи, он восседал на троне — очень простом и всё же величественном.

— А, вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди — подданные.

— Подойди, я хочу тебя рассмотреть, — сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.

Маленький принц оглянулся — нельзя ли где-нибудь сесть, — но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... и вдруг он зевнул.

— Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, — сказал король. — Я запрещаю тебе зевать.

— Я нечаянно, — ответил Маленький принц, очень смущенный. — Я долго был в пути и совсем не спал...

— Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, — сказал король. — Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

— Но я робею... я больше не могу... — вымолвил Маленький принц и весь покраснел.

— Гм, гм... Тогда... Тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился.

Ведь для короля самое важное — чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

«Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, — говорил он, — и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

— Можно мне сесть? — робко спросил Маленький принц.

— Повелеваю: сядь! — отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Чем же правит этот король?

— Ваше величество, — начал он, — могу ли я вас спросить...

— Повелеваю: спрашивай! — поспешно сказал король.

— Ваше величество... чем вы правите?

— Всем, — просто ответил король.

— Всем?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды.

— И всем этим вы правите? — переспросил Маленький принц.

— Да, — отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

— И звезды вам повинуются? — спросил Маленький принц.

— Ну конечно, — отвечал король. — Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом солнца не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом ему даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и набравшись храбрости, попросил короля:

— Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

— Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват — он или я?

— Вы, ваше величество, — ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

— Совершенно верно, — подтвердил король. — С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

— А как же заход солнца? — напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

— Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

— А когда условия будут благоприятные? — осведомился Маленький принц.

— Гм, гм, — ответил король, листая толстый календарь. — Это будет... гм, гм... сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему стало скучновато.

— Мне пора, — сказал он королю. — Больше мне тут нечего делать.

— Останься! — сказал король; он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. — Останься, я назначу тебя министром.

— Министром чего?

— Ну... юстиции.

— Но ведь здесь некого судить!

— Как знать, — возразил король. — Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

— Но я уже смотрел! — воскликнул он. — Там тоже никого нет.

— Тогда суди сам себя, — сказал король. — Это труднее всего. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

— Сам себя я могу судить где угодно, — сказал Маленький принц. — Для этого мне незачем оставаться у вас.

— Гм, гм... — сказал король. — Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

— Не люблю я выносить смертные приговоры, — сказал Маленький принц. — И вообще, мне пора.

— Нет, не пора, — возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

— Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, — сказал он, — вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные...

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

— Назначаю тебя послом! — поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких поражений.

«Странный народ эти взрослые», — сказал себе Маленький принц, продолжая путь. (...)

● Маленький принц продолжил путешествие. На следующей планете, которую он посетил, жил честолюбец, необычайно собой гордившийся и требовавший, чтобы все им восхищались. Маленький принц поторопился с ним проститься и вскоре очутился на третьей планете. Ее обитатель был пьяницей. Странный это был человек — он стыдился того, что пил, но продолжал пить, чтобы забыть свой стыд. Коротко поговорив с ним, Маленький принц полетел дальше. ●

XIII

Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

— Добрый день, — сказал ему Маленький принц. — Ваша папираса погасла.

— Три да два — пять. Пять да семь — двенадцать. Двенадцать да три — пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь — двадцать два. Двадцать два да шесть — двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять — тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

— Пятьсот миллионов чего?

— А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю, чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять — семь...

— Пятьсот миллионов чего? — повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не успокаивался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

— Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за всё время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

— Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

— Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

— Это что же, мухи?

- Да нет же, такие маленькие, блестящие.
- Пчелы?
- Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.
- А, звезды?
- Вот-вот. Звезды.
- Пятьсот миллионов звезд? Что же ты с ними делаешь?
- Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.
- Так что же ты делаешь со всеми этими звездами?
- Что делаю?
- Да.
- Ничего не делаю. Я ими владею.
- Владеешь звездами?
- Да.
- Но я уже видел короля, который...
- Короли ничем не владеют. Они только правят. Это совсем другое дело.
- А для чего тебе владеть звездами?
- Чтоб быть богатым.
- А для чего быть богатым?
- Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.
- «Он рассуждает, почти как тот пьяница», — подумал Маленький принц. И стал спрашивать дальше:
- А как можно владеть звездами?
- Звезды чьи? — ворчливо спросил делец.
- Не знаю. Ничьи.
- Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.
- И этого довольно?
- Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, — значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.
- Вот это верно, — сказал Маленький принц. — И что же ты с ними делаешь?
- Распоряжаюсь ими, — ответил делец. — Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.
- Однако Маленькому принцу этого было мало.
- Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, — сказал он. — Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!
- Нет, но я могу положить их в банк.
- Как это?
- А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.
- И всё?
- Этого довольно.
- «Забавно! — подумал Маленький принц. — И даже поэтично. Но не так уж это серьезно».

Что серьезно, а что не серьезно, — это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

— У меня есть цветок, — сказал он, — и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда поразительный народ», — простодушно говорил он себе, продолжая путь.

XIV

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал: «Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе всё-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

— Добрый день, — сказал он. — Почему ты сейчас погасил фонарь?

— Такой уговор, — ответил фонарщик. — Добрый день.

— А что это за уговор?

— Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

— А зачем же ты опять его зажег?

— Такой уговор, — повторил фонарщик.

— Не понимаю, — признался Маленький принц.

— И понимать нечего, — сказал фонарщик, — уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал:

— Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

— А потом уговор переменялся?

— Уговор не менялся, — сказал фонарщик. — В том-то и беда! Моя планета год от году вращается всё быстрее, а уговор остается прежний.

— И как же теперь? — спросил Маленький принц.

— Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

— Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!
— Ничего тут нет забавного, — возразил фонарщик. — Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

— Целый месяц?!

— Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему всё больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат солнца. И ему захотелось помочь другу.

— Послушай, — сказал он фонарщику, — я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

— Мне всё время хочется отдыхать, — сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и всё-таки ленивым.

— Твоя планетка такая крохотная, — продолжал Маленький принц, — ты можешь обойти ее в три шага. И тебе просто нужно идти с такой скоростью, чтобы всё время оставаться на солнце. Когда тебе захочется отдохнуть, ты просто всё иди, иди... и день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

— Ну, от этого мне мало толку, — сказал фонарщик. — Больше всего на свете я люблю спать.

— Тогда плохо твое дело, — посочувствовал Маленький принц.

— Плохо мое дело, — подтвердил фонарщик. — Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек, — сказал себе Маленький принц, продолжая путь, — вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех только он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот с кем я мог бы подружиться, — подумал он еще. — Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...»

Он не смел признаться себе в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз! (...)

● На шестой планете жил географ. Всю свою жизнь он посвятил описанию океанов, гор, рек, городов, но при этом не совершил ни одного путешествия.

Седьмой планетой оказалась Земля. ●

XVI

(...) Земля — планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, разумеется, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев, итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков — четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек. (...)

(...) Итак, попав на землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

— Добрый вечер, — сказал на всякий случай Маленький принц.

— Добрый вечер, — ответила змея.

— На какую это планету я попал?

— На Землю, — сказала змея. — В Африку.

— Вот как. А разве на Земле нет людей?

— Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

— Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, — задумчиво сказал он. — Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вот моя планета — как раз прямо над нами... Но как до нее далеко!

— Красивая планета, — сказала змея. — А что ты будешь делать здесь, на Земле?

— Я поссорился со своим цветком, — признался Маленький принц.

— А, вот оно что...

И оба умолкли.

— А где же люди? — вновь заговорил наконец Маленький принц. — В пустыне всё-таки одиноко...

— Среди людей тоже одиноко, — заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на нее.

— Странное ты существо, — сказал он. — Не толще пальца...

— Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, — возразила змея.

Маленький принц улыбнулся:

— Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

— Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, — сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

— Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, — сказала она. — Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

— Мне жаль тебя, — продолжала змея. — Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

— Я прекрасно понял, — сказал Маленький принц. — Но почему ты всё время говоришь загадками?

— Я решаю все загадки, — сказала змея.

И оба умолкли. (...)

XIX

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видел гор, кроме своих трех вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: «С такой высокой горы я сразу увижу всю эту планету и всех людей». Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

-
- Добрый день, — сказал он на всякий случай.
 - Добрый день... день... день... — откликнулось эхо.
 - Кто вы? — спросил Маленький принц.
 - Кто вы... кто вы... кто вы... — откликнулось эхо.
 - Будем друзьями, я совсем один, — сказал он.
 - Один... один... один... — откликнулось эхо.

«Какая странная планета! — подумал Маленький принц. — Совсем сухая, вся в иглах и соленая. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым».

XX

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и, наконец, набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день, — сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

— Добрый день, — отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, пораженный.

— Мы — розы, — отвечали розы.

— Вот как... — промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! — подумал Маленький принц. — Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду умерла бы, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух и, может быть, навсегда... какой же я после этого принц...»

Он лег в траву и заплакал.

XXI

Вот тут-то и появился Лис.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, — вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

— Я здесь, — послышался голос. — Под яблоней...

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я — Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть, — сказал Лис. — Я не приручен.

— Ах, извини, — сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

— А как это — приручить?

— Ты не здешний, — заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?
— Людей ищу, — сказал Маленький принц. — А как это — приручить?
— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?
— Нет, — сказал Маленький принц. — Я ищу друзей. А как это — приручить?
— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает: создать узы.

— Узы?
— Вот именно, — сказал Лис. — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

— Я начинаю понимать, — сказал Маленький принц. — Была одна роза... наверно, она меня приручила...

— Очень возможно, — согласился Лис. (...) — Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— Я бы рад, — отвечал Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

— Лучше приходи всегда в один и тот же час, — попросил Лис. — Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды.

— А что такое обряды? — спросил Маленький принц.

— Это тоже нечто давно забытое, — объяснил Лис. — Нечто такое, от чего один какой-то день становится непохож на все другие дни, один час — на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день — четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придется, все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

— Я буду плакать о тебе, — вздохнул Лис.

— Ты сам виноват, — сказал Маленький принц. — Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

— Да, конечно, — сказал Лис.

— Но ты будешь плакать!

— Да, конечно.

— Значит, тебе от этого плохо.

— Нет, — возразил Лис, — мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

— Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза — единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

— Вы ничуть не похожи на мою розу, — сказал он им. — Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

— Вы красивые, но пустые, — продолжал Маленький принц. — Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она — моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь, — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу.

— Потому что я отдавал ей всю душу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить. (...)

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — всё, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил свой самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

— Лис, с которым я подружился...

— Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

— Почему?

— Да потому, что придется умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

— Хорошо, когда есть друг, даже если надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня — и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... пойдём поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне. Но всё-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча; наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне всё вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И всё же в тишине что-то светится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен, вдруг я понял, что означает таинственный свет, исходящий от песков. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звезды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось — я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: всё это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе еще: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шел — и на рассвете дошел до колодца.

XXV

— Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, — сказал Маленький принц. — Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

Потом прибавил:

— И всё напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец — просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но поблизости не было никакой деревни, и я подумал, что это сон.

— Как странно, — сказал я Маленькому принцу, — тут всё приготовлено: и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал Маленький принц. — Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

— Я сам зачерпну воды, — сказал я, — тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

— Мне хочется глотнуть этой воды, — промолвил Маленький принц. — Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была, как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на елке, пеньем органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно, — согласился я.

И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

— Ты должен сдержать слово, — мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

— Какое слово?

— Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я достал из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

— Баобабы у тебя похожи на капусту...

А я-то так гордился своими баобабами!

— А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

— Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать — разве только удавов снаружи и изнутри.

— Ну ничего, — успокоил он меня. — Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

— Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

— Знаешь, — сказал он, — завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

— Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Всё-таки я спросил:

— Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

— Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

— Мне страшно... — со вздохом начал я.

Но он сказал:

— Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе... Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали

увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос:

— Разве ты не помнишь? — говорил он. — Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

— Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

— Ну, конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я всё еще ничего не видел.

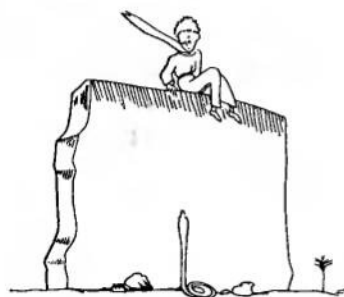
После недолгого молчания Маленький принц спросил:

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я всё еще не понимал.

— Теперь уходи, — сказал Маленький принц. — Я хочу прыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза, да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты. Нашупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлическим звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш! — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Я смочил ему виски и заставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвил мою шею

руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

— Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

— Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

— И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

— Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Всё было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать... (...)

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня — точно родник в пустыне.

— Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь всё это — и змея, и свиданье со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего не увидишь глазами... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была, как музыка, а всё из-за вóрота и веревки... Помнишь? Она была очень хорошая.

— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто — одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

— Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

— Как так?

— У каждого человека свои звезды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца́ они — золото. Но для всех этих людей звезды — немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

— И когда ты утешься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю.

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

Он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставлю.

— Тебе покажется, что мне больно... покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

— Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

— Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

— Я тебя не оставляю.

Он вдруг успокоился:

— Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

— А, это ты... — сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это всё равно, что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но всё-таки сделал еще одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиться...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

— Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

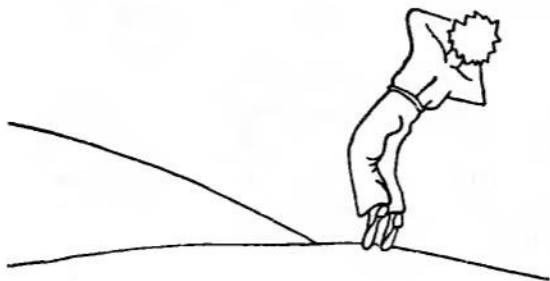
— Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну... вот и всё...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И всё же понемногу я утешился. То есть... не совсем. Но я знаю: он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Не такое уж оно было тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...» Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... тогда всё может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю...» И тогда все бубенцы плачут...

Всё это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не всё равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел не знакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?» И вы увидите: всё станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклиная вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно,

догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся...

Перевод Н. Галь

ЧТЕНИЕ-САМООБУЧЕНИЕ

Учимся анализировать философскую сказку-притчу

I. Учимся осмысливать прочитанное

1. Расскажите об обитателях крошечных планет, с которыми Маленький принц познакомился во время своего путешествия. В чем проявляется бессмысленность их жизненных целей и занятий? Как оценивает их существование Маленький принц?
2. О ком из жителей других планет Маленький принц сказал: «...из них всех только он один, по-моему, не смешон... Вот с кем я мог бы подружиться...»? На каких выводах основывалась эта оценка?
3. Какой увидел Землю юный путешественник? Как он себя здесь чувствовал в первое время после прибытия?
4. Как вы думаете, почему Маленький принц расплакался, обнаружив, что в мире существует много цветов, похожих на его розу?
5. Расскажите о том, как мальчик подружился с Лисом. Какие важные жизненные уроки преподнес ему мудрый Лис? А чем эти уроки обогатили вас?
6. Какую помощь Маленький принц оказал рассказчику? Приведите в пример соответствующие эпизоды и подкрепите ответ цитатами. Считаете ли вы эту помощь волшебством? Аргументируйте свой ответ.
7. Как Маленький принц покинул Землю? Какие чувства у вас вызвала эта сцена? Почему летчик не помешал его планам? А как на месте рассказчика поступили бы вы? Раскройте символический подтекст образа змеи.

II. Учимся обобщать прочитанное

1. Как в сказке изображается мир взрослых? Почему автор судит его устами Маленького принца?
2. Расскажите о ложных и истинных целях человеческой жизни, которые Маленький принц постигает во время своих странствий. А что он открывает для рассказчика? Подкрепите свой ответ цитатами.

Работа в парах. Определите, кто и при каких обстоятельствах говорит следующие слова:

- «Хотел бы я знать, зачем звезды светятся... Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою».
- «Узнать можно только те вещи, которые приручишь...»
- «...зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».
- «...ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».
- «Вода бывает нужна и сердцу...»
- «Знаешь, отчего хороша пустыня?.. Где-то в ней скрываются родники...»
- «Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...»
- «Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать».

Обсудите смысл процитированных высказываний. Какие из них важны лично для вас? Почему? Выпишите такие высказывания в тетрадь и подберите аргументы для их обоснования. Подготовьте мини-презентацию наиболее важных для вас мыслей, содержащихся в сказке А. де Сент-Экзюпери.

III. Учимся фантазировать

Групповая работа. Разбившись на три группы по интересам, выполните одно из предложенных ниже заданий.

А. Нарисуйте в тетради маршрут путешествия Маленького принца. Какими двумя-тремя «пунктами» вы могли бы его дополнить? Подготовьте о них устный рассказ.

Б. Представьте, что перед тем, как отбыть с Земли, Маленький принц оставил рассказчику небольшое письмо, в котором поделился своими мыслями о жизни. Придумайте текст такого письма.

В. Представьте, что, расставшись с Маленьким принцем, рассказчик случайно встретился с Лисом. Какой бы могла быть эта встреча? Опишите (или инсценируйте) ее.

IV. Филологический мастер-класс

Думайте сами! Какой аллегорический смысл заключает в себе сюжет «Маленького принца»? Раскройте иносказательные значения образа Маленького принца.

Сопоставьте сказку А. де Сент-Экзюпери с любой из ранее изученных литературных сказок. Объясните основные различия между этими произведениями.

Сказки XX века в искусстве

Грин и созданные им образы в творчестве С.Г. Бродского. Книжки А.С. Грина с детства полюбили советскому художнику-графику Савве Григорьевичу Бродскому. В 1963–1964 гг. он

подготовил большую серию иллюстраций к шеститомному изданию сочинений писателя. Бродский был также одним из инициаторов создания Дома-музея А.С. Грина в Феодосии; до последних дней он активно участвовал во всех работах, связанных с расширением и реконструкцией этого музея.

Задача, стоявшая перед художником при создании серии иллюстраций к гриновским произведениям, была достаточно сложна — передать неповторимый художественный мир, в котором сочетаются вымысел и действительность, романтический строй чувств и бытовая точность деталей. Основной акцент Бродский сделал на главных героях произведений. Именно они, по мнению художника, являются основными выразителями авторского отношения к жизни. Воображаемая страна, в которой происходит действие, напротив, как бы отступает на второй

Рассмотрите иллюстрацию С.Г. Бродского к повести «Алые паруса». Укажите основные образы этой картины и раскройте их символический смысл. Как вы думаете, почему художник предпочел вместо корабля с алыми парусами изобразить только отдельные его «частицы» — полоски алой ткани, корабельный фонарь? А почему герои на его картине повернуты к зрителю спиной?

С. Бродский. Иллюстрация к повести А.С. Грина «Алые паруса»

план. То, что окружает героев, на рисунках Бродского показано с минимальным количеством деталей, с высокой степенью обобщения, нередко близкого к символу, знаку. Пространство фантастической Гринландии предстает на иллюстрациях в виде динамично пересекающихся под разными углами плоскостей, в которых, как в сложной системе зеркал, отражается шумная жизнь портовых городов Лисса, Гель-Гью, Зурбагана с их живописными карнавалами и празднествами, силуэтами кораблей, ночными «магнетическими парадами звезд».

(По А. И. Матвееву)

Советские «кинохиты» 60-х годов XX века.

Период конца 50-х — начала 60-х годов в советском кинематографе прошел под знаком «романтического» бума: в моду вошли фильмы о возвышенных чувствах, неординарных героях и незаурядных событиях. Именно в это время получили новую — киноэкранную — жизнь «Алые паруса» А. С. Грина и «Человек-амфибия» А. Р. Беляева. Оба фильма стали настоящими сенсациями кинематографической жизни: в первый год проката «Алые паруса» собрали более двадцати миллионов, а «Человек-амфибия» — свыше шестидесяти миллионов зрителей. Премьерные показы этих кинокартин в разных городах Советского Союза вызвали небывалый ажиотаж среди публики. Так, во время премьеры «Человека-амфибии» под напором людей, столпившихся перед зданием кинотеатра «Россия», в котором проходил показ, лопнули стеклянные витрины. Тем временем в кинозале велась отчаянная борьба даже за стоячие места в проходах между сиденьями... Феноменальный успех обеих кинокартин был обусловлен в первую очередь тем, что за экранизацию талантливых литературных произведений взялись талантливые же творческие коллективы.

Фильм «Алые паруса» снял режиссер Александр Лукич Птушко, на ту пору известный мастер кино-сказок. Идею экранизации гриновской феерии он вынашивал более двадцати лет, поэтому, приступая к работе, уже имел четкие ответы на большинство вопросов, связанных с общим замыслом кинокартины. На главные роли Птушко пригласил

Кадр из
кинофильма
«Человек-амфибия»

молодых актеров, еще не располагавших богатым опытом, но зато способных увлечь зрителей непосредственной свежестью и силой своих чувств, — шестнадцатипетную Анастасию Вертинскую (Ассоль) и пернотого кинокрасавца тех лет Василия Ланового (Грэй). Разрабатывая киноверсию «Алых парусов», режиссер не во всем следовал тексту Грина и кое-что в сюжет сказки добавил от себя (например, историю с повстанцами, которых спасает Грэй). Кинокритики упрекали А.Л. Птушко за назидательность и некоторую опереточность фильма, за прямолинейность и «приземленность» героев. Но миллионы зрителей встретили эту картину с восторгом. В романтично-трогательной истории любви Ассоль и Грэя они черпали силы для собственной веры в любовь, мечту и счастье.

Через год после «Алых парусов» на киноэкраны вышел фильм «Человек-амфибия» режиссеров Владимира Александровича Чеботарева и Геннадия Сергеевича Казанского. Гитиэре в нем сыграла недавняя «Ассоль», Анастасия Вертинская, а Ихтиандра — актер-дебютант Владимир Коренев. Роль «человека-амфибии» принесла ему колоссальную известность: тысячи девушек влюблялись в молодого человека, казавшегося им — благодаря своеобразной красоте — пришельцем из другого мира, а тысячи молодых мужчин подражали ему, делая себе похожие прически.

«Человек-амфибия» стал первым советским художественным фильмом, в котором использовались подводные натурные съемки. Для него были разработаны специальная аппаратура, технологии освещения, декорации. Любопытно, что до начала съемок Владимир Коренев практически не умел плавать. И ему, и его партнерше Анастасии Вертинской пришлось тренироваться в бассейне Института физкультуры. По мере овладения искусством плавания молодой актер с восторгом открывал для себя новые красоты подводного мира. Этот опыт помог ему сделать художественно убедительным образ героя, считающего море своей родиной.

ПОВТОРЯЕШЬ И ОБОБЩАЕШЬ ИЗУЧЕННОЕ В ПЯТОМ РАЗДЕЛЕ

1. Что общего в произведениях, с которыми вы познакомились в пятом разделе? Аргументируйте свой ответ.

2. Найдите в этих произведениях «отпечатки» эпохи, в которую они создавались.
3. На основе художественных текстов, помещенных в разделе, объясните, чем научная фантастика отличается от литературной сказки, а литературная сказка — от философской сказки-притчи.
4. Какое из прочитанных произведений показалось вам наиболее увлекательным? А полезным для души? Какие важные мысли вы из него почерпнули?

УЧЕНИЕ-РАЗВИТИЕ

1. Разбейтесь на две команды: «Ассоль» и «Грэй». Каждая из команд от имени своего героя задает вопросы персонажу, которого представляют соперники, а затем отвечает на поставленные ей вопросы.

Творческое задание. Представьте, что вы, подобно Маленькому принцу, живете на отдельной планете. Опишите ее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение учебного года вы значительно расширили круг своих представлений о литературе. Работа над предложенными ниже вопросами и заданиями поможет вам проверить приобретенные знания. В случае затруднений с ответом перечитайте соответствующую главу учебника.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАЗМИНКА

1. Определите жанры следующих произведений:
 - «Человек-амфибия» А.Р. Беляева;
 - «Капитанская дочка» А.С. Пушкина;
 - «Ромео и Джульетта» У. Шекспира;
 - «Ревизор» Н.В. Гоголя;
 - «Воробей» И.С. Тургенева;
 - «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери.
2. Кратко объясните, чем отличаются друг от друга:
 - историческая народная песня и историческая повесть;
 - антитеза и конфликт;
 - монолог и диалог;
 - юмор и сатира;
 - стихотворение и стихотворение в прозе;
 - реплика и ремарка;
 - сказка и научная фантастика.
3. Объясните, что характерно для жанров рубаи, танки и хокку. Назовите поэтов, работавших с этими жанрами.
4. Продолжите утверждение: «К драматическому роду относятся комедия...»
5. Дайте определение понятиям «пафос», «символ», «подтекст».
6. Что первоначально означало слово «гуманизм»? Какой смысл в это слово вкладывается сегодня?
7. Что возрождалось в эпоху Возрождения?

ПРАКТИКУМ

УЗНАЙТЕ АВТОРА ПО ШТРИХАМ ЕГО ПОРТРЕТА

Этот автор...

- ...в гимназические годы замечательно исполнял комические роли в любительских спектаклях, однако провалился на экзамене, который должен был определить его пригодность к профессиональной актерской деятельности;
- ...при жизни был в первую очередь известен как выдающийся астроном, математик и философ;
- ...сочетал литературное творчество с профессией летчика;
- ...во время беседы с царем заявил, что присоединился бы к декабристам, если бы в день их восстания находился в Петербурге;
- ...создал художественный мир, для обозначения которого в литературной критике было придумано специальное слово;
- ...откликнулся на смерть А.С. Пушкина стихотворением, которое его прославilo и одновременно вызвало возмущение царя;
- ...вот уже несколько столетий является темой ученых дискуссий, поднимающих вопрос о том, действительно ли он создал подписанные его именем произведения;

• с детства мечтал летать и пытался этого достичь, сперва прыгая с крыши с большим зонтом или самодельным парашютом, а затем, совершая прогулки по воздуху на планере, аэроплане и гидроплане.

УЗНАЙТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

ПО ФРАГМЕНТУ ОБЪЯСНЯЯ ВАЖНОЕ ДЛЯ НЕГО СОБЫТИЕ

Продолжите начатое предложение, а затем укажите точное название произведения, в котором действует данный персонаж.

Этот герой...

- ...в кулачном бою убил опричника Ивана Грозного за то, что...
- ...потерпел аварию в пустыне, где неожиданно встретил...
- ...увидев, как отец любимой им девушки руководит экзекуцией...
- ...был единодушно признан победителем певческого состязания потому, что...
- ...с детства мечтал стать капитаном и, когда подрос, отправился...
- ...очутившись в провинциальном городке, был принят за важного чиновника и...

УЗНАЙТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПО ЦИТАТАМ.

НАЗОВИТЕ АВТОРОВ ЭТИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

• «И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь. Летел, летел — всё прямо, прямо... и потонул за лесом. Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом два белых голубя».

• «Она вздрогнула, откинулась, замерла; потом резко вскочила с головокружительно падающим сердцем, вспыхнув неудержимыми слезами вдохновенного потрясения. "Секрет" в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта; негромкая музыка лилась в голубом дне с белой палубы под огнем алого шелка; музыка ритмических переливов, переданных не совсем удачно известными всем словами: "Налейте, налейте бокалы — и выпьем, друзья, за любовь"... — В ее простоте, ликуя, разрывалось и рокотало волнение».

• «Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары».

• «Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне».

• «Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Ивановича так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный,

но всё ещё видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня».

• ««Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати».

• «— У каждого человека свои звезды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца они — золото. Но для всех этих людей звезды — немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!»

• «Она затмила факелов лучи!
Сияет красота ее в ночи,
Как в ухе мавра жемчуг несравненный.
Редчайший дар, для мира слишком ценный!»

• «Как берут меня, доброго молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, доброму молодцу, белы руки,
Что куют, куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут, везут добра молодца, везут в город,
Отдают меня, добра молодца, в царску службу...»

• «Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая...»

ВОПРОСЫ ДЛЯ «КЛУБА ЭРУДИТОВ»

1. Какая страна считается родиной европейского Ренессанса?
2. Назовите произведение, которому автор дал определение «феерия».
3. Как назывался театр, совладельцем которого стал Шекспир?
4. По поводу какого произведения российский император заявил: «Ну, пыска! Всем досталось, а мне — более всех!»?
5. В каком журнале А.Р. Беляев опубликовал свои первые научно-фантастические произведения?
6. Кто такие суфии?
7. В чем заключался принцип «саби»? Где он использовался?
8. О ком из русских литераторов французская писательница Жорж Санд сказала: «Вы — реалист, который способен все увидеть, поэт, который может все украсить, и обладаете великим сердцем, чтобы всех пожалеть и все понять?»

9. К какой семье принадлежал опричник Киребеевич из лермонтовской «Песни про... купца Калашникова»? Чем был известен глава этой семьи?

10. Где Л.Н. Толстой распорядился похоронить себя после смерти? Чем это распоряжение было обусловлено?

11. Кому принадлежат следующие афористические высказывания?

- «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».
- «Самого главного глазами не увидишь...»
- «Чему смеетесь? — Над собой смеетесь!..»

УЧЕНИЕ-РАЗВИТИЕ

Групповая работа. Разбившись на пять групп по интересам, подготовьте одну из предложенных ниже литературных «акций»:

А. Литературно-музыкальная композиция «Песни русской души». Включите в эту композицию отрывки из русских народных песен, фрагменты из художественных текстов, в которых упоминаются народные песни и их исполнители, а также фонограммы произведений русских композиторов XIX в., построенные на фольклорной основе (смотри рубрику «Арт-салон», помещенную в первом разделе учебника).

Б. Презентация проекта «Самоцветы восточной поэзии». Используйте для презентации материалы глав второго раздела учебника и дополнительных рубрик («Консультация профессора Филолоγοва», «Комментарий профессора Архивайкина»).

В. Костюмированная инсценировка избранных фрагментов трагедии «Ромео и Джульетта». Придумайте название для этой инсценировки, а также разработайте необходимое художественное и музыкальное оформление.

Г. Литературная игра «Классики русского “золотого века” в немых картинах». Представьте по одной пантомимной иллюстрации к каждому произведению, включенному в четвертый раздел. Ваши одноклассники должны узнать проиллюстрированные таким образом художественные тексты.

Д. Заочная экскурсия по галерее «Сказки XX века». Подберите для этого мероприятия наиболее яркие цитаты из произведений, представленных в пятом разделе, а также перекликающиеся с ними репродукции картин или скульптур художников XX—XXI вв.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. «Образ мира, в слове явленный»	3
--	---

Раздел первый РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Глава 1. Живой голос народной души	6
Глава 2. Поэтические монументы исторической памяти	7
Песня разинцев	8
«Из-за синих гор да высоких гор...»	10
Глава 3. Раздолье лирической песни	11
«Не кукушечка во сыром бору куковала...»	12
«Ты взойди-ка, красно солнышко...»	13
«Ах вы, ветры, ветры буйные...»	14

Раздел второй ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА

Глава 1. «С Востока свет»	20
Глава 2. «Я для знаний воздвиг сокровенный чертог»	
Омар Хайям	21
«Дай вина! Здесь не место пустым словесам...»	25
«Пришел он, моего жизнекрушенья час...»	25
«Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?...»	25
«Если труженик, в поте лица своего...»	25
«Мы источник веселья — и скорби рудник...»	26
«Ужели бы гончар им сделанный сосуд...»	27
«Был ли в самом начале у мира исток?...»	27
«Я — школяр в этом лучшем из лучших миров...»	27
«Общаясь с дураком, не оберешься срама...»	28
«Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало...»	28
«О, если б каждый день иметь краюху хлеба...»	28
«Хорошо, если платье твое без прорех...»	28
Глава 3. Жемчужное ожерелье японской поэзии	29
Глава 4. Поэзия одинокой души	
Сайге	32
Сложил в первое утро весны	33
Соловьи под дождем	34
Из многих моих стихотворений о вишневых цветах	34
Когда я любовался цветами на заре, пели соловьи	34
Осень	34
Хризантемы	34
Песни любви	34

Глава 5. «Вот все, чем богат я!»

<i>Мауо Басе</i>	35
«Холод пробрал в пути...»	39
«Первая дыня, друзья!..»	39
«Уж осени конец...»	39
«На голой ветке...»	39
«В чашечке цветка...»	39
«Всё кружится стрекоза...»	39
«Тихая лунная ночь...»	39
«Старый пруд...»	39
«О, сколько их на полях!..»	40
«И цветы, и плоды!..»	40

Раздел третий

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Глава 1. Открытие мира и человека	48
Глава 2. «О дивный новый мир!»	
<i>Уильям Шекспир</i>	50
Ромео и Джульетта (<i>В сокращении</i>)	54

Раздел четвертый

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Глава 1. «Золотой век» русской литературы	78
Глава 2. «В мой жестокий век восславил я свободу»	
<i>Александр Сергеевич Пушкин</i>	81
Глава 3. Поэтические послания А.С. Пушкина друзьям	84
И.И. Пущину	86
«Во глубине сибирских руд...»	86
Глава 4. А.С. Пушкин как историк	87
Капитанская дочка (<i>В сокращении</i>)	88
Глава 5. «Я каждый день бессмертным сделать бы желал, как тень великого героя»	
<i>Михаил Юрьевич Лермонтов</i>	125
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	128
Глава 6. «Как много в человеке бесчеловечья»	
<i>Николай Васильевич Гоголь</i>	143
Ревизор (<i>В сокращении</i>)	147
Глава 7. «Искатель душевных кладов, таящихся в недрах русского мира»	
<i>Иван Сергеевич Тургенев</i>	174
Певцы	178

Из сборника «Стихотворения в прозе»	
Русский язык	191
Голуби	192
Воробей	192
Памяти Ю.П. Вревской	193
Порог	193

Глава 8. Проповедник нравственного совершенствования человека

<i>Лев Николаевич Толстой</i>	195
После бала	199

Раздел пятый

ИЗ РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Глава 1. Сказки XX века	208
Глава 2. Алые паруса в жизни Александра Грина	
<i>Александр Степанович Грин</i>	210
Алые паруса (<i>В сокращении</i>)	214
Глава 3. Виражи судьбы «Жюль Верн XX века»	
<i>Александр Романович Беляев</i>	232
Человек-амфибия (<i>Отрывки</i>)	236
Глава 4. «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил»	
<i>Антуан де Сент-Экзюпери</i>	242
Маленький принц (<i>В сокращении</i>)	245
Заключение	280